

Г. МАСПЕРО

279

АССИРІЯ

В. Митрошкин

МОСКВА —
К-во М. и С. САВАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

Г. МАСПЕРО

АССИРІЯ

В. Митрохинъ

МОСКВА
К-во М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1916.

Г. Масперо

**ВО ВРЕМЕНА РАМЗЕСА
И АССУРБАНИПАЛА**

II

АССИРИЯ

Переводъ

Е. Григоровичъ

МОСКВА

Издание М. и С. Сабашниковыхъ

1916

АССИРИЯ

Царская резиденція Дуръ-Шарукинъ.

Саргонъ хочетъ основать городъ, который принадлежалъ бы только ему.—Выборъ мѣста.—Испрашиваетъ совѣтъ боговъ.—Закладка.—Выдѣлка кирпича.—Со смертью Саргона цари покидаютъ Дуръ-Шарукинъ.—Городская стѣна.—Ворота: крылатые быки.—Что сдѣлають у городскихъ воротъ.—Улицы, дома, населеніе.—Дворецъ и его склады.—Гаремъ.—Царскіе покои и ихъ убранство.—Жрецы и ихъ значеніе въ государствѣ.—Башня уступами.

Въ годъ одиннадцатый своего царствованія, и въ день благопріятный Саргонъ, царь великій, царь могущественный, царь легионовъ, царь страны Ассура, заложилъ городъ и дворецъ, согласно волѣ боговъ и желанію сердца своего. Все въ царскихъ городахъ, гдѣ проживалъ онъ до сихъ поръ, слишкомъ живо напоминало ему славу предшествовавшихъ царей. Надписи даютъ подробное описаніе ихъ жизни, барельефы изображаютъ картины ихъ битвъ или охоты; старый Тиглатфаласаръ вы-

строилъ такое-то главное зданіе, одинъ изъ Самсираммановъ прибавилъ къ нему два флигеля, Ассурназиргабалъ возвелъ башню уступами, а Салманасаръ возстановилъ строенія гарема. Саргону захотѣлось имѣть городъ, который принадлежалъ бы ему весь и вель свое начало отъ него.

Онъ обдумывалъ дни и ночи, онъ съ религіознымъ стараніемъ подыскивалъ наиболѣе подходящее мѣсто, и остановилъ свой выборъ на дереушкѣ Маггануббѣ, нѣсколько на сѣверо-востокъ отъ Ниневіи, въ обширной равнинѣ, простирающейся между крутыми берегами Хусура и горами Мусри¹. Почва даетъ здѣсь жатву дважды въ году, почему ее прозвали Равниной двухъ весенъ. Одинъ изъ протекающихъ ручейковъ пахнетъ сѣрой и обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: въ то время, какъ повсюду, въ долинѣ Тигра, мѣстные жители, и даже чужеземцы, подвержены сыпи на лицѣ въ видѣ большихъ болѣзненныхъ прыщей, которые исчезаютъ черезъ годъ, оставляя по себѣ неизгладимые рубцы, пьюшіе эту воду, или совсѣмъ избавлены отъ недуга, или быстро исцѣляются. Такимъ образомъ, мѣстность представляла боль-

¹ Хусуръ, нынѣ Хоссеръ, впадающій въ Тиръ при Моссулѣ; горы Мусри—горная цѣпь, къ которой относится Джебелъ-Маглубъ.

шія преимущества и, однако, ни одному изъ трехсотъ пятидесяти государей, наслѣдовавшихъ Ассирійскій престолъ, цѣлыми вѣками не приходило въ голову использовать то, что было у нихъ передъ глазами. Болѣе дальновидный Саргонъ рѣшилъ основать здѣсь свою столицу и, разомъ, выселилъ отсюда всѣхъ обитателей. Нѣкоторые изъ нихъ получили серебромъ и мѣдью стоимость своихъ полей, внесенную въ купчую крѣпость; другіе, предпочитавшіе металлу землю, получили, взамѣнъ своего владѣнія, равноцѣнный участокъ. Необходимо было провести эту предварительную мѣру съ достаточнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью, чтобы не подать повода къ справедливымъ нареканіямъ: проклятія одного единственнаго изъ бывшихъ владѣльцевъ земли, который былъ бы обиженъ, принесли бы новому городу несчастіе.

Основаніе новаго города есть священнодѣйствіе, и каждое отдѣльное дѣйствіе отмѣчается длинными и сложными обрядами. Не достаточно окружить его стѣной, провести улицы, открыть базары, поселить нѣсколько тысячъ первыхъ попавшихся семействъ; чтобы все это продолжало существовать и благоденствовать: на ряду съ человѣческимъ населеніемъ, въ городскія стѣны нужно привлечь населеніе боговъ, которые бы не покидали его и согла-

сились оказывать покровительство жителямъ. Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, Саргонъ благоговѣйно испросилъ совѣта у Эа, царя боговъ, и сестры его Дамку. Онъ отправился въ храмъ Истаръ, владычицы Ниневіи и, стоя въ святилищѣ, молилъ богиню о ниспосланіи своего благословенія его замыслу. Просьба его была услышана: она повелѣла ему начинать работы и съ вѣрой въ ея обѣщанія, онъ немедленно собралъ рабочихъ и всевозможные матеріалы. Городъ, сооруженный по опредѣленному плану, долженъ былъ представлять почти правильный квадратъ и занимать площадь, приблизительно, въ триста гектаровъ. Углы его точно совпадали съ четырьмя странами свѣта: положеніе стѣнъ было обозначено на землѣ каменной кладкой въ двадцать четыре метра ширины, изъ глыбъ известняка, привезенныхъ изъ сосѣднихъ горъ. Чтобы освятить подземныя сооруженія и устранить отъ нихъ злыя силы, набросали, особенно на мѣстахъ воротъ, статуэтки изъ обожженной глины, изображающія великихъ народныхъ боговъ, цилиндры, покрытые надписями, амулеты разной формы. Но ассирійскіе зодчіе, рабскіе послѣдователи старыхъ мастеровъ Халдеи, не любятъ камня: едва стѣна была возведена до высоты 1 метра 10 сантиметровъ, они продолжали класть ее до верху изъ кирпича.

Кирпичъ, предназначенный для общественныхъ зданій, считается какъ бы священнымъ, и его нельзя изготовлять во всякое время. Его выдѣлываютъ подѣ покровительствомъ особаго бога, Симана, владыки сооруженій, и въ тотъ мѣсяць, который носить его имя. И такъ, царь, въ первые дни Симана, (Май—Юнь) расположился лагеремъ, съ многочисленной свитой, въ равнинѣ Маггануббы. Тамъ былъ сооруженъ жертвенникъ: онъ возжегъ огонь, совершилъ

Рис. 1. Царское жертвоприношеніе.

возліаніе изъ священнаго мѣднаго сосуда, повелѣлъ зарѣзать быка и воздѣвъ руки, просилъ Симана и отца его Бэла, строителя вселенной, согласиться руководить работами (рис. 1). Глину, добытую на мѣстѣ, очистили отъ камня, смѣшали съ рубленой соломой и водой, размяли ногами, сложили въ формы и высушили на солнцѣ. Кирпичи почти квадратные, около сорока сантиметровъ шириной, въ толщину иногда пять, иногда десять сантиметровъ; на одной ихъ сторонѣ находится от-

тискъ имени и знаковъ достоинства царя, при которомъ ихъ изготовляли. Два мѣсяца спустя, въ Абу, началась постройка: она продолжалась четыре года и завершилась лишь ко времени возвращенія Саргона изъ послѣдняго его похода. Не долго пришлось ему порадоваться на городъ, носившій его имя, гдѣ все говорило о его величїи. Скоро послѣ своего водворенія, онъ погибъ, умерщвленный по подстрекательству, а, быть можетъ, и отъ руки сына своего Сеннахериба. Дуръ-Шарукинъ¹, возведенный въ столицу по прихоти своего основателя, теперь не болѣе, какъ одна изъ многочисленныхъ резиденцій ассирійскихъ царей. Въ обычное время онъ кажется мертвымъ или, по меньшей мѣрѣ, спящимъ городомъ, съ пустынными улицами, малолюдными базарами, малочисленнымъ и лѣнливымъ населеніемъ. Раза два въ годъ онъ просыпается, его дворцы открываются, площади оживаютъ, онъ наполняется движеніемъ: это Ассурбанипаль, утомившись суетой Ниневїи, прїѣхалъ со своимъ гаремомъ и со своимъ дворомъ.

Дорога въ Дуръ-Шарукинъ, при выходѣ изъ Ниневїи, пересѣкаетъ Хусуръ и идетъ дальше,

¹ Шарукинъ настоящее произношеніе имени Саргонъ; внѣ названія города, я вездѣ сохранилъ форму Саргонъ.

почти не отступая отъ лѣваго берега рѣки. Это, подобно всѣмъ дорогамъ, бороздящимъ Ассирію, убитое камнемъ шоссе, въ двѣнадцать метровъ ширины, съ каменными столбами, разставленными въ неправильныхъ промежуткахъ, на которыхъ обозначено разстояніе. Послѣ многихъ поворотовъ оно приводитъ къ воротамъ Истаръ, на юго-западномъ концѣ города. Укрѣпленія Дуръ-Шарукина остались еще въ томъ видѣ, въ какомъ были при Саргонѣ. Городская стѣна стоитъ прямо на равнинѣ, на промежуткахъ двадцати семи метровъ она укрѣплена квадратными башнями съ возвышающимися зубчатыми верхушками, которыя образуютъ выступъ въ четыре метра, обращенный къ валу. Она поднимается на двадцать метровъ надъ уровнемъ земли, а ширина ея верхней площадки такъ велика, что по ней могло бы ѣхать семь колесницъ, не задѣвая другъ за друга. Все это сооруженіе, въ сущности, является глыбой плотной земли. Кирпичи, наложенные одинъ на другой безъ извести или другого цемента, будучи еще сырыми, склеились и какъ бы прониклись взаимно: нѣтъ такой боевой машины, которая могла бы пробить въ ней брешь для приступа.

Воротъ въ ней восемь, по двое съ каждой стороны. По бокамъ ихъ двѣ башни, отстоящія другъ отъ друга только на ширину про-

хода. Каждый изъ нихъ посвященъ одному изъ боговъ города и носятъ его имя: ворота Бэла, ворота Бэльтисъ, ворота Ану, ворота Истаръ. Съ наружной стороны они прикрыты маленькимъ замкомъ, съ низкими башнями по угламъ, въ двѣнадцать метровъ ширины (рис. 2). Пять изъ нихъ открыты какъ для

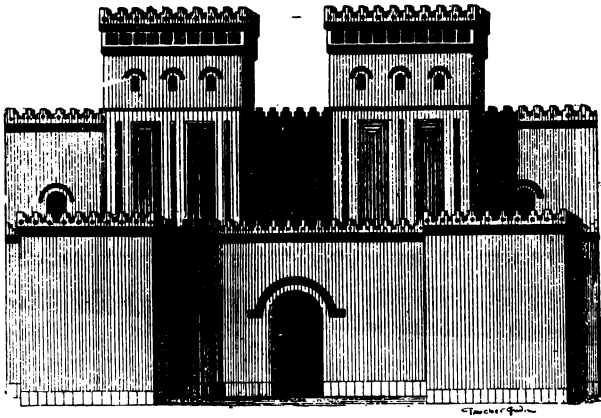

Рис. 2. Одни изъ воротъ Дурь-Шарукина (по Пласу).

людей, такъ и для животныхъ. Каждое утро крестьяне гонятъ въ нихъ скоть, или провозятъ на тяжело нагруженныхъ повозкахъ овощи и плоды. Они минуютъ стражу, пересѣкаютъ большой мощный дворъ, потомъ углубляются подъ своды коридора между двумя башнями, въ сорокъ семь метровъ длины, перерѣзан-

ные почти на равныхъ промежуткахъ двумя поперечными галереями. Трое остальныхъ воротъ представляютъ совсѣмъ особенное устройство. Лѣстница въ одиннадцать ступеней, ведущая во дворъ, дѣлаетъ ихъ недоступными для скота и повозокъ. При входѣ въ коридоръ высятся два исполинскихъ быка съ человѣческой головой: лицомъ повернутые, какъ и главный входъ, наружу, и примыкающіе туловищемъ къ внутренней стѣнѣ, они какъ будто поджидаютъ врага, вмѣстѣ съ двумя крылатыми геніями, стоящими позади. Раздѣляющій ихъ сводъ, который опирается на ихъ митры, украшенъ выступомъ изъ кирпичей, покрытыхъ глазурью, гдѣ стоятъ по два генія лицомъ къ лицу, протягивая другъ другу еловую шишку черезъ разноцвѣтную розетку.

Не легкимъ это было дѣломъ, доставить и водворить по мѣстамъ эти каменные чудовища. Пришлось отправиться за камнемъ въ горы Курдистана и спустить его къ берегамъ Заба. Его грубо обтесали, чтобы уменьшить вѣсъ, потомъ взвалили на полозья, и отряды иноземныхъ плѣнниковъ, таща за канаты, поднимая рычагами, водрузили глыбы на цоколь, гдѣ ваятели уже закончили работу (рис. 3). Нынѣ это мистическіе хранители города, которые оберегаютъ его не только отъ нападенія людей, но и отъ вторженія злыхъ духовъ

и злокачественныхъ болѣзней (рис. 4). Каждый день сходятся у ихъ подножія старцы и праздные сосѣди; стоя, сидя на корточкахъ,

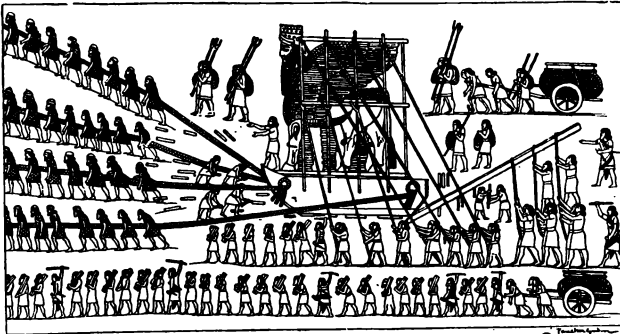

Рис. 3. Переноска быка.

на скамьяхъ или стульяхъ, которые приносятъ съ собой, они толкуютъ здѣсь о своихъ дѣлахъ и, никѣмъ не тревожимые, обсуждаютъ государственные вопросы. Зимой тепло на солнцѣ на переднемъ дворѣ, лѣтомъ прохладно подъ сводами. Иногда судья квартала разбираетъ дѣла и выноситъ приговоры, купцы обсуждаютъ и заключаютъ торговья сдѣлки, политики, всегда хорошо освѣдомленные, обмѣниваются свѣжими новостями о чужеземныхъ странахъ, о томъ, какъ египетскій губернаторъ, Псамитихъ, сынъ Нэко, изгналъ изъ Мемфиса ассирійскій гарнизонъ или какъ ким-

меряне сожгли Сарды и умертвили Гигеса Лидянина.

Въ Дурь-Шарукинъ, построенномъ почти сразу, совсѣмъ отсутствуетъ та неправильность расположенія, которая замѣчается въ старыхъ городахъ. Улицы, идущія отъ воротъ, по всей своей длинѣ сохраняютъ ширину дорогъ, продолженіемъ которыхъ онѣ служатъ. Онѣ вы-

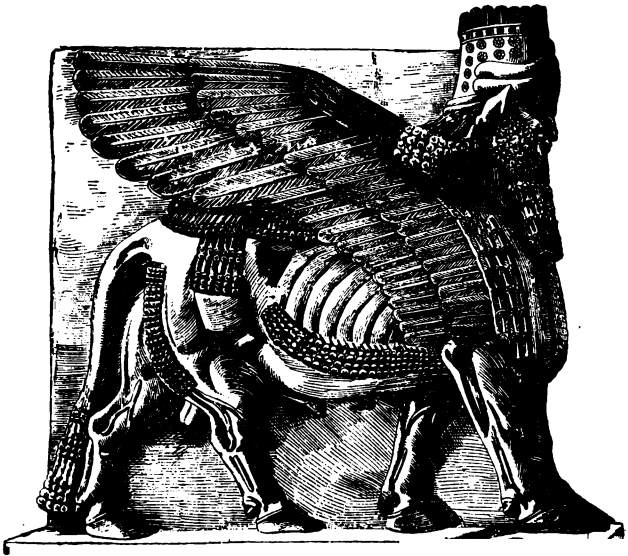

Рис. 4. Крылатый быкъ

мощены, какъ и тѣ, безъ панелей, и окрещиваются подъ прямымъ угломъ. Окаймляю

Масперо. Месирія.

щѣ ихъ дома чаще всего одноэтажные. Дверь, узкая и высокая, какъ будто скрывается въ углу фасада; лишь изрѣдка одинокое слуховое окно нарушаетъ однообразіе стѣнъ, а крыши, поднимаясь уступами, заканчиваются коническимъ куполомъ или полушаріемъ, обращеннымъ открытой своей стороною внутрь двора (рис. 5). Чужеземцы живутъ въ просторныхъ гостиницахъ, построенныхъ недалеко отъ укрѣплений. Съ виду онѣ ничѣмъ не от-

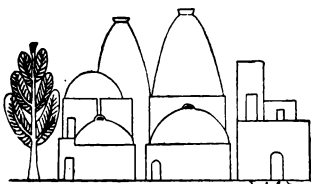

Рис. 5. Ассирійскій домъ.

личаются отъ обыкновенныхъ домовъ. Вы выходите и попадаете на большой прямоугольный дворъ: по срединѣ колодець, подъ тѣнью сикоморы; во-

кругъ него, въ нѣсколько этажей, ряды небольшихъ комнатъ, куда жильцы удаляются на ночь, и нѣсколько большихъ помѣщеній, изъ которыхъ одни служатъ конюшнями, а другія складами товаровъ.

По мѣрѣ приближенія къ центру города, дома становятся красивѣе и богаче, движеніе увеличивается, къ толпѣ пѣшеходовъ примѣшиваются колесницы. Простонародье и средніе обыватели представляютъ довольно значительное разнообразіе происхожденія и лицъ.

Ассирійскіе завоеватели всегда любили массы передвигать людей. Ихъ гордостью было пересаживать народъ, какъ это дѣлается съ деревьями, и отправлять южныя племена на сѣверъ, восточныя на западъ. Послѣ каждаго ихъ похода, плѣнники тысячами идутъ въ изгнаніе и образуютъ колоніи въ какой-нибудь отдаленной странѣ, населеніе которой, можетъ быть, на завтра займетъ мѣсто, оставшееся пустымъ у нихъ на родинѣ. Саргонъ наполнилъ свой городъ людьми, собранными со всѣхъ концовъ свѣта, въ горахъ и на равнинѣ, въ городахъ и въ пустынѣ, и поставилъ надъ ними, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, горсть солдатъ, жрецовъ и чиновниковъ ассирійцевъ. Теперь, шестьдесятъ лѣтъ спустя, потомки этихъ подневольныхъ колонистовъ усвоили языкъ и обычаи своихъ завоевателей. По говору и по одеждѣ ихъ можно принять за ассирійцевъ, но стоитъ заглянуть въ лицо, чтобы признать въ нихъ чужеземцевъ. У одного сохранился еще орлиный профиль еврея изъ Самаріи, у другого свѣтлые волосы и голубые глаза арійскаго мѣда, третій являетъ чистокровный армянскій типъ, нѣкоторые, наконецъ, происходящіе отъ смѣшанныхъ браковъ, соединяютъ въ себѣ характерныя черты трехъ или четырехъ различныхъ расъ. Смѣшеніе менѣе значительно въ Ниневіи, Асурѣ,

Калахъ и старинныхъ городахъ, существуетъ, однако же и тамъ, и не одно семейство, хвалящееся чистотой своей ассирійской крови, нашло бы въ числѣ своихъ предковъ плѣнника изъ варваровъ, если бы могло достоверно прослѣдить свое первоначальное происхожденіе.

Царскій дворецъ находится по обѣ стороны городской стѣны на сѣверо-западной сторонѣ, наполовину выступая внутрь, наполовину наружу (рис. 6). Какъ большинство большихъ гражданскихъ или храмовыхъ зданій, онъ стоитъ на площадкѣ изъ кирпича, образованной изъ двухъ прямоугольниковъ, примыкающихъ другъ къ другу въ видѣ буквы т, настоящей холмъ, воздвигнутый рукой челоуѣка, стѣны котораго высоко поднимаются надъ окружающими кровлями. Доступъ къ нему открывается только со стороны города, для пѣшеходовъ непосредственно по двойной лѣстницѣ, выходящей на площадку, а для всадниковъ и колесницъ по отлогому подъѣму, прилегающему къ правой сторонѣ зданія и заканчивающемуся у восточнаго фасада. Поднявшись наверхъ, вы встрѣчаете высокія стѣны, зубчатая, покрытая бѣлой штукатуркой. Царъ живетъ въ немъ, какъ въ крѣпостной башнѣ, господствуя надъ окружающими полями, гдѣ онъ можетъ держаться еще долго

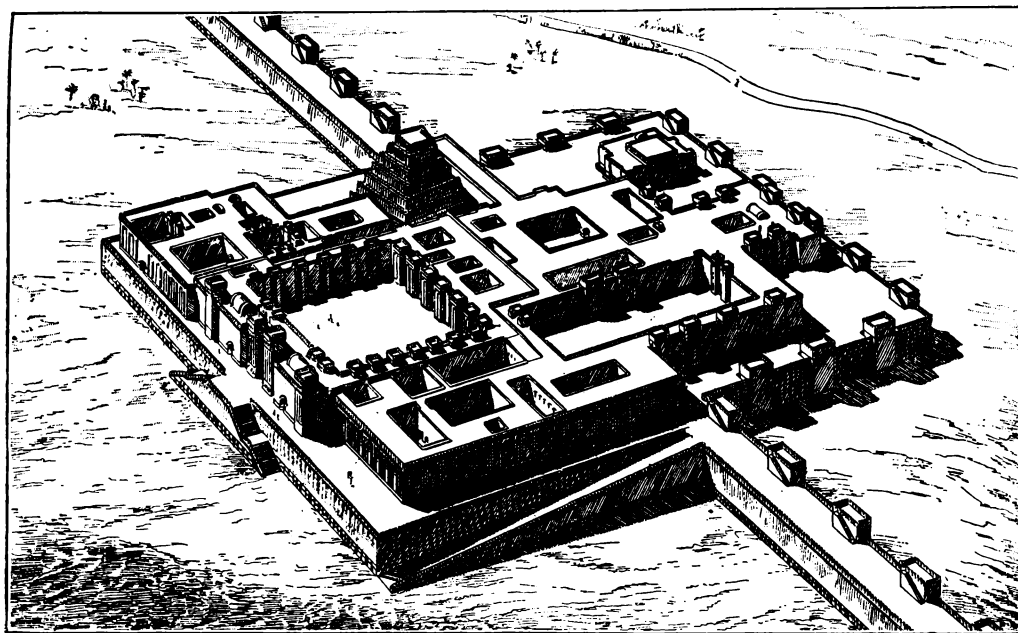

Рис. 6.—Царскій дворець въ Дурь - Шарукинѣ (по Пэрро и Шипье).

послѣ того, какъ все остальное будетъ захвачено непріателемъ. Двое главныхъ воротъ соотвѣтствуютъ двумъ приводящимъ туда путямъ: одни, на сѣверо-восточной сторонѣ, ведутъ прямо въ царскія помѣщенія, другія обращены къ городу и выходятъ на двойную лѣстницу. Два высокихъ шеста съ царскими зна-

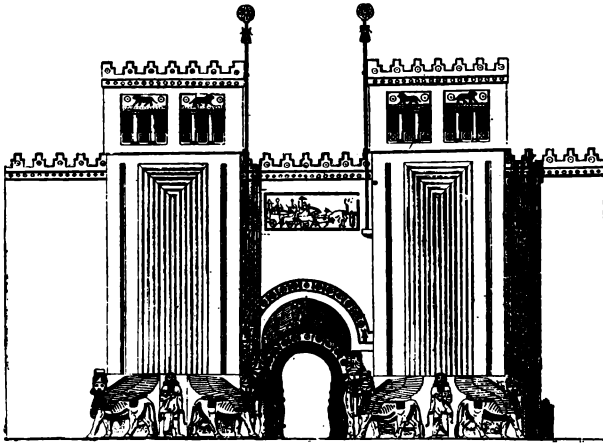

Рис. 7. — Триумфальныя ворота при входѣ во дворецъ (по Пласу).

менами издали указываютъ входъ (рис. 7). Онъ втиснутъ между двумя башнями, украшенными у основанія крылатыми быками и геніями съ человѣческими лицами. По правую и лѣвую сторону отверстія стоятъ два болѣе чудовищныхъ быка; полоса изъ эмалированныхъ

кирпичей очерчиваетъ дугообразный сводъ, а выше, подъ самыми зубцами, картина изъ эмали изображаетъ Саргона въ его славъ. Этотъ родъ триумфальной арки предназначенъ дѣйствительно для царя; два боковыхъ прохода, ниже и не такъ богато украшенные, открыты для народа.

Огромный дворъ, куда они ведутъ, представляетъ изъ себя общественное мѣсто, куда беспрепятственно проникаютъ поставщики, всевозможные торговцы, просители и даже просто любопытные. Лица, приставленные ко дворцу государя и къ управленію имъ, насчитываются тысячами, одни, какъ царедворцы, казначеи, писцы, евнухи, военачальники, другіе — какъ воины, слуги, повара. Тутъ происходитъ непрерывное движеніе отрядовъ для смѣны караула, гонцовъ, прибывающихъ и отбывающихъ съ вѣстями, чиновниковъ, идущихъ или возвращающихся со службы; вереницы ословъ утромъ и вечеромъ доставляютъ припасы, сотни рабовъ, мужского и женскаго пола, длинными рядами спускаются къ притокамъ Хусура за водой для всего этого народа. Склады занимаютъ три стороны двора: тамъ погреба съ виномъ и масломъ, тутъ склады желѣзнаго оружія, дальше помѣщеніе для мѣди, для драгоцѣнныхъ камней и металловъ, сокровищница царя, куда

онъ собираетъ добычу, захваченную у побѣжденныхъ народовъ, и правильную дань подданныхъ. Кухни сообщаются съ хлѣбопекарнями, стойла для лошадей и верблюдовъ съ сараями для повозокъ, а въ углу помѣщаются отхожія мѣста.

Дальше въ строеніяхъ, занимающихъ южный уголъ, живутъ, какъ попало, въ тѣснотѣ, слуги; каждой семьѣ отведено по одной маленькой темной комнаткѣ; они одѣваются и кормятся на счетъ царя. Это низшій разрядъ дворцовыхъ служащихъ.

Небольшая дверь, словно затерянная въ южномъ углу, ведетъ въ гаремъ. Ассиріянки изъ народа пользуются независимостью почти неограниченной. Онѣ гуляютъ, когда имъ вздумается, по улицамъ и дорогамъ, босикомъ, съ непокрытой головой и лицомъ, въ своихъ длинныхъ платьяхъ изъ мохнатой ткани. Онѣ ходятъ на базаръ, навѣщаютъ подругъ, хлопчутъ по своимъ дѣламъ, никѣмъ не стѣсняемыя; онѣ распоряжаются своимъ имуществомъ, получаютъ наслѣдство, покупаютъ и продаютъ за свой страхъ, выступаютъ въ качествѣ свидѣтельница на судѣ,—словомъ, онѣ почти во всемъ равноправны со своими мужьями. Женщины изъ высшихъ классовъ по закону обладаютъ тѣми же правами, въ дѣйствительности же имъ удѣлено весьма немного дѣйстви-

тельной свободы. Онѣ получаютъ всю роскошь и всѣ удобства, на какія даетъ имъ право ихъ богатство, но должны оставаться дома: если онѣ выходятъ, ихъ окружаютъ служанки, евнухи и пажы, и это плотное кольцо почти совсѣмъ заслоняетъ отъ нихъ внѣшній міръ. Царицы въ полномъ рабствѣ своего положенія, и остаются почти невидимы всю жизнь для всего, что не ихъ семья и обычный домашній кругъ.

Когда Саргонъ основалъ свой городъ, у него были три законныя супруги, которымъ онъ отвелъ три отдѣльных помѣщенія: въ его гаремѣ, такимъ образомъ, три квартиры или, точнѣе, три дома. Первый стоитъ уединенно въ южномъ концѣ дворца; два другіе выходятъ на квадратный дворъ, который служитъ имъ общей прихожей. Вдоль фасада сдѣланы двѣ скамьи, облицованныя эмалированнымъ кирпичомъ. По бокамъ воротъ двѣ пальмы изъ золоченой бронзы обрамляютъ входъ: какъ известно, пальма есть эмблема благодати и плодородія, и ничто не могло быть удачнѣе такого декоративнаго мотива для гарема (рис. 8). Расположеніе комнатъ во всѣхъ трехъ домахъ одинаково: прихожая, скорѣе широкая, чѣмъ длинная, залъ, наполовину открытый, наполовину подъ полукуполомъ, лѣстница въ одиннадцать ступеней и спальня

(рис. 9). Стѣны покрыты бѣлой штукатуркой и окаймлены чернымъ плитусомъ, полъ тщательно выложенъ каменными плитами или кирпичомъ; тамъ и сямъ цыновки, ковры, табуреты, кресла, низкіе столики, а въ альковѣ деревянная кровать на высокихъ ножкахъ, съ матрацомъ и покрывалами.

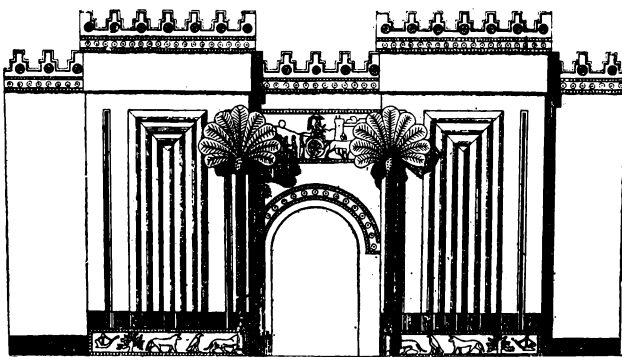

Рис. 8. — Одинъ изъ входовъ въ гаремъ въ Дурь-Шарукинъ (по Пласу).

Въ этомъ заключеніи и протекаетъ жизнь царицъ по выходѣ замужъ: наряды, вышиваніе, шитье и хозяйство, долгія бесѣды съ рабынями, не говоря о посѣщеніи ими другъ друга или о праздникахъ съ плясками и пѣніемъ, которые онѣ устраиваютъ. Отъ времени до времени царь проводитъ нѣсколько часовъ у нихъ или приглашаетъ ихъ къ своему столу

или въ всячіе сады дворца. Жены князей и крупныхъ сановниковъ допускаются къ нимъ на поклонъ, но рѣдко, изъ опасенія, чтобы онѣ не оказались посредницами между затворни-

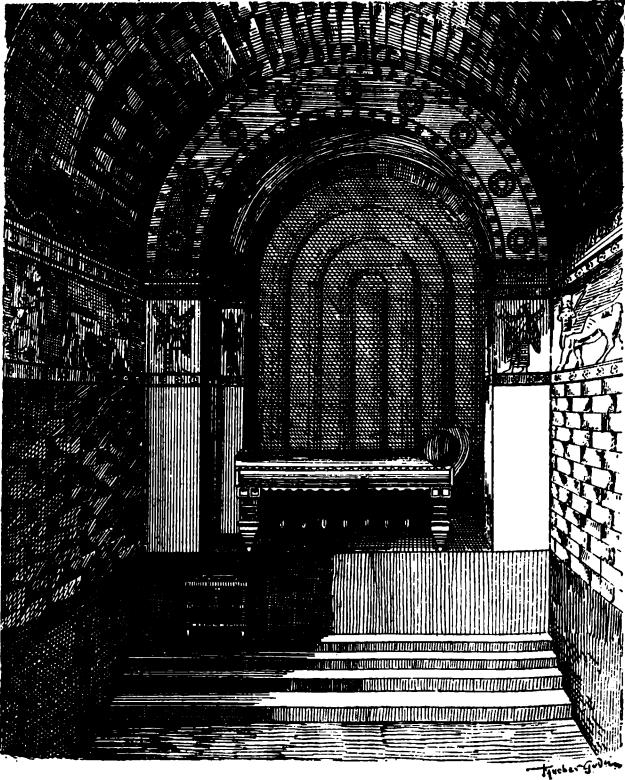

Рис. 9.—Спальня гарема въ Дуръ-Шарукинѣ.

цами и внѣшнимъ міромъ. Тѣмъ не менѣе за этимъ однообразіемъ и кажущейся простотой нравовъ кроются тысячи интригъ. Жены, дѣляція между собой благосклонность одного мужа, никакъ не могутъ питать дружбу другъ къ другу. Малѣйшій знакъ вниманія, оказанный ихъ повелителемъ которой -нибудь изъ нихъ, является поводомъ для тревоги ея товарокъ: если благосклонность растеть, безпокойство переходитъ въ ревность, а ревность въ смертную ненависть. Отвергнутыя забываютъ свои прежнія ссоры и вступають въ союзъ противъ предпочтенной, къ нимъ присоединяются евнухи, и разражается война, война хитрости и предательства, приводящая къ преступленію. Нѣсколько капель яда не разъ одерживали верхъ надъ соперницей, которая начинала оказывать чрезмѣрное вліяніе на повелителя.

Личные покои царя обращены, задней стороной, къ гарему и большому двору. Ихъ фасадъ выходитъ на юго-западъ, къ тому мѣсту, гдѣ начинается подъемъ у городскихъ укрѣпленій. Не слѣзая съ колесницы или коня, царь подъѣзжаетъ къ самымъ воротамъ своего помѣщенія. Онъ соскакиваетъ у монументальнаго входа, который по обыкновению оберегаетъ группа крылатыхъ быковъ изъ раскрашеннаго гипса; переступаетъ по-

рогъ между двумя шпалерами неподвижныхъ часовыхъ и склоненныхъ невольниковъ со скрещенными на груди руками, пересѣкаетъ площадку, проходитъ коридоръ и попадаетъ, наконецъ, на парадный дворъ въ самой серединѣ дворца. Онъ занимаетъ комнату двадцать, довольно маленькихъ и просто обставленныхъ, гдѣ спитъ, ѣстъ, работаетъ, рѣшаетъ главнѣйшія текущія дѣла, подъ охраной евнуховъ и въ обществѣ своихъ писмоводителей. Вся остальная часть зданія занята парадными залами, похожими одна на другую, гдѣ толпа придворныхъ и визирей дожидается частной аудіенціи или выхода повелителя. Сверху падаетъ слабый свѣтъ черезъ круглыя окна въ толщѣ сводовъ. Вдоль по стѣнамъ, на высотѣ трехъ метровъ отъ пола, тянутся длинные фризы барельефовъ изъ гипса, расписаннаго яркими красками. Это сцены изъ жизни основателя. Саргонъ, стоя, принимаетъ одного изъ своихъ министровъ, который передаетъ ему принадлежности для войны и путешествій. Евнухи проносятъ передъ нимъ разныя вещи: чаши и рога для питья съ львиной мордой на концѣ, тронъ на двухъ колесахъ, приспособленный для запряжки (рис. 10), кресло, столъ для ѣды и для жертвоприношеній, боевую колесницу, двухмѣстное сидѣніе, треножникъ; шестіе за-

мыкаетъ виночерпій, несущій обѣими руками металлическую чашу, въ которой выполаскиваетъ кубокъ повелителя передъ тѣмъ, какъ вновь наполнить его. Дальше Саргонъ на охотѣ, онъ преслѣдуетъ газель или льва. Въ другомъ мѣстѣ онъ скачетъ во главѣ войска по сирійскимъ равнинамъ или горамъ Арменіи.

Рис. 10.—Двое людей несутъ царскій тронъ на колесахъ.

Художникъ съ удовольствіемъ воспроизводитъ подробности, придающія каждой странѣ ея особый характеръ: такая-то гора покрыта соснами и кипарисами, такой-то округъ засаженъ виноградникомъ, рѣки какъ бы разверзаются, чтобы явить все свое животное царство — все-

возможныя породы рыбъ, раковины, черепахи, крабы, вплоть до угрей и береговыхъ лягушекъ. Прежніе ваятели испещряли свои произведенія длинными надписями, которыя заходили на фигуры и искажали ихъ. Новая школа менѣе расточительна по части письменъ. Нѣсколько короткихъ заглавій на поляхъ еще поясняютъ содержаніе картинъ или

подробности каждаго отдѣльнаго эпизода; пространный же текстъ перешелъ на оборотную сторону гипсовой плиты и обращенъ къ стѣнѣ. Ассирійское государство уже настолько старо, что испытало превратности, которымъ подвержены дворцы, какъ бы хорошо они ни были построены. Несмотря на прочность зданія, несмотря на кажущееся могущество династїи, неизбѣжно наступаетъ время, когда новые города и царствующіе дома смѣнятъ прежніе. Когда придетъ для Дуръ-Шарукина пора упадка, когда опустѣютъ его залы и рухнутъ стѣны, скрытыя надписи появятся на свѣтъ и повѣдаютъ свою повѣсть грядущимъ поколѣніямъ, а имя Саргона возстанетъ еще болѣе славнымъ изъ развалинъ основаннаго имъ города.

Не забыты были и боги: они находятся въ сѣверо-западномъ концѣ площадки, между гаремомъ и царскимъ дворцомъ, по сосѣдству съ дворцовыми садами. Имъ отведено зданіе неправильной формы, гдѣ комнаты ничѣмъ не отличаются отъ большинства комнатъ, въ другихъ зданіяхъ: стѣны выбѣлены известкой и окружены чернымъ плитусомъ, нѣсколько фресокъ съ арабесками, изображеніями животныхъ или символическихъ духовъ. Тамъ, почти въ такомъ же полномъ уединеніи, какъ женщины, проводятъ свои дни жрецы

и священные невольники въ изученіи таинствъ и обрядовъ богопочитанія. Царь Ассиріи не является, подобно фараону, прямымъ потомкомъ бога. Онъ чловѣкъ, рожденный отъ отца чловѣческаго, и какъ бы высоко ни восходилъ онъ къ началу своего рода, онъ встрѣчаетъ однихъ подобныхъ себѣ людей. Тѣмъ не менѣе, онъ верховный глава народныхъ вѣрованій: онъ совершаетъ жертвоприношенія отъ лица народа, предсѣдательствуетъ на торжественныхъ празднествахъ, одинъ проникаетъ въ святилище, стоитъ лицомъ къ лицу съ богами и бесѣдуетъ съ ними. Онъ ничего не предпринимаетъ, не испросивъ у нихъ совѣта, объявляетъ войну только въ томъ случаѣ, если заручится благопріятными предзнаменованіями, удѣляетъ имъ десятую часть добычи, захваченной у непріятели, и эта благодарность его къ нимъ распространяется и на жрецовъ.

Благочестіе не ослѣпляетъ его, однако, до того, чтобы допустить духовенство до вліянія на государственныя дѣла. Бывало, фараону приходилось склониться передъ жрецами Амона Ѡиванскаго и съ трудомъ оспаривать у нихъ власть; но никогда еще повелитель Ниневіи не склонялся передъ духовенствомъ Шамаша или Ассура. И, однако, это не мѣшало потомкамъ Саргона воздавать особое почитаніе царицѣ Истаръ, владычицѣ Ниневіи и Ар-

белеса. Эсаргаддонъ величалъ ее своей владычицей и видѣлъ, какъ она сражала передъ нимъ враговъ во время битвы. Ассурбанипаль обращается къ ней и не вызываетъ къ другимъ богамъ въ самыя торжественныя минуты; его преклоненіе передъ ней обогащаетъ жрецовъ, но нисколько не склоняетъ его къ уступкѣ имъ хотя бы части государственной власти. Итакъ, въ то время, какъ въ Египтѣ строятъ вѣчные храмы изъ известняка, гранита или песчаника, а дворцы изъ менѣе прочнаго матеріала, который не можетъ противостоятъ дѣйствию времени, въ Ассиріи дворецъ преобладаетъ надъ храмомъ своими размѣрами и красотой отдѣлки. Царь, его приближенные, жены, сокровищницы занимаютъ больше трехъ четвертей площади; жрецы будто отодвинуты въ уголъ, на задній планъ, въ царскомъ городѣ.

Жрецы, но не боги. Насколько возносятся надъ городскими улицами зубчатые уступы дворца, настолько же и еще больше возносятся вершушки ихъ храмовъ надъ зубцами дворца. Есть старинное преданіе, хорошо знакомое всѣмъ народамъ Евфрата, которое евреи запечатлѣли въ своихъ книгахъ, что послѣ гибели человѣческаго рода во время потопа обитатели страны Шумира сказали другъ другу: „Надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ ихъ на

огнѣ“. И кирпичъ замѣнилъ имъ камень, а асфальтъ былъ цементомъ. И снова сказали они: „Построимъ себѣ городъ и башню, что верхушкой своей касалась бы неба“; но боги испугались ихъ дерзости и, смѣшавъ ихъ языки, разсѣяли ихъ по лицу земли. Башня такъ и не была доведена до конца, и многіе утверждаютъ, что большой храмъ Бэла въ Вавилонѣ есть остатокъ ея.

Первые халдейскіе зодчіе, въ противоположность египетскимъ строителямъ, дѣйствительно, не искали величія своихъ святилищъ въ развитіи горизонтальныхъ линій: они направляли ихъ вверхъ, на такую высоту, какая только была возможна безъ ушерба для устойчивости, какъ будто они хотѣли взобраться на небо. Ихъ зиггура, такъ ихъ называютъ, издали напоминаютъ ихъ пирамиды уступами, какія встрѣчаются около Мемфиса; на самомъ дѣлѣ это башни уступами, сложенныя изъ кирпичныхъ кубовъ, наложенныхъ другъ на друга и соединенныхъ всходомъ, который окружаетъ карнизомъ всѣ этажи снизу до верху. Башня Дурь-Шарукина поднимается на сорокъ три метра надъ уровнемъ площади (рис. 11). Въ ней семь этажей, посвященныхъ божествамъ семи планетъ и окрашенныхъ каждый въ цвѣтъ своего бога: первый этажъ въ бѣлый, второй въ черный, третій въ багряный, четвертый въ

голубой, пятый въ алый, шестой цвѣта серебра, седьмой золоченый. Она массивная, въ ней нѣтъ никакого зала, а верхняя ея площадка завершается небольшимъ куполомъ, покры-

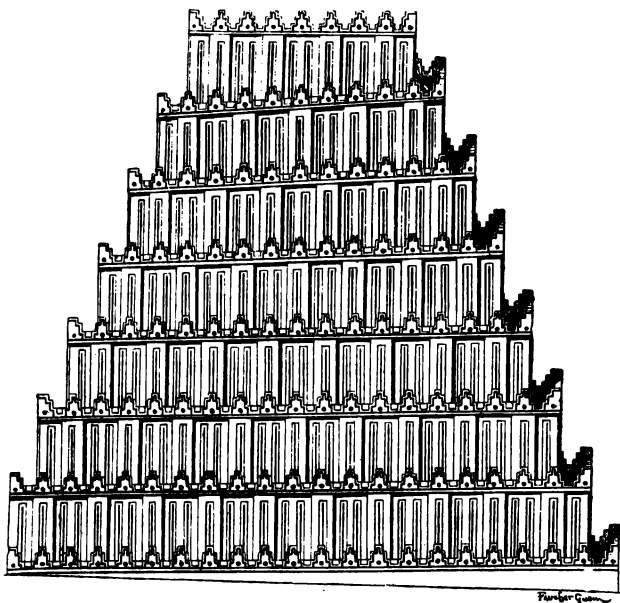

Рис. 11. Башня уступами въ Дурь-Шарукинъ (по Пласу).

тымъ золотыми пластинками: два каменныхъ жертвенника, статуя Истаръ, постель и принадлежности для жертвоприношенія составляютъ всю обстановку этой часовни въ умень-

шенномъ видѣ. Это покой богини, куда имѣютъ право входить, не совершая этимъ кощунства, только жрецы и царь. Здѣсь обитаетъ ея духъ, слитый со статуей, подобно двойнику египетскихъ кумировъ ¹; оттуда охраняетъ она мятущійся у ногъ ея народъ, предупреждаетъ его о грозящихъ ему бѣдствіяхъ и, устами своихъ пророковъ, открываетъ ему средства ослабить ихъ или предотвратить. Каждое утро лучи солнца загораются на золотѣ ея часовни и верхняго этажа: это словно огонь, весь день сверкающій между небомъ и землей, издали возвѣщая о близости города. Завидѣвъ его, путешественникъ привѣтствуетъ его и съ нетерпѣніемъ подгоняетъ коней: когда онъ пускается въ обратный путь, отблескъ провожаетъ его и словно освѣщаетъ ему путь долго еще послѣ того, какъ стихнетъ городской шумъ и скроются въ дали верхушки дворцовъ.

¹ Объясненіе двойника см. стр. 70 и слѣд. вып. I этой книги.

ГЛАВА II.

Частная жизнь ассирийца.

Судоходство по Тигру,—опасности и неприятности торговли.—Домъ обывателя: террасы, утварь, кухня.—Предохранительные амулеты.—Заклинанія охраняющія человѣка и дома.—Покупка имѣнія.—Составленіе и подписываніе торговаго договора. — Бракъ съ публичнаго торга. — Сватовство. — Брачный договоръ и обряды.—Добродѣтели хорошей хозяйки дома.

Купецъ Иддина вчера вернулся изъ Вавилона, куда онъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ. Онъ ведетъ торговлю съ этимъ городомъ и Наири¹, что вынуждаетъ его къ постояннымъ разъѣздамъ. Ежегодно отправляется онъ закупать товаръ у нѣсколькихъ знакомыхъ ему виноградарей, въ сторонѣ Амиди, и лично наблюдать за постройкой грузовыхъ судовъ. У нихъ особое устройство. Это круглыя корзины съ остовомъ изъ тростника или ивняка,

¹ Наири страна, лежащая въ области верхняго теченія Тигра, между озеромъ Ваномъ и Евфратомъ.

покрытымъ сшитыми кожами; они достигаютъ иногда очень значительныхъ размѣровъ и могутъ перевозить грузъ въ пять тысячъ талантовъ¹. Дно устилаютъ слоемъ соломы, потомъ складываютъ въ правильныя кучи кувшины съ виномъ, перекрываютъ все это еще однимъ слоемъ соломы. Экипажъ состоитъ, по меньшей мѣрѣ, изъ двухъ гребцовъ и одного или нѣсколькихъ ословъ. По прибытіи къ цѣли путешествія, купецъ продаетъ солому и вино, потомъ разбираетъ судно, которое быстрота теченія не позволяетъ отправить въ Наири по Тигру, выручаетъ, что сможетъ, за остовъ, а кожи навьючиваетъ на животныхъ и сухимъ путемъ возвращается обратно.

Веденіе торговли представляетъ много опасностей. У Тигра всѣ качества причудливаго, бурнаго потока: не одно судно, втянутое въ неожиданный водоворотъ, пошло ко дну вмѣстѣ съ грузомъ или было выброшено на берегъ настолько поврежденнымъ, что приходилось отстраивать его заново. Прибрежные жители, большею частью, воры и бездѣльники: они останавливаютъ и грабятъ суда или заставляютъ ихъ откупаться подарками. Наконецъ, ассирийскіе управители и вавилонскіе чинов-

¹ Приблизительно, 130.000 килограммовъ круглымъ счетомъ.

ники люди жадные и недобросовѣстные; приходится завоевывать ихъ благосклонность подношеніями натурой или деньгами, и добрая часть товара остается у нихъ въ рукахъ. Все это уменьшаетъ прибыль купца и увеличиваетъ рискъ; тѣмъ не менѣе дѣло настолько выгодно, что перевозкой на судахъ занимаются многіе и богатѣютъ. Впрочемъ, сухіе пути нисколько не лучше, и если бы для веденія торговли дожидались полной безопасности на этомъ свѣтѣ, пришлось бы всю жизнь просидѣть дома безвыѣздно. Съ полной безопасностью можно ѣздить по дорогамъ Ассиріи въ тѣсномъ значеніи слова, изъ Ниневіи въ Арбелесъ или изъ Арбелеса въ Калахъ и Эль-Ассуръ: здѣсь царская полиція безпощадно строга, и, за исключеніемъ случаевъ гражданской войны, одинокому путешественнику тутъ нечего опасаться. Но стоитъ удалиться отъ средоточія государства, безопасность уменьшается, купцы рѣшаются ѣздить по ассирійскимъ провинціямъ или въ чужіе края лишь караванами. Даже самыя многолюдные изъ нихъ не обезпечены отъ разгрома. Не только бродяшіе кругомъ кочевники и профессиональные разбойники заставляютъ ежеминутно быть насторожѣ, но и жители деревень, мелкіе мѣстные землевладѣльцы, даже цари, не довольствуясь законными доходами отъ дорожной пошлины, безъ зазрѣнія

совѣсти грабятъ ихъ по пути. Товары дѣлятся между грабителями и обогащаютъ государственную казну, людей умерщвляютъ или продаютъ въ рабство. Купецъ постоянно находится между богатствомъ, рабствомъ или смертью.

Домъ Иддины стоитъ недалеко отъ воротъ Истаръ. Онъ просторнѣе и выше сосѣднихъ домовъ, но снаружи не отличается отъ нихъ больше ничѣмъ. На улицу выходитъ одна только маленькая сводчатая дверь, за которой открывается узкій, темный коридоръ, проходящій черезъ все зданіе и ведущій во дворъ, довольно просторный, куда выходятъ жилыя комнаты. Дворъ окруженъ портикомъ, состоящимъ изъ столбовъ, вбитыхъ въ землю, поддерживающихъ легкій навѣсъ, примыкающій къ стѣнѣ. Комнаты узкія, продолговатыя, однѣ сводчатыя, другія съ плоскимъ потолкомъ, который поддерживается пальмовыми стволами. Большая ихъ часть—кладовыя, куда сложены съѣстные припасы и хозяйственное добро, и число жилыхъ комнатъ незначительно. Надъ всѣмъ этимъ раскинута терраса, куда ведетъ очень крутая кирпичная лѣстница; отсюда видны сосѣдніе дома. Ассиріянки большую часть времени проводятъ на крышѣ. Онѣ остаются тамъ съ утра, пока ихъ не прогонитъ жара, и возвращаются, едва солнце начнетъ склоняться къ горизонту. Тамъ онѣ свободно предаются хозяй-

ственным хлопотамъ, перебрасываются словами съ одной террасы на другую; тамъ онѣ мѣсятъ тѣсто, готовятъ ѣду, моютъ и сушатъ бѣлье или, если у нихъ есть рабы, избавляющіе ихъ отъ тяжелой работы (рис. 12), онѣ усаживаются на подушки и шьютъ или вышиваютъ подѣ открытымъ небомъ. Въ жаркіе часы дня онѣ спускаются переждать ихъ въ домѣ. Самая прохладная комната часто расположена ниже уровня двора, туда проникаетъ очень мало свѣта. Полъ выложенъ шлифованными гипсовыми плитами, похожими на красивый сѣрый и бѣлый мраморъ, а стѣны покрыты тонкимъ слоемъ гипса, приятнымъ для глаза и на ошупь.

Рис. 12. Рабъ мѣситъ тѣсто.

Ихъ поливаютъ по нѣскольку разъ въ день, и вода, испаряясь, освѣжаетъ воздухъ.

Обстановка очень простая, даже у зажиточныхъ обывателей. Она состоитъ, главнымъ образомъ изъ стульевъ и табуретовъ разной формы, одни на прямыхъ ножкахъ, другіе на перекрещивающихся. Большую часть времени спятъ на циновкахъ, но въ комнатахъ хозяина и хозяйки есть деревянные кровати на четырехъ львиныхъ ножкахъ, съ матрасомъ и

двумя покрывалами ¹. Въ одномъ изъ угловъ двора находилась печь для печенія хлѣба; мѣха съ виномъ и кувшины съ водой для питья висятъ на балкахъ галлерей; надъ очагомъ, устроеннымъ подъ открытымъ небомъ, повѣшенъ котелъ, гдѣ варится большой кусокъ говядины. Ассирийцы ѣдятъ много, пьютъ еще того больше. Бѣдняки поневолѣ довольствуются небольшимъ количествомъ хлѣба, нѣсколькими овощами, приправленными солью и масломъ, и рыбой, которая въ изобиліи водится въ рѣкахъ. У богатыхъ мясныя блюда такъ же разнообразны и обильны, какъ и у египетскихъ вельможъ. Они ѣдятъ, возлежа на лежахъ изъ слоновой кости или драгоцѣннаго дерева, и прежде чѣмъ приступить къ трапезѣ, обильно натираются благовоніями. За парадными обѣдами мужчины и женщины ѣдятъ отдѣльно, но въ будничной жизни ежедневно собираются всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ или, вѣрнѣе, за общимъ блюдомъ.

Въ домѣ нельзя ступить ни шагу, чтобы не увидѣть какой нибудь амулетъ, долженствующій оберегать домочадцевъ отъ дурного глаза, отъ злыхъ духовъ. Ассирийцы вѣрятъ, что весь міръ наполненъ демонами, вѣчно разставляющими человѣку ловушки. Они не

¹ См. форму кровати на стр. 27 рис. 9.

показываются или показываются рѣдко, но ихъ присутствіе чувствуется повсюду, въ воздухѣ, на землѣ, въ глубинѣ водъ; они многочисленны какъ пылинки, вьющіяся въ солнечномъ лучѣ. Отстранить ихъ можно только при помощи заклинаній и талисмановъ. Самый вѣрный способъ избавиться отъ нихъ, это поставить на видномъ мѣстѣ статуэтку съ ихъ изображеніемъ: надъ ней произносятся или вырѣзываютъ на ней заклинаніе, которое ихъ держитъ въ отдаленіи. Такъ, надъ дверями и на террасахъ подвѣшиваютъ фигуры одного изъ самыхъ грозныхъ демоновъ, юго-восточнаго вѣтра, чье огненное дыханіе иссушаетъ хлѣба и изнуряетъ лихорадкой людей и животныхъ. У Иддины ихъ множество, разной формы и изъ всевозможнаго матеріала, изъ бронзы, красной яшмы, желтаго камня, обожженной глины. У этого привлекательнаго существа собачье тѣло на орлиныхъ лапахъ, руки вооружены львиными когтями, хвостъ скорпіона, двѣ пары крыльевъ и человѣческая голова, наполовину лишенная мускуловъ, съ козьими рогами. Онъ такъ безобразенъ, что отъ одного собственнаго вида онъ обращается въ бѣгство (рис. 13). Другія изображенія въ этомъ же родѣ зарыты подъ каменнымъ порогомъ входной двери, чтобы преградить доступъ духамъ разрушенія. У

нихъ, большею частью, головы разныхъ животныхъ, а формы невиданныя на землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ просто народные боги, которыхъ заставляють заклинаніями охранять

Рис. 13. Юго-Восточный Вѣтеръ. Бронзовая статуэтка.

частное лицо, Бэлъ увѣнчанный тиарой и рогами, Нергаль съ львиной мордой, Нэбо, Меродахъ, Истартъ.

Какъ видите, это ополченіе боговъ не чрезмѣрно, чтобы одолѣть злыхъ духовъ, угрожающихъ брэнному челоувѣчеству. „Это порожденіе ада, большіе черви, которыхъ небо оставило на землѣ, это грозные духи, чье завываніе носится по городу, что падають

съ небесными потоками, сыны земли, вышедшіе изъ нѣдръ ея. Они обвиваются вокругъ широкихъ столбовъ, какъ вѣнецъ. Они блуждаютъ изъ дома въ домъ, ибо дверь не служитъ имъ преградой, запоры не препятствуютъ имъ войти, они, какъ змѣя, проскальзываютъ подъ

дверью, они врываются, какъ дуновение вѣтра, сквозь скрѣпы засововъ. Они вырываютъ супругу изъ объятій супруга, уносятъ ребенка съ колѣнъ отца, изгоняютъ свободнаго челоуѣка изъ отчаго дома, они грозные голоса, что преслѣдуютъ его“¹. Боги, на которыхъ возложено давать имъ отпоръ, находятся каждый на своемъ боевомъ посту, гдѣ и поджидаютъ ихъ: Нергаль наверху стѣны и подъ порогомъ, Эа и Меродахъ въ коридорѣ, направо и налѣво отъ двери, Наруди въ землѣ у кровати. Такъ какъ всякій трудъ требуетъ награды, утромъ и вечеромъ имъ ставятъ въ уголь яства и чаши съ напитками, приглашая ихъ вкусить: „О вы, верховные, сыны Эа, насыщайтесь властью и пейте вволю, чтобы стоять на стражѣ, и да не проникнетъ къ намъ никакое зло“.

Иддина, вернувшись домой послѣ долгаго путешествія, наскоро произноситъ формулу, которая должна отстранить отъ дома его всякое бѣдствіе, могущее проникнуть вмѣстѣ съ нимъ. „Чума, лихорадка, что можетъ унести моихъ домочадцевъ, болѣзнь, опустошеніе, что разорило бы мою страну, вредящіе плоти, разрушительницы тѣла, злые кошмары,

¹ Это намекъ на таинственные голоса, раздающіеся иногда по ночамъ, или на голосъ мага, чья сила неослабно преслѣдуетъ челоуѣка, противъ котораго произнесено заклинаніе.

злой демонъ, злой домовой, злой человѣкъ, дурной глазъ, злой языкъ, пусть изыдутъ они отъ человѣка, сына бога своего, пусть изгнаны будутъ изъ тѣла его, изгнаны изъ внутренностей его. Пусть никогда не подойдутъ они къ тѣлу моему, никогда не ранятъ очей моихъ, никогда не подкрадутся изъ за спины; пусть никогда не войдутъ они въ домъ мой, никогда не перешагнутъ черезъ балки кровли моей, никогда не сойдутъ въ домъ обители моей.— Двойникъ ¹ небесный, заклани ихъ! Двойникъ земной заклани ихъ!“

Когда онъ отвелъ своихъ ословъ въ стойла и распорядился унести тюки съ товаромъ въ кладовыя, жена его Нубта сообщаетъ ему обо всемъ, что происходило въ его отсутствіе, о поведеніи служанокъ, о количествѣ тканей, которыя онѣ соткали и окрасили. Ткачъ Мусидну приходилъ занять шесть седьмыхъ серебряной руды, которую и одолжилъ ему ихъ сынъ Замамандинъ, и которыя онъ вернетъ черезъ годъ; процентъ рассчитанъ такимъ образомъ, что капиталъ за это время удвоится. Иддина выражаетъ шумное одобреніе своему сыну за умѣлое устройство дѣлъ. Замамандину двадцать съ лишнимъ лѣтъ; онъ

¹ Д в о й н и к ъ примѣняется здѣсь въ томъ значеніи, которое имѣетъ на 71 стр. в. I этой книги (Египеть).

сильный, изящный, образованный мужчина, и начинает понимать въ дѣлахъ почти не хуже своего отца. Уже два года какъ Иддина поручаетъ ему руководить дѣлами, когда самъ отлучается въ Наири: до сихъ поръ Заманадинъ удачно справлялся съ самыми трудными операціями. Въ настоящее время онъ помышляетъ о женитьбѣ и пріискиваетъ въ окрестностяхъ Дуръ-Шарукина участокъ земли, доходы съ которой, вмѣстѣ съ долей прибыли, уступленной ему отцомъ, позволяютъ ему прилично содержать семью. Ему кажется, что за Хусуромъ, почти на половинѣ пути къ деревнѣ Саири, онъ нашелъ подходящее для себя имѣніе, да и владѣлецъ его не особенно требователенъ. Площадь его довольно обширна, какъ говорятъ, тридцать пять четвериковъ, что легко провѣрить. Это хорошая земля для хлѣбовъ, и давно уже принадлежитъ Набушрибу; но онъ хочетъ продать ее, такъ какъ слишкомъ старъ, чтобы обрабатывать ее самому, а родственники его заняты въ городѣ ремеслами, болѣе доходными, чѣмъ земледѣліе. Сначала онъ просилъ за нее семь минъ, но уже значительно сократилъ свои притязанія, и Заманадинъ надѣется сойтись на пяти. Иддина одобряетъ всѣ эти данныя и общается самъ заняться сдѣлкой, какъ только покончить съ собственными дѣлами.

Ему удалось получить на вавилонскомъ рынкѣ скидку на нѣсколько тюковъ шерсти, окрашенной въ Тирскій пурпуръ, отъ которыхъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ отдѣлаться одинъ сидонскій купецъ по случаю спѣшнаго отъѣзда. Ткань тонкости и красоты несравненной и, если начальникъ евнуховъ удостоитъ сказать о ней царицѣ, можно получить на этомъ товарѣ втрое больше, чѣмъ онъ обошелся, включая расходы и доставку въ Дуръ-Шарукинъ. Половина цѣны поступить Замаманадину, и этого вполне хватитъ на покупку желанной земли.

Начальникъ евнуховъ, склоненный въ пользу Тирскаго пурпура поднесеніемъ амулета тонкой работы, гдѣ изображенъ Эа, богъ-рыба, посреди двухъ поклонниковъ, дѣйствуетъ такъ ловко, что царица сразу покупаетъ всѣ тюки. На слѣдующій же день послѣ продажи, Иддина отправляется въ Саири, осмотрѣть участокъ, предложенный его сыну. Положеніе хорошее, земля кажется превосходной. Ее пересѣкаетъ ручей и дѣлится на двѣ неравныя части, меньшая изъ нихъ вполне годится подъ огородъ: одинъ-два водоема на берегу доставляли бы количество воды достаточное для обработки. Дѣло затягивается еще на нѣсколько дней, потомъ улаживается путемъ торга и взаимныхъ уступокъ: цѣна установлена

въ пять минъ, и назначень день для скрѣпленія договора у судьи Набусакина. Утромъ двадцать-пятого Тебета договаривающіяся стороны отправляются къ воротамъ Истаръ, въ сопровожденіи своихъ писцовъ и свидѣтелей (рис. 14). Званіе писца не такъ распространено въ Ассиріи, какъ въ Египтѣ; военачальники, вельможи, высокопоставленные чиновники пренебрегаютъ имъ и предоставляютъ его писцамъ по профессіи, которые составляютъ правительственныя бумаги и договоры, заключенные между частными лицами. Принадлежность писцовъ составляетъ нѣсколько кусковъ глины въ видѣ плитокъ, еще достаточно мягкой, чтобы на ней получался отпечатокъ, но уже достаточно затвердѣвшей, чтобы разъ сдѣланный оттискъ не исказился или не исчезъ. Каждый изъ нихъ беретъ по одной плиткѣ, которую онъ кладетъ плашмя на лѣвую ладонь, и, держа въ правой рукѣ трехгранный стилосъ со скошеннымъ остриемъ, принимается писать. Черты, которыя получаютъ отъ легкаго нажиманія орудіемъ по глинѣ, имѣютъ видъ клина ¹ или металлическаго гвоздя. Писать начинаютъ слѣва вдоль верхняго края плитки и покрываютъ обѣ ея сто-

¹ Вотъ почему современные ученые дали начертаніямъ этого типа названіе клинообразныхъ.

Рис. 14.—Писецъ, по статуѣ, реставрированной Гезе для выставки 1889 года.

роны изумительно искусно. Два писца обѣихъ сторонъ и писецъ судьи одновременно записываютъ формулы, ибо каждый общественный актъ долженъ быть составленъ, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ экземплярахъ. Въ прежнія времена ихъ было всего два, которые вручались обоимъ договаривающимся, и случалось иногда, что искусные, но не добросовѣстные люди измѣняли начертанія въ свою пользу. Халдеи придумали остроумный способъ предохранить себя отъ такого рода мошенничества. Когда таблица была составлена, они покрывали ее еще однимъ слоемъ глины и на немъ писали копию, вполне сходную съ оригиналомъ. Послѣдній оставался для поддѣльвателей недостижимымъ: какъ только возникало недоразумѣніе, и являлось подозрѣніе въ измѣненіи видимаго текста, въ присутствіи свидѣтелей разбивали двойной экземпляръ и свѣряли наружную редакцію его съ внутренней. Въ настоящее время предпочитаютъ составлять важнѣйшіе документы въ трехъ экземплярахъ: двѣ плитки вручаются сторонамъ, а третья хранится у царскаго повѣреннаго.

Когда копии готовы, писцы сличаютъ ихъ, чтобы убѣдиться, что ничего не пропущено, и судья читаетъ договоръ вслухъ:

„Поле пахотной земли такихъ размѣровъ,

что требуется тридцать пять четвериковъ зерна, чтобы засѣять его, расположенное въ округѣ города Саири, ограниченное владѣніями Ириси, ограниченное полемъ Шамасшумузира, ограниченное полемъ Шамассалима, ограниченное лугами общественныхъ пастбищъ, приобрѣтено Иддиной за пять минъ серебра.

„Цѣна была установлена окончательно, за поле было уплачено, и покупатель вступилъ во владѣніе, такъ что уничтоженіе договора больше не допустимо.

„Если кто-либо когда-либо захочетъ оспаривать покупку, будь то Набуирибъ или сыновья его, будь то братья его, и если онъ возбудитъ дѣло противъ Иддины, противъ сыновей его, противъ сыновей его сыновей, чтобы потребовать уничтоженія договора, онъ внесетъ десять минъ серебра, одну мину золота въ сокровищницу богини Истаръ, что обитаетъ въ Ниневіи, и, сверхъ того, онъ выплатитъ приобрѣтателю удешаженную цѣну продажи: онъ сможетъ возбудить дѣло, но не сможетъ его выиграть.

„Въ присутствіи Мадье, Биншумедира, Набушумидина, Музезибилла, Хабасло, Бэлькашдура, Ирзиси, Каннунаи, Бахэ: Набусакинъ, Судья.

„Мѣсяца Тѣбэта, дня 25, эпониміи Шарнури“¹.

¹ Этотъ договоръ подлинный и относится къ царствованію Эсаргаддона (декабрь, 675 г. до Р. Х.). Я

По прочтении, стороны и свидѣтели расписываются, каждый на томъ мѣстѣ и тѣмъ способомъ, какой предписанъ обычаемъ. Иддина и его свидѣтели дѣлають ногтемъ отмѣтку на одной изъ сторонъ плитки, и этотъ знакъ, предшествуемый или сопровождаемый обозначениемъ: ноготь Иддины, ноготь Биншумедира, есть ихъ подпись. Набуирибъ и писцы прикладываютъ свою печать наверху и на оборотѣ таблицы, а надпись, начертанная сверху или сбоку, поименовываетъ обладателя печати. Печати сдѣланы изъ твердаго камня разныхъ породъ, изъ красной или зеленой яшмы, изъ агата, оникса, сердолика, горнаго хрустала, иногда изъ янтаря или металла. Часто онѣ имѣють видъ усѣченного конуса, съ основаніемъ слегка выпуклымъ; на нихъ вырѣзаны фигуры боговъ или богинь, иногда однѣ, иногда съ прибавленіемъ ихъ поклонника; нерѣдко къ изображеніямъ прибавляется имя владѣльца печати (рис. 15). Каждый изъ свидѣтелей прокатываетъ свой цилиндръ или прикладываетъ печать къ глинѣ, а судья послѣ всѣхъ удостовѣряетъ подписи. Глиняныя плитки кладутся въ печь и быстро пре-

перенесъ его цѣликомъ въ царствованіе Ассурбанипала, переимѣнивъ имя настоящаго покупателя на имя Иддины; перевелъ я также ассирійскія мѣры на современные, болѣе или менѣе соответствующія имъ.

вращаются въ твердые кирпичи. Иддина тотчасъ же, новой серіей договоровъ, передаетъ только что прибрѣтенное поле своему сыну. Приданое Замаманадина отнынѣ установлено неизбылемо: Нубта можетъ теперь пуститься въ поиски своей будущей невѣстки.

Женитьба является и государственнымъ актомъ и обрядомъ домашняго культа. Она заключается путемъ взаимныхъ обязательствъ

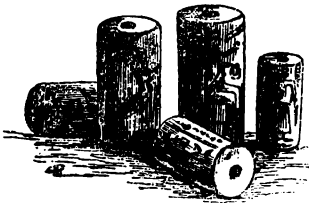

Рис. 15.—Ассирійскіе цилиндры.

сторонъ и узаконяется однимъ или нѣсколькими официальными договорами, которые составляютъ писецъ, а свидѣтели скрѣпляютъ печатями, подлинную же копию съ нихъ пере-

даютъ городскому стряпчему. Госпожѣ Нубта нетрудно найти жену для Замаманадина. Молодой человѣкъ, богатый, видный, занимающійся почтеннымъ ремесломъ, можетъ выбирать по желанію изъ двѣхъ кварталовъ: не много найдется такихъ, кого бы семья отказала выдать за него. Нубта колеблется только между разными способами заключенія брака, дозволенными обычаемъ, и спрашиваетъ себя, который изъ нихъ будетъ лучше для ея сына и для нея самой. Купить ли ей будущую не-

вѣстку? Говорятъ, что когда-то въ Вавилонѣ бывала ежегодная ярмарка для продажи дѣвушекъ на базарной площади города. Глашатай объявлялъ ихъ продажу съ публичнаго торга, начиная съ самыхъ красивыхъ; женихи оспаривали ихъ другъ у друга за самыя высокія цѣны. Потомъ слѣдовали некрасивыя; но, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ за деньги, берушимъ ихъ себѣ въ жены выдавали въ придачу извѣстное количество денегъ изъ прибыли за продажу красивыхъ, въ размѣрѣ соотвѣтственно ихъ безобразію. По окончаніи сдѣлки, пары женились между собой путемъ формальнаго договора, и женщины слѣдовали за своими повелителями въ новые дома.

Въ настоящее время нравы измѣнились: женщинъ не покупаютъ уже съ публичнаго торга, а родители заключаютъ между собой сдѣлку. Нихтекаррау, одна изъ сосѣдокъ Нубта, такимъ путемъ приобрѣла супругу для своего сына Зиха, молодую Тавасъ-хасину; ея родители были счастливы обезпечить свое будущее брачной продажей. Въ этихъ случаяхъ цѣна никогда не бываетъ слишкомъ высока: Нихтекаррау заплатила за свою невѣстку восемнадцать драхмъ серебромъ¹, и она стоитъ

¹ Около 67 франковъ 50 сантимовъ нашего серебра по вѣсу.

этого. Красильщикъ Набуахинъ, живущій на углу, сдѣлалъ еще лучше. Онъ ничего не заплатилъ за Банатсагиль, музыкантшу: онъ ограничился прибавкой къ контракту оговорки, согласно которой онъ выплатить ей неустойку въ шесть минъ серебра ¹ въ томъ случаѣ, если отвергнетъ ее, чтобы жениться на другой. Правда, шесть минъ не малая цифра, но онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выпустить ее изъ рукъ только по своей волѣ: второй пунктъ добавляетъ, что если Банатсагиль когда-нибудь нарушитъ свой долгъ, она будетъ казнена желѣзнымъ мечомъ. Смерть не является обычной карой за невѣрность жены: довольствуются тѣмъ, что ее раздѣваютъ и прогоняютъ на улицу, предоставляя ей жить дальше, какъ сможетъ. Высшая степень наказанія упомянута здѣсь только для того, чтобы освободить Набуахидина отъ обязательства уплаты шести минъ, когда ему вздумается жениться: онъ помилуетъ ее, если она согласится не требовать своей доли. Нубта не вводитъ въ свои соображенія допущенія подобнаго несчастія: женитьба путемъ купли представляетъ большія преимущества для нея самой. Купленная дѣвушка не вноситъ съ собой

¹ Шестъ минъ серебромъ составляютъ приблизительно 1350 франковъ серебромъ по вѣсу.

того высокомѣрія и тѣхъ притязаній на главную роль въ домѣ, которые такъ часто приводятъ въ отчаяніе свекровь. Ей выгодно быть кроткой, послушной, считаться съ привычками своей новой семьи; ссора съ родителями мужа могла бы привести къ разводу и снова свергнуть ее въ нужду. По правдѣ сказать, она раба, вещь своего мужа, и настолько раба по закону, что если бы ея отецъ или кто-нибудь изъ домашнихъ осмѣлился потребовать ее обратно, его постигнетъ такое же наказаніе, какъ того, кто безъ достаточнаго основанія оспариваетъ законность торговой сдѣлки—денежная пеня: въ случаѣ Тавасъ-хасины она въ самомъ договорѣ установлена въ размѣрѣ десяти минъ серебромъ ¹.

Въ невѣстахъ для продажи недостатка нѣтъ. Прежде чѣмъ остановить свой выборъ на комъ-нибудь изъ нихъ, Нубта справляется, нѣтъ ли у ея подругъ или у ихъ подругъ дѣвушки, достаточно богатой, чтобы Замамандинъ могъ жениться на ней, не платя наличными или не выдѣляя ей ея вдовьей доли. Оказывается, что Нихтекаррау знакома съ женой купца, по имени Сулай, который живетъ у воротъ Шамаша: у него есть нѣсколько до-

¹ Десять минъ серебромъ составляютъ около 2250 франковъ нашей серебряной монеты по вѣсу.

черей невѣсть. Старшей, Билитсуну, скоро исполнится тринадцать лѣтъ, она большого роста, стройная, бѣлолицая, съ алыми губами, длинными глазами, густыми черными бровями, сходящимися на переносицѣ. Она умѣетъ вести хозяйство, пѣть, играть на арфѣ, вышивать, свободно пишетъ и читаетъ: среди благородныхъ не найти дѣвушки, образованной лучше и разностороннѣе. Отецъ ея человѣкъ надежный, честный, извѣстный во всемъ кварталѣ своей неподкупностью; у него къ тому же лавка съ тканями, имѣющая много покупателей, а мать ея, находящаяся еще въ живыхъ, владѣетъ обширными землями, которыя перейдутъ къ ней. Нубта получаетъ приглашеніе въ гаремъ Сулая: молодая дѣвушка ей нравится, дѣло налаживается между женщинами, и теперь остается сдѣлать формальное предложеніе.

Иддина румянится, бѣлится, натирается благовоніями, надѣваетъ свое лучшее платье съ бахромой; потомъ идетъ къ Сулаю и, послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ, прямо приступаетъ къ дѣлу: „Отдай дочь твою, дѣвицу Билитсуну, въ жены моему сыну Замамандину“. Сулай согласенъ, и, не откладывая, они сговариваются о приданомъ. Оба отца щедры и богаты, но они къ тому же еще люди торговые. Одинъ запрашиваетъ слиш-

комъ много, другой предлагаетъ въ отвѣтъ слишкомъ мало; лишь послѣ нѣсколькихъ часовъ торга они приходятъ, наконецъ, къ соглашенію и устанавливають приданое въ размѣрахъ, которые сами уже заранѣе считали подходящими: одна мина серебра, три служанки, наряды, утварь, съ правомъ ея отцу замѣнить наличныя деньги предметами одинаковой цѣнности. Свадьба назначена черезъ недѣлю, на десятое Адара. Приготовленія не долги. Молодая дѣвушка сама изготовила въ прошломъ году ткани и вышила все, что ей нужно для своей одежды и украшенія комнаты. Три рабыни, которыхъ дають за ней, родились въ домѣ и знаютъ свою госпожу съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Кровать, стулья, сундуки, посуда обстановка гарема покупается готовой на базарѣ. Самое главное для невѣсты украсить себя, чтобы понравиться мужу, когда она скинетъ съ себя покрывало, въ день свадьбы, и онъ увидитъ ее въ первый разъ безъ свидѣтелей. Она купается, долго натирается драгоценными благовоніями, красить ладони и ногти въ красный цвѣтъ мазью изъ лавзоніи, пробуетъ румяна для щекъ и черную краску для рѣсницъ. Ея подруги наперерывъ помогаютъ ей, дають совѣты и главное болтають съ утра до вечера. Эти дни ожиданія самыя счастливыя въ жизни женщины.

Когда десятого утромъ друзья обоихъ семействъ собрались въ домѣ невѣсты, пришелъ писецъ составить брачный договоръ. Оба отца и женихъ въ парадныхъ одеждахъ: они поддерживаютъ честь своего дома. Спрошенный звѣздочетъ заявилъ, что день этотъ счастливый, предзнаменованія благопріятны; мужчины сходятся въ пріемномъ залѣ, женщины толпятся въ гаремѣ около невѣсты. Наступаетъ минута выполнения установленныхъ обычаемъ формальностей. Иддина встаетъ и вслухъ дѣлаетъ предложеніе, Сулай принимаетъ его и, подѣ одобрительный шопоть присутствующихъ, объявляетъ, что дастъ онъ въ приданое. Тутъ входитъ Билитсуну въ сопровожденіи подругъ и женщинъ обоихъ семействъ. Ее ставятъ рядомъ съ женихомъ: Иддина беретъ ихъ руки, соединяетъ ладонями и связываетъ шерстинкой, эмблемой союза, соединяющаго отнынѣ супругу съ супругомъ; потомъ призываетъ двойниковъ Нэбо и Меродаха, также двойника царя Ассурбанипала и проситъ ихъ даровать новобрачнымъ долгіе годы счастья. Только свободный гражданинъ имѣетъ право совершать этотъ символическій обрядъ и призывать боговъ въ свидѣтели брака, заключающагося во имя ихъ. Какъ только онъ кончаетъ, всѣ присутствующіе присоединяютъ свои благословенія, заботливо сопровождая

ихъ формулами, болѣе дѣйствительными для избавленія отъ дурного глаза и злыхъ навожденій, чѣмъ самыя горячія пожеланія.

Между тѣмъ писецъ, молча слѣдившій за сценой, чтобы убѣдиться, что все происходитъ согласно обычаю, принимается составлять окончательный брачный договоръ на глиняной плиткѣ. Его формула не сложна и ясна: „Иддина обратился къ Сулаю со словами: „Отдай дочь твою, дѣвицу Билитсуну, замужъ за сына моего Замаманадина“. Сулай на это согласился и далъ свою дочь Билитсуну, одну мину серебра и трехъ служанокъ, Латубарану, Илласиллабитинизись и Таслиму, а также полную обстановку и поле въ восемь локтей въ приданое Замаманадину за Билитсуну. Онъ далъ Замаманадину въ залогъ за мину серебра, которую онъ выплатитъ потомъ, свою служанку Нанакиширатъ, что стоитъ двѣ трети мины, и не прибавляетъ ничего больше въ залогъ остальной трети мины; когда онъ уплатитъ мину серебра, Нанакиширатъ будетъ ему возвращена“. Свидѣтели прикладываютъ свой ноготь или печать на плитку. Бабушка ново-брачной, госпожа Этиллиту, желая выказать удовольствіе, которое доставляетъ ей этотъ союзъ, прибавляетъ двухъ рабынь къ тѣмъ тремъ, которыя даетъ Сулай за своей дочерью, и это становится содержаніемъ дополнительнаго

договора, составленнаго такъ же, какъ и первый: „Госпожа Этиллиту даетъ по собственному желанію госпожѣ Билитсуну, дочери Сулая, ея старшаго сына, Банитлумуръ и Базитъ, двухъ своихъ служанокъ въ придачу къ тѣмъ тремъ, что далъ ей ея отецъ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ обжаловать это, съ цѣлью вернуть этотъ даръ, да пошлютъ ему гибель Меродахъ и Зарпанитъ да сократитъ дни его жизни Нэбо, писецъ Эсаггиля!“¹

Молитвой, слѣдующей за соединеніемъ рукъ, испрошено благословеніе неба на союзъ молодыхъ людей: этимъ и ограничивается вмѣшательство религіи въ бракъ. Какъ только окончено чтеніе договоровъ, Сулай распоряжается, чтобы внесли столы, и приглашаетъ присутствующихъ раздѣлить съ нимъ пищу и питье; остатокъ дня проходитъ въ пиршествѣ и развлеченіяхъ: танцовщицы, пѣвцы, арфисты и флейтисты, паяцы съ фокусами, сказочники съ баснями и смѣшными рассказами. Домъ, недоступный въ обычное время, открываетъ въ этотъ день свои двери настежь и оказываетъ гостепріимство всякому, кто пожелаетъ имъ воспользоваться: всѣ сосѣди явля-

¹ Эти договоры подлинныя: я ограничился измѣненіемъ именъ и нѣсколькихъ подробностей, чтобы тотъ и другой находились въ соотвѣтствіи съ общими данными моего рассказа.

ются поздравить родителей новобрачной и принять участіе въ ихъ радости. Наступаетъ вечеръ, а съ нимъ и минута, когда Билитсуну должна навсегда покинуть отчій домъ. Она плачетъ, хватается за свою мать, оттягиваетъ разставаніе, какъ это принято дѣлать благовоспитанной дѣвушкѣ. Наконецъ она выходитъ пѣшкомъ въ сопровожденіи своихъ подругъ и идетъ при свѣтѣ факеловъ, подъ пронзительные крики, какими женщины обыкновенно выражаютъ свою радость въ торжественныхъ случаяхъ. Собирается толпа посмотришь на шествіе съ его музыкантами и шутами, вереницей рабовъ, утвари, сундуковъ, предшествующихъ новобрачной. Замамандинъ ждетъ ее, окруженный своими дружками, и встрѣчаетъ ее на порогѣ дома. Праздникъ возобновляется—вина, яства, музыка—и продолжается даже послѣ того, какъ супруги удалятся въ гаремъ.

Онъ длится еще нѣсколько дней, послѣ чего жизнь въ обоихъ домахъ вступаетъ въ обычную колею. Билитсуну скоро свыкается со своей ролью хозяйки дома, и Нубта не нарадуется, что выборъ ея палъ на нее. Она олицетвореніе той добродѣтельной матроны, какую прославляютъ мудрецы всего свѣта. Сердце мужа ея можетъ довѣриться ей, и онъ не пожалѣетъ объ этомъ. Она дѣлаетъ ему добро,

и никогда не причиняетъ зла, во всю жизнь. Она раздобиываетъ себѣ шерсть и ленъ и охотно занимается рукодѣлями. Она встаетъ на зарѣ и распредѣляетъ пищу для членовъ семьи, работу для служанокъ. Ночью не гаснетъ свѣтильникъ ея. Руки ея берутся за прялку, пальцы крутятъ веретено. Она подаетъ руку помощи бѣднымъ, она протягиваетъ ее тѣмъ, кто въ бѣдѣ, и не страшень снѣгъ домочадцамъ ея, ибо вся ея семья превосходно одѣта. Она изготовляетъ себѣ богатая подушки, въ бѣлое полотно и пурпурныя ткани облачается она. Она изрекаетъ слова мудрости и пріятно поученіе изъ устъ ея. Она слѣдитъ за домашнимъ строемъ и не даромъ ѣстъ хлѣбъ свой. Дѣти ея растутъ и благословляютъ ее, а мужъ хвалитъ, говоря: „Много было прекрасныхъ дѣвушекъ, но ты превзошла ихъ всѣхъ“ ¹.

¹ Этотъ очеркъ заимствованъ изъ еврейской книги Притчъ (гл. XXXI). Такъ какъ онъ выражаетъ идеаль не только еврейки, но вообще восточной женщины, я позволяю себѣ примѣнить его здѣсь къ ассиріянкѣ.

ГЛАВА III.

Смерть и погребеніе.

Человѣкъ и его богъ-покровитель.—Молитва къ богу защитнику отъ болѣзни.—Богъ Головная Боль.— Колдунъ: заклинаніе противъ бога Головная Боль.— Совѣщаніе на общественной площади.— Смерть и погребеніе.—Удѣлъ душъ послѣ смерти.— Халдейскія могилы.—Аллатъ и адъ.—Душа, допущенная къ богамъ.

Со дня свадьбы протекло нѣсколько недѣль. Идиной незамѣтно начинаетъ овладѣвать какая-то слабость и тоска, причина которой непонятна ни близкимъ ни ему самому. Каждый человѣкъ съ рожденія ставится подъ покровительство какого-нибудь бога или богини, и становится ихъ служителемъ и какъ бы сыномъ, называя ихъ не иначе, какъ своимъ богомъ или своей богиней и не прибавляя никакого другого имени. Они охраняютъ его днемъ и ночью, не столько отъ видимыхъ опасностей, сколько отъ незримыхъ существъ, что непрестанно бродятъ вокругъ человѣка и

со всѣхъ сторонъ нападаютъ на него. Если онъ благочестивъ, почитаетъ ихъ и другія божества своей страны, если онъ выполняетъ предписанные обряды, приносить жертвы,— словомъ, творить благо, ему не бываетъ отказа въ ихъ содѣйствіи: они даруютъ ему многочисленное потомство, счастливую старость, долгую жизнь до времени, заранѣе предначертаннаго судьбой, когда ему надлежитъ покорно разстаться съ жизнью. Если же, напротивъ того, онъ нечестивъ, гнѣвнъ, лживъ, „его богъ подрѣзываетъ его, какъ тростникъ“, истребляетъ его родъ, сокращаетъ жизнь и передаетъ его демонамъ, которые проникаютъ въ его тѣло и мучатъ болѣзною прежде, чѣмъ нанести смертельный ударъ. Иддина спрашиваетъ себя, какое, невѣдомое ему самому, преступленіе совершилъ онъ, что его богъ какъ будто отвернулся отъ него. Онъ обращается съ молитвой къ Истаръ и описываетъ ей то состояніе одряхлѣнія, въ которое онъ погруженъ. „День мой—сплошной вздохъ, ночь—потокъ слезъ, мой мѣсяць—мука, мой годъ—непрерывный вопль; вся сила моя скована въ тѣлѣ моемъ, ноги спотыкаются, и я падаю, какъ будто на нихъ цѣпи; я лежу и реву, какъ быкъ, въ своемъ мученіи! я BLEЮ, какъ овца. И ни одинъ богъ не пришелъ до сихъ поръ мнѣ на помощь,

ни одинъ не протянулъ мнѣ руку помощи; ни одинъ богъ не сжалился надо мной, ни одна богиня не приблизилась ко мнѣ!“

Въ Ассиріи вовсе нѣтъ, какъ въ Египтѣ, священной школы врачеванія, гдѣ преподавались бы разумные способы распознавать и лѣчить самые сложные недуги. Здѣсь мы встрѣчаемъ только колдуновъ или заклинателей, умѣющихъ выслѣдить одержавшихъ демоновъ, чье присутствіе въ живомъ тѣлѣ одно только причиняетъ разстройства тѣлесныя и влечетъ за собою смерть. Общій видъ больного, его поведеніе во время припадковъ, слова, вырывающіяся у него въ бреду, все это для этихъ искусныхъ людей является признаками, по которымъ они обнаруживаютъ свойства, а иногда и имя врага, подлежащаго изгнанію. Самые грозные изъ злыхъ духовъ называются лихорадкой и чумой; къ счастью, у Иддины не замѣчается тѣхъ явленій, какія они вызываютъ. Иддина проводитъ большую часть дня въ глубокомъ снѣ, изрѣдка пробуждаясь отъ него съ мутнымъ сознаніемъ, опухшими глазами, свистомъ и шумомъ въ ушахъ, словно его бьютъ молоткомъ по головѣ. Онъ одержимъ богомъ Головная Боль, и его-то собираются обратить въ бѣгство. Заклинанія, дѣйствительныя противъ него, очень древняго происхожденія: они пере-

шли изъ Халдеи и сохранились въ старинныхъ книгахъ, таинственный языкъ и начертаніе которыхъ внятны лишь ограниченному числу ученыхъ. Магъ, за которымъ послала Нубта, чтобы лѣчить ея мужа, принесъ съ собой нѣсколько книгъ, которыя считаются наиболѣе дѣйствительными отъ описаннаго ему недуга. Онъ долго осматриваетъ глаза и лицо, проситъ рассказать начало болѣзни и послѣдовательный ходъ ея, и заявляетъ, что случай этотъ еще серьезнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Иддина—жертва порчи, которую наслалъ на него кто-то обиженный имъ, изъ мести онъ подвергаетъ его медленной смерти. Проклятіе, изреченное устами мага, не даетъ ему передышки: оно убьетъ его, если не противопоставитъ ему обратное заклинаніе, которое связываетъ въ свою пользу всемогущество верховнаго бога, Эа и Меродаха.

Врачующія заклинанія являются цѣлымъ священнодѣйствіемъ, которое слѣдовало бы совершать въ стѣнахъ храма. Въ виду того, что Иддина уже ослабѣлъ отъ перенесенныхъ страданій, магъ соглашается ухаживать за нимъ дома. Онъ запасается книгами, пачкой травъ, которыя собралъ собственноручно, и принадлежностями, необходимыми для чародѣйства. Онъ разувается, подвергаетъ себя очищенію и, войдя въ комнату, гдѣ лежитъ

больной, зажигаетъ на полу пахучія травы и растенія, горящія яркимъ пламенемъ, почти безъ дыма. Въ первой части своей молитвы онъ упоминаетъ, какого рода навожденіемъ страдаетъ его больной. „Проклятіе,—говоритъ онъ твердымъ и мѣрнымъ голосомъ,— проклятіе какъ демонъ обрушилось на человѣка, голосъ чародѣя какъ бичъ обрушился на него, зловредное проклятіе, колдовство, головная боль. Зловредное проклятіе убиваетъ этого человѣка, какъ ягненка, ибо удалился отъ дѣла его богъ покровитель его, ибо отошла отъ него богиня покровительница его, и бичующій его голосъ простерся надъ нимъ какъ покровъ и уничтожаетъ его“. Зло, причиненное чародѣемъ, ужасно, но боги могутъ еще исправить его, и Меродахъ уже встревожился, Меродахъ взглянулъ на больного, Меродахъ вошелъ въ домъ отца своего, Эа, говоря: „О, отецъ мой, злое проклятіе какъ демонъ обрушилось на человѣка!“ Дважды обращается онъ къ нему, говоря: „Я не знаю, что дѣлать этому человѣку, что можетъ исцѣлить его?“ И отвѣчаетъ Эа сыну своему, Меродаху: „Сынъ мой, что можетъ быть тебѣ неизвѣстнымъ и что могу я сказать, чего бы ты уже не зналъ? То, что я уже знаю, знаешь и ты: ступай же, сынъ мой Меродахъ, своди человѣка въ очистительную купель и удали

тяготѣющее надъ нимъ проклятіе; изгони проклятіе, недугъ, что мучитъ тѣло его, будто по причинѣ проклятія его отца или проклятія его матери, или проклятія его старшаго брата, или пагубнаго проклятія неизвѣстнаго! Да спадеть съ него это проклятіе чарами Эа, какъ шелуха чесноку, который чистятъ, какъ финикъ, который рѣжутъ на куски, какъ вѣтка, отягченная цвѣтами, которую срывають! О, двойникъ небесный, заклини это колдовство! О, двойникъ земной, заклини его!“¹ Боги вооружаются на защиту больного и самъ Эа, владыка міра, достаиваетъ указать средство. Пусть больной возьмётъ головку чесноку, финикъ и цвѣтущую вѣтку, и пусть по кускамъ броситъ ихъ въ огонь, произнося при этомъ заклинанія: какъ ни сильно проклятіе, дѣйствіе его будетъ уничтожено.

Между тѣмъ Иддина очистился, какъ это угодно Эа: онъ помылъ себѣ ноги, руки, лицо, окропилъ тѣло благовонной водой. Когда приготовленія кончены, магъ становится вмѣстѣ съ больнымъ передъ очагомъ, очищаетъ головку чесноку, которую требуетъ бѣгъ, и сжигаетъ ее бормоча договоръ: „Подобно тому, какъ этотъ чеснокъ, очищенный и брошен-

¹ Здѣсь, какъ и выше, Д в о й н и к ъ примѣняется съ тѣмъ значеніемъ, какое приписываютъ ему Египтологи; см. стр. 70 вып. I этой книги,

ный въ огонь, сгораетъ въ пламени, и не будетъ посаженъ въ огородѣ, не будетъ поливаться водой изъ пруда или канавы, корни его не вращутъ больше въ землю, стебель его не прорастетъ и никогда не увидитъ солнца, онъ не послужитъ болѣе пищей богамъ или царю, точно такъ же, да изгонитъ Меродахъ, глава боговъ, проклятіе прочь отъ Иддины, и да порветъ онъ узы терзающаго недуга, вины, разврата, преступленія“. И, слабымъ голосомъ, повторяетъ Иддина за нимъ: „Болѣзнь, что въ тѣлѣ моемъ, въ кожѣ моей, въ мышцахъ моихъ, пусть свалится она, какъ шелуха съ этой головки чесноку, и пусть пожирающее пламя поглотитъ ее въ день сей; изойди изъ меня проклятіе, да продлятся еще дни жизни моей“. Магъ рѣжетъ финикъ на маленькіе кусочки, и пока они горятъ, причитаетъ нараспѣвъ однообразнымъ голосомъ: „Подобно тому, какъ финикъ этотъ, порѣзанный и брошенный въ огонь, поглощается пылающимъ пламенемъ и не насадитъ его больше на вѣтку рука сорвавшаго его, и не послужитъ онъ пищей царю, такъ же Меродахъ, глава боговъ, да изгонитъ проклятіе прочь отъ Иддины и порветъ узы терзающаго недуга, грѣха, вины, разврата, преступленія.“ И опять Иддина повторяетъ: „Болѣзнь, что въ тѣлѣ моемъ, въ плоти моей, въ мыш-

цахъ моихъ, да будетъ искрошена она какъ этотъ финикъ, и пусть пожирающее пламя поглотитъ ее въ день сей. Изойди, проклятiе изъ меня, и да продлятся еще дни жизни моей“.

Обрядъ продолжается, и огонь поочередно поглощаетъ цвѣтушую вѣтку, клочокъ шерсти, мотокъ цвѣтныхъ нитокъ, бобъ. И каждый разъ магъ повторяетъ заговоръ, вводя въ него два-три отличительныхъ признака жертвоприношенія: листья вѣтки никогда не соединятся съ деревомъ и шерсть не доставитъ работы красильщику, не вернется къ носившему ее животному, не послужитъ для изготовленія ткани. Несмотря на слабость, Иддина выдерживаетъ до конца; но съ послѣдними словами онъ въ изнеможеніи падаетъ на кровать и почти лишается чувствъ. Обморокъ больного въ подобныхъ случаяхъ считается хорошимъ знакомъ: онъ доказываетъ, что чары подѣйствовали. Борьба, происходящая въ тѣлѣ между благотѣльными богами и духами зла, всегда настолько ожесточена, что немногіе могутъ выдержать ее безъ ущерба. Одержимый мечется, всѣ члены его дрожатъ, онъ испускаетъ стоны и жалобные вопли, катается по землѣ съ такой силой, что его трудно удержать; за этими припадками бѣшенства наступаетъ полное изнеможеніе, указывающее на временную по-

бѣду больного надъ болѣзнью. Иногда магъ читаетъ послѣднюю молитву, гдѣ онъ еще разъ призываетъ Эа, Меродаха и, наконецъ, бога огня, который благосклонно принялъ участіе въ обрядѣ колдованія: „О огонь, движушійся, владыка, восхваляемый въ странѣ, герой, сынъ бездны, что восхваляется въ странѣ, о богъ огня, своимъ священнымъ огнемъ ты освѣтилъ чертогъ тьмы. Это ты предопредѣляешь удѣлъ всего, что носить имя, ты расплавляя соединяешь мѣдь съ оловомъ, ты сплавляешь серебро и золото; тотъ, передъ кѣмъ трепещетъ злодѣй въ ночи, это ты. Сдѣлай, чтобы члены человѣка, вновь ставшаго сыномъ бога своего, засверкали чистотой, чтобы сталъ онъ чистъ какъ небо, чтобы блестѣлъ онъ какъ на землѣ, чтобы засверкалъ онъ какъ средоточіе небесъ и чтобы злой языкъ, околдовавшій его, не имѣлъ больше власти надъ нимъ“.

Проходитъ два дня, а заклинаніе повторяемое утромъ и вечеромъ, не только не оказываетъ никакого дѣйствія, но съ каждымъ разомъ какъ будто бы отнимаетъ послѣднія силы Иддины. Онъ упорно не становится „сыномъ своего бога“; наоборотъ, кажется, что его богъ отступаетъ отъ него и безпрепятственно передаетъ его смерти. Въ Вавилонѣ есть старинный обычай приводить больныхъ

на городскую площадь и оставлять ихъ тамъ на глазахъ у прохожихъ. Послѣдніе подходятъ, освѣдомляются о признакахъ болѣзни, о примѣненныхъ средствахъ; если у нихъ былъ или есть кто-нибудь изъ близкихъ, пораженный тѣмъ же недугомъ, они указываютъ исцѣлившее его средство. Этотъ обычай привился и въ Ассиріи, подобно многимъ другимъ, распространеннымъ въ Халдеѣ, и Нубта рѣшается, наконецъ, воспользоваться имъ. Она закутываетъ Иддину въ шерстяныя одѣяла, кладетъ его на кровать и велитъ двумъ невольникамъ осторожно снести его къ воротамъ Истаръ. Тамъ засѣдаютъ судьи, передъ дворомъ собрались праздные обыватели квартала, крестьяне и чужеземцы входятъ и выходятъ изъ города; если есть возможность заручиться дѣльнымъ совѣтомъ, его слѣдуетъ ждать именно здѣсь.

Видъ Иддины возбуждаетъ въ толпѣ самыя разнообразныя чувства. Нѣкоторые боятся, что болѣзнь его заразительна, и что одержавшій его демонъ готовъ покинуть его, чтобы наброситься на нихъ; другіе испытываютъ больше любопытства, чѣмъ опасеній или состраданія. Друзья растроганы изнуреннымъ видомъ его и почти взволновано обмѣниваются соображеніями о бренности жизни. Болѣе услужливыя толпятся у кровати, разспрашиваютъ,

высказываютъ предположенія, предлагаютъ средства, къ которымъ со страхомъ прислушивается семья. „Не помогли заклинанія? Какія? Читался ли заговоръ отъ семи демоновъ? Пробовали ли чары Эриду? Берутъ шерсть молодой овцы, еще нетронутую, и колдунья— колдунья, а не колдунъ—привязываетъ ее къ вискамъ больного справа и слѣва. Узелъ долженъ быть стянуть семь разъ подрядъ, въ два приѣма; потомъ обвязываютъ голову больного веревкой, другую веревку повязываютъ вокругъ шеи, еще нѣсколько вокругъ всѣхъ членовъ, чтобы связать душу его, если бы она захотѣла выйти, и тогда кропятъ его волшебной водой“. Второй заявляетъ, что самъ онъ былъ исцѣленъ колдовствомъ. Вылѣпили изъ глины похожую на него фигурку, совершили надъ ней возліаніе вина, прочитали заклинаніе, и недугъ исчезъ. Или же слѣдуетъ смѣшать шесть породъ разнаго дерева, истолочь ихъ съ кускомъ змѣи, прибавить вина, сырого мяса и, приготовивъ изъ этой смѣси тѣсто, дать проглотить. Это средство самое дѣйствительное: оно упомянуто въ одной старой книгѣ, пользующейся большимъ почитаніемъ, которую царь Ассурбанипаль велѣлъ списать для себя. Свѣжій воздухъ, солнце, шумъ въ началѣ нѣсколько возбудили Иддину, но теперъ угнетаютъ его и окончательно лишаютъ силъ. Вернувшись до-

мой, онъ впадаетъ въ полное оцѣпененіе, изъ котораго не могутъ уже вывести его ни заклинанія, ни снадобья, ни отчаянные призывы его жены и дѣтей. Еще два дня, и только легкіе хрипы, дрожь, нѣсколько судорожныхъ движеній указываютъ на то, что въ немъ еще не окончательно угасла жизнь; къ вечеру третьяго дня, незадолго до заката солнца, онъ испускаетъ послѣдній вздохъ и Шэдъ, богъ смерти, овладѣваетъ имъ навсегда.

Какъ и египтяне, народы Тигра и Евфрата выражаютъ свое горе шумно и безпорядочно. Едва кто-нибудь умираетъ, его родные и домоладцы, особенно женщины, раздираютъ на себѣ одежды, царапаютъ себѣ лицо и грудь, посыпаютъ голову пепломъ и пылью, выпускаютъ протяжные вопли отчаянія, которые приводятъ въ волненіе сосѣдей и заставляютъ ихъ присоединиться къ сразившему ихъ горю. Но если внѣшнее выраженіе чувствъ сходно, способъ обхожденія съ трупомъ у нихъ совершенно иной. Не думаютъ, конечно, что все въ человѣкѣ кончается вмѣстѣ съ окончаніемъ жизни; знаютъ, что только часть составныхъ его частей гибнетъ для нашей земли, остальные же продолжаютъ жить за ея предѣлами, если не вѣчно, то нѣкоторое время. Но, въ противоположность египтянамъ, здѣсь не считаютъ, что судьбы того, что переживаетъ, неразрывно

связаны съ земными останками, и не вѣрятъ что безплотная душа уничтожается или продолжаетъ существовать смотря по тому, уничтожается или продолжаетъ существовать въ могилѣ воплощавшее ее тѣло. Не подлежитъ сомнѣнію, что она не вполнѣ безучастна къ тому что происходитъ съ покинутой ею оболочкой: скорбь и невзгоды, причиненныя ей смертью усиливаются, если трупъ сжигаютъ, уродуютъ или оставляютъ безъ погребенія, на растерзаніе хищнымъ птицамъ. Но это сознаніе не настолько сильно, чтобы ассирійцы ощущали потребность въ полномъ устраненіи тлѣнія, которая заставляетъ египтянъ превращать себя въ муміи. Трупъ у нихъ не подвергается тѣмъ промываніямъ, погруженію въ предохраняющія вещества, тщательному наложенію повязокъ, которыя дѣлаютъ его нетлѣннымъ: его натираютъ благовоніями, наскоро одѣваютъ и уносятъ, едва начнется разложеніе, почти что черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти.

Въ то время, какъ семья предается воплямъ и отчаянію, старухи, выполняющія печальную должность надгробныхъ сидѣлокъ, берутъ Иддину въ свои руки, обмываютъ его, льютъ на него пахучія масла, облакаютъ въ парадную одежду, притираютъ румянами щеки и подводятъ глаза, надѣваютъ на шею ожерелье,

кольца на руки, складываютъ ихъ на груди, потомъ кладутъ его на кровать, и ставятъ у изголовья жертвенникъ для обычныхъ приношеній воды, ладана и пироговъ. Злые духи неустанно бродятъ около труповъ, чтобы завладѣть ими, или воспользоваться ими для своихъ злыхъ козней: мертвецъ, въ котораго они въ это время вселятся, можетъ превратиться въ вампира и приходитъ потомъ высасывать кровь изъ живыхъ. Поэтому молитвами призываютъ добрыхъ духовъ и боговъ бодрствовать надъ нимъ. Двое изъ нихъ невидимо становятся у изголовья и у ногъ ложа и простираютъ надъ нимъ благословляющія руки (рис. 16): это лики Эа, и, подобно ему, они облечены въ рыбью чешую. Трое другихъ размѣщаются въ комнатѣ усопшаго, готовые сразить перваго, кому вздумается проникнуть туда: у одного обликъ человѣка, у двухъ остальныхъ львиныя головы на человѣческомъ туловищѣ. И еще другіе витаютъ надъ домомъ, чтобы дать отпоръ привидѣніямъ, пытающимся проникнуть черезъ крышу. Послѣдніе свои часы на землѣ трупъ проводитъ, такимъ образомъ, подъ охраной легіона боговъ.

Погребальное шествіе трогается изъ дома рано утромъ. Тѣло покоится на своемъ ложѣ, которое несутъ нѣсколько человѣкъ. Впереди идетъ группа плакальщицъ и музыкантовъ,

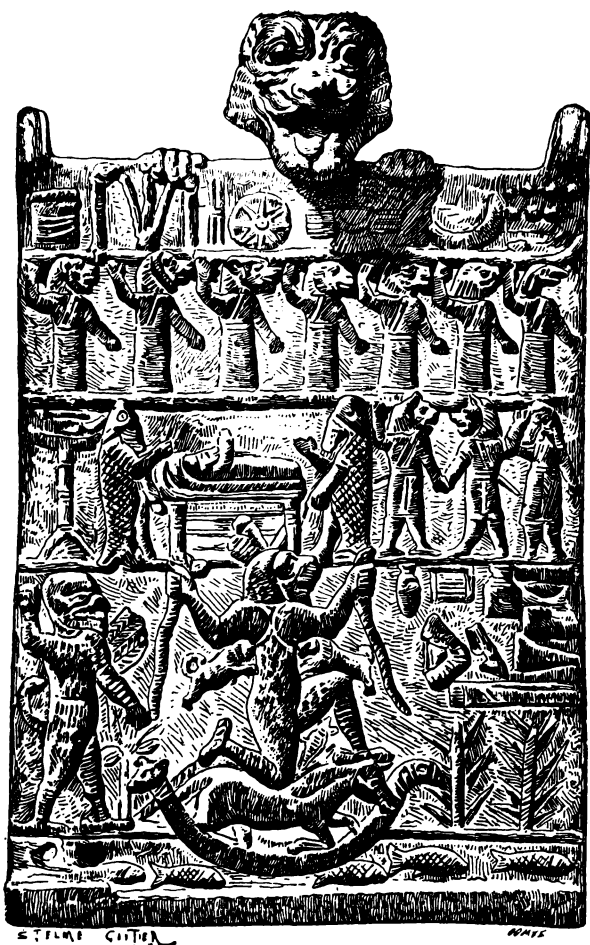

Рис. 16. Смерть и Адъ. Въ среднемъ отдѣленіи покойникъ, распростертый на смертномъ ложѣ; вокругъ него бодрствуютъ боги; Адъ и его божества изображены внизу. Памятникъ работы арамейской или финикийской; тѣмъ не менѣе, картины на немъ взяты изъ ассирійской мифологіи.

позади слѣдуетъ вторая группа плакальщицъ и музыкантовъ, за ними идутъ родственники одѣтые въ мѣшки изъ грубой, темной ткани, узкіе, безъ складокъ, потомъ друзья, знакомые и обитатели квартала, желающіе отдать послѣдній долгъ своему сосѣду. Тѣ же вопли, что и въ Египтѣ, тѣ же восклицанія, прерываемыя молчаніемъ: „Увы, Иддина!—увы, властелинъ!—увы, отецъ мой!“ Въ промежутки друзья обмѣниваются размышленіями о тщетѣ земныхъ дѣлъ, и, какъ и вездѣ, это служитъ неистощимымъ предметомъ разговоровъ оставшихся въ живыхъ. „Что мы такое?—Никто не знаетъ дня смерти своей.—Таковъ свѣтъ: вчера еще былъ живъ, и вотъ, на зарѣ нѣтъ его больше!“ Шестіе медленно выходитъ изъ города и направляется къ одному изъ кладбищъ, гдѣ покоятся жители Дуръ-Шарукина. Въ Ассиріи не слѣдуетъ ожидать монументальныхъ подземелій или пирамидъ, какъ въ Египтѣ. Здѣсь нѣтъ горъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, гдѣ камень былъ бы достаточно мягокъ, для прорытія въ немъ подземныхъ ходовъ и погребальныхъ покоевъ, и достаточно проченъ, чтобы разъ выдолбленные покои не рухнули. Ниневія и большинство городовъ Ассиріи и Халдеи окружены обширными низинами, гдѣ все зарытое быстро разлагается подъ дѣйствіемъ жары и сырости: склепы, сдѣланные въ

землѣ, были бы въ непродолжительномъ времени залиты водою, несмотря на каменную обдѣлку, живопись и изваянія раздѣдены селитрой, утварь и гроба уничтожены. Такъ что жилище мертваго ассирійца или халдея не можетъ, подобно египетскому, сдѣлаться вѣчнымъ жилищемъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ обитаетъ въ немъ, а вмѣстѣ съ нимъ и душа его, и въ минуту его разставанія съ земной жизнью, его пытаются снабдить пищей, одеждой, украшеніями и необходимыми предметами обихода. Если о немъ хорошо заботятся его дѣти или наслѣдники, онъ охраняетъ ихъ какъ можетъ, устраняетъ отъ нихъ злыя навожденія. Если они забрасываютъ ихъ и забываютъ о нихъ, они мстятъ, являясь мучить ихъ въ ихъ дома, напускаютъ на нихъ болѣзни и губятъ проклятіями. Если покойникъ случайно остается безъ погребенія, онъ становится опасенъ не только для своихъ близкихъ, но для всей страны. Мертвые, не способные сами обезпечить себѣ необходимое для частной жизни, безжалостны другъ къ другу: того, кто является въ могилу безъ возліяній и жертвенныхъ даровъ, они не принимаютъ въ свой кругъ и не подадутъ ему милостыни изъ собственныхъ скудныхъ запасовъ. Духъ непогребеннаго тѣла, не имѣя ни пристанища, ни пропитанія, бродитъ по селамъ

и деревнямъ, и живетъ только грабежомъ и преступленіями, которые совершаетъ надъ живыми. Это онъ, пробираясь по ночамъ въ дома, является обитателямъ ихъ въ страшныхъ ликахъ и наводитъ на нихъ безумный ужасъ. Постоянно находясь на сторожѣ, едва завидя жертву, онъ набрасывается на нее, приходясь „головой къ головѣ, рукой къ рукѣ, ногой къ ногѣ“. Тотъ, на кого онъ такъ нападаетъ, будь то человѣкъ или животное, никогда бы не ускользнулъ отъ него, если бы не колдовство, дающее ему всемогущее оружіе для отраженія нападений: наряду съ демонами, мы видимъ вампировъ, привидѣнія и вѣдьмъ, чью ярость заговариваютъ призывомъ двойниковъ неба и земли.

Древнѣйшіе халдеи строили свои могилы изъ кирпича, какъ дома и дворцы. Это были большіе склепы съ скрещивающимися сводами, куда замуровывали одного или нѣсколькихъ мертвецовъ за разъ. Иногда это были простые сосуды изъ обожженной глины, въ нихъ сажали мертваго въ скорченномъ положеніи, или два большихъ цилиндрическихъ кувшина, въ которые клали трупъ, спаивая ихъ смолой (рис. 17). Наконецъ, это бывали небольшія сооруженія, круглыя или овальныя, воздвигнутыя на кирпичномъ лежнѣ, крытыя куполомъ или плоской крышей (рис. 18). Жи-

лише было очень невелико, и обитатель его, часто съ трудомъ, помѣщался въ немъ, почти

Рис. 17. Халдейскій гробъ изъ обожженной глинѣ.

сложенный пополамъ. Въ самыхъ малыхъ гробницахъ къ нему клали одежду, драгоценности, бронзовыя стрѣлы, да нѣсколько сосудовъ изъ мѣди или иного металла. Другія заключали въ себѣ и обстановку, не столь полную, какъ въ

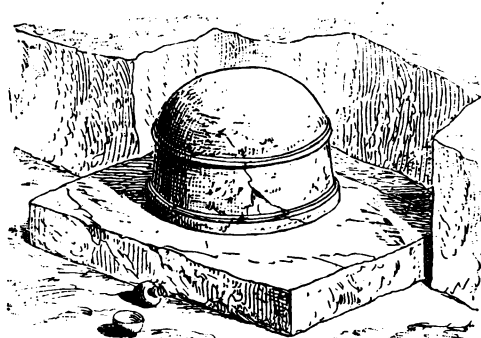

Рис. 18. Халдейская гробница круглой формы.

подземельяхъ египтянъ, но вполне удовлетворяющую потребностямъ духа. Тѣло лежало въ

одеждѣ, на цыновкѣ, пропитанной смолой, съ подушкой или плоскимъ кирпичомъ подѣ головой, съ руками, сложенными на груди, въ саванѣ, стянутомъ широкимъ ремнемъ на бедрахъ и икрахъ. Иногда трупъ клали на лѣвый бокъ, слегка согнувъ ноги, съ правой рукой, закинутой за лѣвое плечо и погруженной въ

Рис. 19. Внутренность халдейской могилы.

сосудъ, какъ будто онъ хотѣлъ взять его и поднести ко рту. Кувшины и глиняныя блюда наполнялись его повседневной пищей и напитками, тутъ были: любимое вино, финики, рыба, птица, дичь, даже кабанья голова, а иногда, какъ въ Египтѣ, жертвенные дары изъ камня, замѣнявшіе ему настоящіе и хватавшіе на долго (рис. 19). Вмѣстѣ съ съѣстными припасами человѣкъ уносилъ съ собой свое оружіе, копье,

дротики, парадный посохъ, цилиндръ, которымъ онъ припечатывалъ дѣловые акты при жизни. Рядомъ съ женщиной клали ея уборы и драгоценности, цвѣты, склянки съ духами, гребни, румяна и куски черноватой помады, которой мазали брови и рѣсницы.

Могилы, тѣсно прилегающія другъ къ другу, покрытыя къ концу года слоемъ песка или разныхъ отбросовъ, загроможденныя новыми могилами, образовали, наконецъ, въ Урукѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Халдеи цѣлые курганы, которые все расширялись и росли изо дня въ день. Въ Ассиріи онѣ не столь скучены и построены менѣе прочно; поэтому здѣсь онѣ быстро исчезаютъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ на землѣ, и тому, кто захотѣлъ бы обнаружить ихъ, пришлось бы долго рыть землю, чтобы натолкнуться на ихъ остатки. Однимъ царямъ ставятся памятники, указывающіе мѣсто ихъ погребенія. Говорятъ, въ царскомъ дворцѣ находится могила Ниноса, баснословнаго основателя города и государства ¹: надъ ней воздвигнута уступами башня, издали возвѣщая мѣсто ея нахождения. Воз-

¹ Ктезій рассказываетъ, что Семирамида похоронила Нина внутри ниневійскаго дворца; приведенное имъ преданіе, несомнѣнно, древнѣе эпохи, когда онъ писалъ, и я не слишкомъ ошибусь, отнеся его ко времени Саргонидовъ.

можно, что народное преданіе говоритъ правду объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, чему не всегда вѣрятъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что цари, въ большинствѣ случаевъ, погребаются въ городахъ, гдѣ они жили, подъ покровительствомъ боговъ города. Вавилонскія лѣтописи старательно упоминаютъ, наряду съ именемъ cadaго государя, дворецъ, гдѣ онъ погребенъ; что же касается повелителей Ассиріи, всякій старецъ Ниневіи помнитъ еще праздники, которые справлялъ въ ихъ честь Сеннахерибъ, послѣ того, какъ отстроилъ ихъ могилы, наполовину разрушенныя во время войнъ и государственныхъ переворотовъ прошлаго столѣтія.

Въ наше время никто уже не вѣритъ, что вмѣстилище изъ обожженной глины, гдѣ покоится трупъ, является навсегда жилищемъ души. Представляютъ себѣ гдѣ-то далѣко, по мнѣнію однихъ, подъ землей, по предположеніямъ другихъ, на восточныхъ или сѣверныхъ окраинахъ міра, страну потемковъ, гдѣ все, что осталось отъ прошлыхъ поколѣній, живетъ вмѣстѣ, подъ властью бога Нергала и богини Аллатъ. Туда впадаетъ рѣка, истекающая изъ первозданныхъ водъ океана, въ который погружена наша земля. Она окружена семью стѣнами и замыкается семью воротами, охраняемыми неумолимымъ стражемъ.

Тѣни прѣникають туда только по назначенію богини; ихъ лишаютъ всего, что находится при нихъ, и нагими приводятъ къ Аллатъ, которая судить ихъ и назначаетъ имъ ихъ мѣсто въ своемъ владѣніи. Неугодные ей подвергаются мученіямъ ужасающимъ: они страдаютъ отъ голода, жажды, проказа гложетъ ихъ до скончанія временъ, всѣ болѣзни обрушиваются на нихъ и терзають ихъ, никогда не убивая. Тѣ, кому удастся избѣгнуть пытокъ, влачатъ мрачное, безрадостное существованіе. Они томятся голодомъ и жаждой и находятъ для утоленія только отбросы и пыль. Они зябнуть, но имъ разрѣшено накрываться лишь одеждой изъ перьевъ, большими таинственными крыльями ночныхъ птицъ, постоянно летающихъ съ жалобными криками. Разъ допущенные въ это горестное царство, они могутъ выйти оттуда лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по приказу вышняго бога, чтобы наводить ужасъ и мучить животныхъ. Они не сохраняють никакихъ воспоминаній о томъ, что дѣлали на землѣ. Домашнія привязанности, дружба, память объ оказанныхъ имъ услугахъ, все это безслѣдно улетучивается изъ ихъ облегченной головы: у нихъ остается одно безграничное сожалѣніе о покинутомъ свѣтѣ и жгучее желаніе подняться къ нему. Аллатъ могла бы удовлетво-

рить его, если бы пожелала. Порогъ ея чертога находится надъ источникомъ, чьи воды возвращаютъ жизнь тому, кто искупается въ нихъ или выпьетъ изъ нихъ: онѣ бьютъ ключомъ, какъ только отвалить прикрывающій ихъ камень. Но духи земли, Аннуны, ревниво оберегаютъ ихъ. „Семеро ихъ, семеро ихъ; въ безднѣ пропасти семеро ихъ; не мужского и не женскаго пола суть они, но растекающимся потокамъ подобны они; они не берутъ себѣ женъ и не бываетъ дѣтей у нихъ; не вѣдома имъ ни жалость ни благодаренія, не внемлютъ они ни просьбъ, ни мольбъ; они умножаютъ ненависть въ горахъ; они враги Эа, они вѣстники смерти и сотрудники Аллатъ“. Иногда они распространяются по свѣту въ видѣ отравленныхъ вѣтровъ и нагоняютъ грозу, иногда кидаются въ битву и беспощадно косятъ героевъ. Одинъ Эа достаточно силенъ, чтобы вырвать у нихъ нѣсколько капель животворящей воды, да и ту еще даютъ они неохотно, и ропшутъ на великодушіе верховнаго бога.

Это мрачное и дикое понятіе объ общей жизни въ единомъ царствѣ еще хуже идеи о длительномъ существованіи въ могилѣ, которую оно смѣнило. Въ могилѣ душа, по крайней мѣрѣ, остается наединѣ со своимъ прежнимъ тѣломъ; въ чертогѣ Аллатъ она затеря-

на среди геніевъ, порожденныхъ ночью. Вокругъ нея колеблются страшные образы, что, едва намѣченные въ сновидѣніяхъ, мучили ее уже на землѣ. Ни у одного изъ этихъ демоновъ нѣтъ простаго облика, сходнаго съ человѣческимъ: все это смѣсь человѣка съ животнымъ, животнаго съ животнымъ, гдѣ искусно сочетались самыя отталкивающія черты каждаго вида. Львиныя головы сидятъ на туловищѣ шакала съ орлиными когтями и хвостомъ скорпіона; все это реветъ, воетъ, свиститъ, непрерывно требуетъ мятежныхъ душъ, чтобы мучить ихъ или истреблять. Повелители этихъ чудовищъ, сотрудники Аллатъ, называются: Чума, Лихорадка, Юго-Западный Вѣтеръ. Сама Аллатъ, быть можетъ, еще уродливѣе своихъ подданныхъ. У нея тѣло женщины, но несоразмѣрное, покрытое волосами, искривленная львиная морда, крылья и лапы хищной птицы. Въ обѣихъ рукахъ держитъ она по крупной змѣѣ и потрясаетъ этими живыми дротиками, что безъ пощады жалятъ и отравляютъ врага. Ея дѣти—два львенка, которыхъ она кормитъ собственнымъ молокомъ. Она объѣзжаетъ свое царство, но не верхомъ, а стоя или становясь на колѣни на спинѣ лошади, налегая на нее всѣмъ тѣломъ. Иногда она отправляется на развѣдки сама по рѣкѣ, текущей изъ міра

живыхъ; въ такихъ случаяхъ она плыветъ вмѣстѣ со своимъ конемъ на волшебной ладѣ, движущейся безъ паруса и веселъ съ носомъ въ видѣ птичьяго клюва и кормой съ головой быка (рис. 16). Ничто не ускользнетъ отъ нея, ничто не устоитъ передъ ней; сами боги могутъ проникнуть въ ея царство лишь подъ условіемъ смерти, какъ обыкновенные люди, и заявить себя вѣрноподданными рабами ея.

Однако, настало время, когда сознание чело-вѣка возмутилось на это дикое ученіе, обрекавшее всѣ поколѣнія на непрерывныя бѣдствія среди мрака. Какъ! Цари, являющіе себя праведными и милостивыми къ народу, герои, истребляющіе чудовищъ, воины, безъ колеба-нія отдающіе свою жизнь на полѣ брани, смѣшаются въ общей тѣмѣ съ насильниками, рабами и трусами! Ихъ сила, мужество, добродѣтели послужатъ лишь на то, чтобы сократить пребываніе въ нашемъ мірѣ свѣта, и ввергнуть преждевременно въ бездну ада! И возникло вѣрованіе, что боги, отдѣляя избран-ныхъ отъ низкихъ, уводятъ ихъ на плодо-носный островъ, освѣщенный солнцемъ и от-дѣленный отъ обители людей непроходимой рѣкой, ведущей къ Аллатъ. Тамъ цвѣтетъ дерево и протекаетъ источникъ жизни: не-многіе избранники иногда проникаютъ туда

при жизни и возвращаются полные здоровья и силы, какъ въ дни молодости. Сначала эту страну блаженныхъ предполагали въ топяхъ Евфрата, при устьѣ, потомъ изслѣдовавъ эту мѣстность ближе, перенесли ее за море. По мѣрѣ того, какъ открытія купцовъ или завоевательныя войны раздвигали предѣлы горизонта, замыкавшаго первыхъ халдеевъ, таинственный островъ все дальше и дальше отступалъ, сперва на западъ, потомъ на сѣверъ и, наконецъ, совсѣмъ затерялся вдали. По послѣднему представленію боги неба стали гостепріимны и допустили души героевъ въ собственное свое царство, на вершинѣ Міровой горы.

Эта гора занимаетъ сѣверную область вселенной. Звѣздный небосклонъ однимъ концомъ опирается на ея вершины; солнце каждое утро выходитъ изъ нѣдръ ея на востокъ, возвращаясь туда съ запада. Когда умираетъ герой, духъ его возносится съ земли въ видѣ облачка пыли, которое гонитъ вѣтеръ; когда онъ достигаетъ облаковъ, къ нему сбѣгаются боги и привѣтствуютъ его, какъ будто онъ одинъ изъ нихъ. „Иди сюда,—говорятъ они,—умой твои руки, очисти руки; боги, твои старшіе, умоютъ себѣ руки, очистятъ себѣ руки вмѣстѣ съ тобой“, чтобы сѣсть за трапезу безсмертія. А теперь, „вкушай чистую пищу

на чистыхъ блюдахъ, пей чистую воду изъ чистыхъ чашъ, готовься возрадоваться миру праведныхъ“. Самъ Эа, владыка боговъ, оказываетъ своему гостю честь, назначая ему его мѣсто въ святыхъ мѣстахъ и собственноручно водворяя его туда; онъ даетъ ему медъ и жиръ, онъ вливаетъ ему въ ротъ животворящую воду, которая возвращаетъ ему даръ слова, похищенный смертью. Онъ же, отдыхая на парадномъ ложѣ, глядитъ сверху на землю и ея бѣдствія. То, что первоначально было удѣломъ героевъ, стало всеобщимъ правомъ. Достаточно теперь человѣку прожить свою жизнь хорошо—хорошо значить быть благочестивымъ по отношенію къ богамъ, исправно праздновать ихъ дни, возносить имъ частыя молитвы и жертвоприношенія—чтобы получить доступъ въ потусторонній міръ. Меродахъ и супруга его, Зарпанить, „даруютъ ему ожить“: онъ ходитъ, говоритъ, ѣстъ, пьетъ сколько хочетъ, наслаждается солнцемъ и свѣтомъ. Въ царствѣ Аллатъ пребываютъ только прошлыя поколѣнія, тѣ, что жили и умерли въ первыя времена существованія міра. Они все еще прозябаютъ въ тѣни, окружая престолы, гдѣ возсѣдаютъ ихъ древніе цари, Нэръ и Этана, старые герои допотопнаго времени. Нынѣшніе люди счастливѣе. Годы, проводимые ими среди насъ, не омрачены,

какъ это было съ ихъ предками, постоянной угрозой вѣчной ночи. Набожность дѣлаетъ ихъ достойными неба, раскаяніе заглаживаетъ ихъ грѣхи, и боги ихъ оказываютъ имъ праздничный пріемъ, какъ богамъ.

Могила Иддины снабжена съѣстными припасами и утварью. Это скорѣе изъ уваженія къ стариннымъ обрядамъ, чѣмъ изъ вѣры въ понятія которые они нѣкогда выражали. Несомнѣнно, многіе еще среди высшихъ классовъ общества думаютъ, что душа пребываетъ возлѣ трупа и услаждается яствами, которыми ее снабжаютъ. Но родственники Иддины не раздѣляютъ народныхъ вѣрованій. Они знаютъ, что душа ихъ возлюбленнаго мертваго улетѣла на небо во время похоронъ. Они убѣждаются, что благодѣтельные боги помогли ея восхожденію и избавили ее отъ злобы демоновъ. Когда настанетъ для нихъ время покинуть землю, они надѣются встрѣтиться съ нею на томъ свѣтѣ, на вершинѣ Міровой горы, въ области „серебристыхъ облаковъ“.

ГЛАВА IV.

Царская охота.

Ассурбанипаль: его любовь къ удовольствіямъ и охотѣ. — Эламскія дѣла: племянники царя Тіуммана ищутъ убѣжища въ Ассиріи. — Отправленіе на львиную охоту: газели, серны, дикіе ослы. — Переправа черезъ рѣку. — Станъ, царская палатка. — Зубръ и охота на зубра. — Жертвоприношеніе по возвращеніи съ охоты. — Ассирійскій левъ и охота на льва въ болотахъ. — Охота на льва въ неволѣ, въ царскомъ загонѣ. — Посольство Тіуммана.

Ассурбанипаль вступилъ на престолъ молодымъ. Ему не было еще тридцати лѣтъ, когда отецъ его, Эсаргадонъ, изъ всѣхъ сыновей остановилъ свой выборъ на немъ и объявилъ его наслѣднымъ царевичемъ Ниневіи передъ лицомъ вельможъ и войска: годъ спустя онъ сталъ царемъ. Онъ большого роста, силенъ, хорошо сложенъ; у него широкое лицо, смѣлые открытые глаза, прямой носъ, жесткій и высокомерный ротъ, волосы длинные и вьющіеся. Его предшественники увлекались войной

и завоеваніями; они проводили жизнь, а иногда, какъ, напимѣръ, Эсаргаддонъ, и умирали въ походахъ. Ассурбанипаль неохотно облачается въ броню. Обыкновенно онъ возлагаетъ на своихъ полководцевъ веденіе военныхъ операцій, и такъ какъ они прошли хорошую школу, дѣла страны отъ этого нисколько не страдаютъ. Это не значитъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, онъ не могъ предводительствовать и биться, какъ и всякій другой; но онъ по природѣ своей лѣнивъ, сладострастенъ, набоженъ, любитъ роскошь и искусства, при всемъ этомъ, однако, смѣлый наѣздникъ и искусный охотникъ передъ лицомъ Предвѣчнаго.

Онъ переѣхалъ пожить въ Дуръ-Шарукинѣ нѣсколько недѣль, чтобы избавиться отъ докучныхъ государственныхъ дѣлъ, но это напрасно, и въ Дуръ-Шарукинѣ, какъ и въ Ниневіи, его царскія обязанности продолжаютъ лежать на немъ тяжкимъ бременемъ. Гонцы, утромъ и вечеромъ стекающіеся со всѣхъ концовъ государства, не церстаютъ нарушать его отдыхъ и отвлекать его отъ удовольствій своими вѣстями. Въ Вавилонѣ происходитъ глухое броженіе; Урарти волнуется и угрожаетъ сѣверной границѣ; Египетъ не прекращаетъ своихъ интригъ и потихоньку подзадориваетъ мелкихъ князьковъ Іудеи, Моаба и Филлистимлянъ; Киммерійцы, побѣжденные

Ардисомъ, сыномъ Гига, и Лидійцами, какъ будто бы замышляютъ захватить Киликію; Мидяне умертвили одного изъ своихъ вождей, преданнаго Ассиріи, и смѣнили его однимъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, чья непріязнь очевидна; Эламъ явно вооружается, и его царь ждетъ только предлога для открытыхъ дѣйствій. Тіумманъ это самъ „діаволь во плоти“, его гордости и жестокости нѣтъ границъ. Едва вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ схватить и умертвить дѣтей своихъ братьевъ, Уртаку и Умманалдаша, царствовавшихъ до него; предупрежденные своими вѣрными друзьями, они спаслись бѣгствомъ вмѣстѣ со своими слугами, и цѣлые отряды Эламитовъ отправились вмѣстѣ съ ними въ Ассирію. Ассурбанипаль встрѣтилъ ихъ привѣтливо, отчасти по врожденному великодушію, значительно больше по расчету. Эти юноши, съ варварскими именами и неправильной рѣчью, Умманигашъ, Умманатпа, Таммариту, Кудурру, Парру, законные наслѣдники престола Сузь; въ ихъ странѣ остались у нихъ многочисленные приверженцы, которые навѣрное возстали бы, если бы имъ оказать поддержку, и, въ случаѣ войны, могли бы дать благопріятный оборотъ дѣйствіямъ ассирійскихъ войскъ. Въ ожиданіи, Ассурбанипаль оказываетъ имъ самое широкое гостепріимство и обращается съ ними

скорѣе какъ съ царевичами собственной семьи, чѣмъ какъ съ чужеземцами. Каждому изъ нихъ онъ назначилъ домъ, свиту, крупные доходы, и они ведутъ почти царскій образъ жизни; онъ часто приглашаетъ ихъ къ своему столу, и завтра беретъ ихъ на львиную охоту, по ту сторону Заба, по направленію къ Мидійскимъ горамъ.

Лвы не попадаютъ уже, какъ встарь, поблизости большихъ городовъ. За ними приходится отправляться довольно далеко въ поля, и облава напоминаетъ скорѣе походъ въ чужую страну, чѣмъ охоту. Царь беретъ съ собой половину своей охраны, и съ восходомъ солнца выступаетъ. Дурь-Шарукинъ окруженъ загородными домами и садами, гдѣ каналы, проведенные изъ Хусура, поддерживаютъ постоянную прохладу. Шествіе, стиснутое между стѣнъ, тянующихся вдоль дороги, растягивается и кажется безконечнымъ; скоро дома попадаютъ все рѣже, деревья понемногу исчезаютъ, воздѣланныя поля прекращаются, начинаются луга и маленькій полкъ охотниковъ свободно выстраивается, какъ въ боевомъ порядкѣ.

Переходъ отсюда до берега Заба очарователенъ, когда кругомъ зеленѣетъ трава, и солнце грѣетъ поля, не сжигая ихъ. Равнина волнообразно убѣгаетъ къ самому горизонту, зеленая и благоухающая. Цвѣты мѣстами такъ

обильны и часты, что кажется будто земля устлана цвѣтнымъ ковромъ; спущенныя туда собаки возвращаются, испещренныя желтымъ, розовымъ, голубымъ цвѣтомъ. Поминутно, испуганные зайцы или стаи куропатокъ поднимаются почти изъ-подъ лошадиныхъ копытъ. Газели и дикія козы, пасущіяся стадами вдали, встревожены: онѣ поднимаютъ головы, втягиваютъ воздухъ ноздрями, озираются съ минуту во всѣ стороны и вдругъ, всѣ сразу, пускаются бѣгомъ и исчезаютъ вдали. Эти животныя бѣгаютъ такъ быстро и долго, что лучшимъ гончимъ собакамъ рѣдко удается догнать ихъ. Тѣмъ не менѣе, на нихъ спустили нѣсколько борзыхъ, случайно спугнувшихъ стадо дикихъ ословъ (рис. 20). Осель, очень красивое животное, съ блестящей сѣрой шерстью, быстротою бѣга легко перегоняетъ лошадь. Онъ испускаетъ крикъ, лягается и мчится впередъ, потомъ пріостанавливается, посматриваетъ на погоню, и, едва непріятель приблизится, снова пускается бѣжать, опять останавливается, снова бѣжитъ и продолжаетъ неумоимо продѣлывать то же самое, пока длится погоня. Вслѣдъ ему пускается десятка два всадниковъ, не столько въ надеждѣ догнать, сколько ради того, чтобы разгорячить коней и доставить себѣ удовольствіе скачки по лугамъ. На обратномъ пути

имъ посчастливилось наткнуться на семейство сернь, мирно пасшихся въ оврагѣ: старый самецъ, пронзенный двумя стрѣлами, отважно напалъ на собакъ, и его сопротивленіе дало молодымъ животнымъ время убѣжать.

Ассурбанипаль не устаетъ ни минутой остановки ради такой мелкой дичи. Онъ ме-

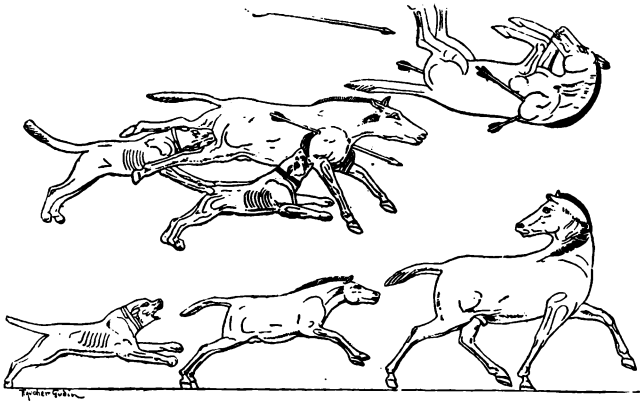

Рис. 20. Охота на пикаго осла.

дленно продолжаетъ путь по равнинѣ, стоя прямо и невозмутимо на своей парадной колесницѣ (рис. 21). Широкий зонтикъ изъ ткани, вышитой краснымъ и синимъ, защищаетъ его отъ солнца. Возница, сидящій по правую его руку, держитъ вожжи, стараясь по возможности объѣзжать рытвины; два внука, уцѣпившись рукой за бортъ кузова, не переставая

колышатъ опахала. За нимъ слѣдуютъ цугомъ колесницы сузскихъ царевичей, потомъ визирей, за ними отрядъ конныхъ копыеносцевъ; пѣхотинцы, своры собакъ, слуги, мулы, навьюченные съѣстными припасами и охотничьей утварью, замыкаютъ шествіе. Часовой привалъ въ полдень, наскоро разбитый лагерь вечеромъ, около потока, еще вздутаго тающими снѣгами. На завтра, къ закату солнца, шествіе достигаетъ Заба, почти не подозревая объ этомъ, такъ глубоко лежитъ онъ въ

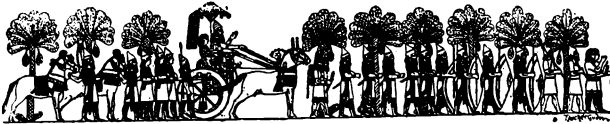

Рис. 21. Шествіе Ассурбанипала.

своихъ берегахъ, среди этой равнины, гдѣ ничто не указываетъ на его теченіе.

Развѣдчики, пущенные впередъ, уже приготовили все для переправы. Ассурбанипаль и сузскіе царевичи садятся въ двѣ лодки. Всадники какъ попало тѣснятся въ рыбачьихъ челнокахъ, лошади слѣдуютъ за ними вплавь, въ поводу у оруженосцевъ или привязанныя къ бортамъ (рис. 22). При пѣхотинцахъ всегда имѣется пустой мѣхъ большихъ размѣровъ. Они надуваютъ его (рис. 23), завязываютъ

горло и, держась на немъ, бросаются въ воду; наполовину пльвя, наполовину несясь по те-

Рис. 22. Царь переправляется черезъ рѣку въ лодкѣ; лошади слѣдуютъ вплавь.

ченію они быстро переправляются черезъ рѣку, не снимая съ себя оружія (рис. 24) Въ какихъ-нибудь полчаса переправа закончена.

Лагерь разбитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, на сухомъ песчаномъ мѣстѣ, съ дозорными и передовыми позиціями, какъ во время войны. Большая часть отряда размѣщается въ походныхъ палат-

Рис. 23. Пѣхотинцы надуваютъ мѣха.

кахъ или просто подъ открытымъ небомъ, какъ придется. Немного сухихъ дровъ, захваченныхъ изъ Дурь-Шарукина, наскоро собранная поблизости трава, и костеръ готовъ. Скоро кипитъ и котелъ подъ бдительнымъ окомъ товарища или одной изъ женщинъ, сопровождающихъ солдатъ, и разсѣвшись группами по три—четыре человѣка, всѣ, кто не на дежурствѣ, пьютъ и ѣдятъ, болтая между собой. У

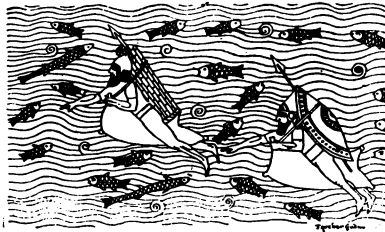

Рис. 24. Переправа на раздутыхъ мѣхахъ.

вельможъ свои отдѣльныя палатки, разбитыя вокругъ царскаго шатра. Послѣдній представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ временнаго дворца, довольно сложнаго устройства. Вбиваютъ въ землю двумя параллельными рядами десять кольевъ, соединенныхъ наверху перекладинами, которыя снаружи связываютъ веревками, прикрѣпленными къ землѣ, потомъ, на этотъ остовъ натягиваютъ парусину или полосы войлока, замыкающія его по бокамъ

(рис. 25). Огороженное пространство имѣтъ форму сплюснутаго эллипсиса. Средняя часть, гдѣ горитъ очагъ, остается подъ открытымъ небомъ, чтобы дать выходъ дыму. Оба полу-круглыхъ конца покрыты полукуполами изъ парусины или войлока, и опираются на шесты съ развѣтвленіями. Дверь помѣщается въ

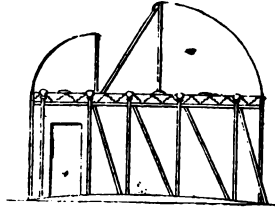

Рис. 25. Царская палатка.

одномъ изъ концовъ, подъ меньшимъ куполомъ. Обстановка здѣсь обычная для всякаго дома: складной столъ съ газельими нож-

ками, табуреты, кресло, кровать съ постелью; посуда подвѣшена къ сучьямъ шестовъ. Жертвенникъ боговъ находится снаружи, недалеко отъ конюшни, гдѣ лошадямъ даютъ кормъ и убѣжище отъ ночного холода

Рис. 26. Царская конюшня.

(рис. 26). Стада быковъ, барановъ и козъ, стоящихъ въ загонѣ, позади конюшни, доставляютъ утромъ и вечеромъ молоко и мясо для

царскаго стола. Ассурбанипаль охотно готовъ рисковать своею жизнью, но не желаетъ лишать себя удобствъ, къ которымъ привыкъ съ дѣтства.

Развѣдчики до сихъ поръ не обнаружили никакихъ слѣдовъ льва; зато они увѣряютъ, что замѣтили неподалеку, въ сѣверо-западномъ направленіи, съ десятокъ дикихъ быковъ. Зубръ за послѣднее полустолѣтіе становится большой рѣдкостью. Ассирійскіе цари такъ безпощадно охотились на него, что почти истребили эту породу: тѣ, что изрѣдка попадаютъ еще на равнинѣ, отдѣльными особями или стадами, случайно заходятъ сюда съ горъ Мидіи или Арменіи. Ассурбанипаль тѣмъ больше обрадовался этому сообщенію, что ему еще ни разу не довелось возобновить подвиги своихъ предшественниковъ въ охотѣ на зубра: онъ сзываетъ на совѣтъ нѣсколько старыхъ военачальниковъ, охотившихся въ молодости съ его дѣдомъ Сеннахерибомъ, и такъ увлекается распредѣленіемъ завтрашняго дня, какъ будто дѣло идетъ о сраженіи. Правда, зубра можно захватить только при помощи особой военной хитрости. Это не домашній быкъ, тупой и незлобивый мечтатель: не говоря о его поразительной силѣ и размѣрахъ, онъ считается однимъ изъ самыхъ быстрыхъ и хитрыхъ животныхъ, и настолько же подозри-

теленъ при приближеніи къ нему, насколько опасенъ въ нападеніи.

Итакъ, простые охотники дѣлятся на два отряда. Первый съ большими предосторожностями, становится съ боку стада и развертывается полукругомъ позади, потомъ выступаетъ изъ засады и съ громкими криками бросается къ тому мѣсту, гдѣ находится царь со своими гостями. Ассурбанипаль оставилъ въ лагерѣ свою парадную колесницу, тяжелую и наполненную слугами. Одинъ со своимъ возницей онъ становится на боевую колесницу, низкую и легкую, снабженную копьемъ, лукомъ и колчаномъ: вооруженный всадникъ ведетъ за нимъ въ поводу запасную лошадь. Эта колесница, правда, не всюду одинаково пригодна: она вязнетъ въ болотистой почвѣ, разбивается о камни, опрокидывается на неровностяхъ и ухабахъ или, по меньшей мѣрѣ, такъ сильно подпрыгиваетъ, что воинъ, поглощенный сохраненіемъ равновѣсія, не можетъ свободно распоряжаться оружіемъ; тогда конь съ успѣхомъ замѣняетъ колесницу. Быки, ошеломленные криками и внезапнымъ появленіемъ врага, колеблются съ минуту, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь. Одинъ изъ нихъ, громадный звѣрь, внушительнаго вида, съ бѣшенымъ ревомъ наставляетъ рога и такъ стремительно кидается на ближайшаго всадника, что тотъ не успѣ-

ваетъ увернуться: однимъ взмахомъ онъ подхватываетъ на рога лошадь и человѣка и бросаетъ въ воздухъ такъ же легко, какъ если бы это былъ клочъ сѣна, потомъ вскачь пересѣкаетъ цѣпь загонщиковъ и спасается бѣгствомъ по направленію къ горамъ: никто не осмѣливается броситься ему наперерѣзъ. Остальное стадо устремляется въ противоположномъ направленіи, гдѣ равнина кажется ему свободной, и натывается на охотниковъ. Во мгновеніе ока трое изъ быковъ рушатся на землю, пронзенные нѣсколькими стрѣлами; четверо остальныхъ, лишь слегка раненые, кидаются вспять и мчатся во весь опоръ къ рѣкѣ. Ассурбанипаль пускается за самымъ крупнымъ изъ нихъ, котораго, онъ почти увѣренъ, ему удалось опасно ранить въ плечо; мало по малу, онъ настигаетъ его, ловко направляетъ колесницу рядомъ съ нимъ и, не замедляя бѣга, бросаетъ лукъ и обнажаетъ мечъ, заткнутый за поясъ. На бѣгу одной рукой онъ хватается животное за рогъ, другой погружаетъ оружіе ему въ затылокъ; широкое, короткое лезвее ножа разсѣкаетъ спинной мозгъ позвонка, соединяющаго шею съ плечомъ, и быкъ, какъ громомъ сраженный, рушится на землю (рис. 27). Залпъ выпущенныхъ стрѣлъ поражаетъ бѣглецовъ прежде, чѣмъ они успѣли броситься въ воду: отъ всего

стада уцѣлѣлъ одинъ сáмецъ, спасшійся бѣгствомъ въ самомъ началѣ.

Возвращеніе въ станъ является настоящимъ торжествомъ. Едва лишь часовые оповѣстили о возвращеніи съ охоты, воины, рабы, женщины, всѣ тѣ, кого долгъ этикета или военная служба не связываетъ съ ихъ мѣстомъ, сбѣгаются и выстраиваются въ два ряда, чтобы

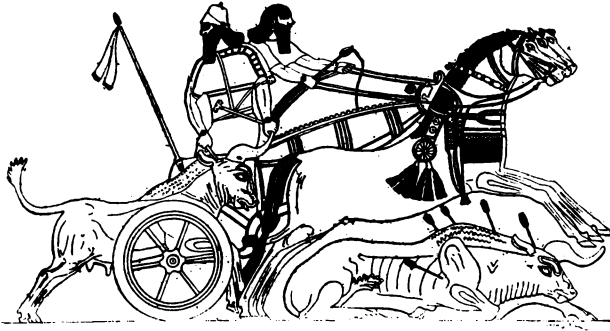

Рис. 27. Царь убиваетъ зубра кинжаломъ.

видѣть шествіе. Зрѣлище семи зубровъ, каждаго изъ которыхъ несутъ пять-шесть человекъ, заставляетъ ихъ позабыть на мгновеніе о почтеніи, должномъ его царскому величеству. Они обмѣниваются восклицаніями объ ихъ величинѣ, о силѣ ихъ роговъ, о дикомъ видѣ, какой придаетъ имъ грива; они привѣтствуютъ доблесть владыки и громко благословляютъ боговъ, способствовавшихъ захвату столь рѣд-

кой и страшной добычи. Подъѣхавъ къ своей палаткѣ, Ассурбанипаль соскакиваетъ съ колесницы и готовится воздать благодарность за свою побѣду владыкѣ Ассура и владычицѣ Истаръ изъ Арбель (рис. 28). Два жреца съ арфами наготовѣ положили пальцы на струны, ждутъ минуты, когда вознесется благодарственное пѣснопѣніе. Носильщики сваливаютъ зубровъ на землю и укладываютъ ихъ рядомъ

Рис. 28. Царь возноситъ благодарственную молитву за успѣшную охоту богинѣ Истаръ.

по прямой линіи. Царь въ сопровожденіи невольника съ опахаломъ и невольника съ зонтикомъ, становится направо, держа лукъ въ лѣвой рукѣ. Онъ принимаетъ чашу священнаго вина изъ рукъ визиря, подноситъ ее къ губамъ, отпивая немного, и остальное выливаетъ на головы жертвъ подъ звуки музыки. Сегодня же вечеромъ въ Ниневію отправляется внухъ съ приказомъ начертать на камнѣ о новомъ подвигѣ. Тамъ будетъ изображено от-

бытіе, преслѣдованіе звѣря, смерть его, торжественное возвращеніе, и надпись надъ послѣдней сценой повѣдаетъ грядущимъ поклѣніямъ имя побѣдителя. „Я, Ассурбанипаль, царь легионовъ, царь страны Ассур, кому даруетъ могущество Ассуръ и Бельтисть, убилъ семь зубровъ; я спустилъ на нихъ могучій лукъ Истаръ, владычицы сраженій, я принесъ надъ ними жертву и совершилъ надъ ними возліаніе вина ¹.

Мясо и жиръ не слишкомъ хороши, особенно у старыхъ животныхъ, но съ нихъ снимаютъ голову и шкуру и, подвергнувъ тщательной выдѣлкѣ, складываютъ въ сокровищницу. Уже древнѣйшіе цари Ассиріи очень цѣнили этого рода трофеи. Триглатфаласаръ I, почти шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, хвалился, что не малое ихъ количество привезъ съ собой изъ Сиріи, вмѣстѣ съ слоновыми клыками и нильскимъ крокодиломъ, подареннымъ ему фараономъ. „Я даже захватилъ живьемъ молодыхъ зубровъ и составилъ изъ нихъ стадо“, прибавляетъ онъ. Онъ хотѣлъ образовать за-

¹ До сихъ поръ намъ неизвѣстно ни одной охоты на зубровъ на памятникахъ Ассурбанипала; всѣ вышеупомянутыя подробности заимствованы изъ картинъ охоты Сеннахериба. Текстъ надписи взятъ съ барельефовъ, изображающихъ нашего царя охотящимся на львовъ: я замѣнилъ въ ней имя льва именемъ зубра.

пасную охоту, такъ какъ не надѣялся, конечно, наложить ярмо на этихъ дикихъ исполиновъ и приучить ихъ къ условіямъ жизни домашнихъ быковъ. Другіе послѣ него, несомнѣнно, пытались, если не приручить, то сохранить ихъ въ своихъ загонахъ: повидимому, ни одна изъ ихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ, и ни въ одной ассирійской лѣтописи не упоминается о какомъ-либо стадѣ зубровъ, родившихся или просто жившихъ долгое время въ неволѣ. Самое названіе ихъ для многихъ современниковъ является лишь словомъ, лишеннымъ опредѣленнаго содержанія. Они не увѣрены въ томъ, обозначается ли этимъ именемъ животное, существующее въ дѣйствительности, или же это одно изъ тѣхъ призрачныхъ чудовищъ, какими народное воображеніе населяло землю въ первые дни творенія. Барельефы, вырѣзанные въ память событій на стѣнахъ дворцовъ, скоро сдѣлались единственными указаніями на истинный ихъ обликъ ¹.

Два дня проходитъ въ бесплодныхъ развѣдкахъ; на третій, когда царь подумываетъ, не сняться ли уже ему съ мѣста, является

¹ Дѣйствительно, это названіе р и м у, по еврейски р э м ъ, было не вѣрно понято въ тѣхъ отрывкахъ, гдѣ оно попадаетъ, до расшифрованія клинообразныхъ письменъ: обыкновенно его переводили словомъ единорогъ.

феллахъ и, весь дрожа, сообщаетъ, что сегодня утромъ два льва утащили у него барана съ самой окраины его деревни. Ассирійскій и халдейскій левъ меньше размѣрами и не столь свирѣпъ, какъ африканскій. Смолоду онъ легко становится ручнымъ и, подрастаая, привязывается къ хозяину, который кормитъ его и обращается съ нимъ хорошо. Цари часто держатъ ихъ у себя во дворцѣ для забавы; однако мы не видимъ, чтобы ихъ учили принимать участіе въ войнѣ и драться съ врагомъ, какъ это часто дѣлаютъ Египетскіе фараоны ¹. Въ дикомъ состояніи они живутъ по берегамъ рѣкъ и каналовъ. Днемъ они скрываются въ заросляхъ, и выходятъ оттуда только въ крайности; они отправляются за добычей по ночамъ, стараясь изловить газель или дикаго осла. Если не хватаетъ дичи, онъ рыщетъ около человѣческаго жилья: баранъ, быкъ, лошадь, собака, все что ни попадется ему, годится въ пищу, но на человѣка онъ нападаетъ рѣдко. На него охотятся, съ большими псами, искусные всадники; но необходимо, чтобы и лошади и собаки были приучены заранѣе: иногда достаточно его вида и запаха, чтобы обратить ихъ въ бѣгство. Упо-

¹ См. на стр. 292 и слѣд., вып. I сказанное о ручномъ левѣ Рамзеса II и его участіи въ битвѣ при Кодшу.

требляемая съ этой цѣлью собаки—крупныхъ размѣровъ, съ жесткой, всклокоченой шерстью, чернаго цвѣта на туловищѣ и рыжей на головѣ и ногахъ. У нихъ хвостъ крючкомъ, нависшія брови, крѣпкія челюсти (рис. 29): схвативъ зубами добычу, онѣ, какъ говорятъ, скорѣе готовы быть растерзаны, чѣмъ выпустить ее.

Ассурбанипаль, обрадованный этой неожиданной находкой, велитъ немедленно оцѣпить болото, куда укрылись хищники со своей добычей и, прежде чѣмъ войти туда, останавливается на минуту, изучая мѣстность. Топкая почва, лежащая ниже общаго уровня равнины; сначала тамъ и сямъ разсѣяны лужи стоячей воды, потомъ заросли камыша и водяныхъ травъ и цѣлый лѣсъ гигантскихъ тростниковъ, отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ вышиной. Двѣ—три тропинки, проложенныя рыбаками, которые отваживаются проникать въ эти опасныя мѣста, вьются въ чащѣ; ее пересѣкаетъ рѣка, развѣтвляющаяся на десятокъ рукавовъ, изъ которыхъ нѣсколько судоходныхъ впадаютъ неподалеку въ Забъ. Ассурбанипаль ставитъ лодку съ воинами поперекъ самаго широкаго рукава: ихъ задача отрѣзать льву отступленіе, если бы онъ вздумалъ спастись бѣгствомъ и вплавъ добраться до болотъ и равнины по ту сторону рѣки. Онъ самъ

размѣщаетъ загонщиковъ, садится на коня, съ колчаномъ за плечами, лукомъ въ рукѣ, и приказываетъ спустить собакъ, свору которыхъ держать на привязи слуги. Умныя животныя рѣшительно устремляются въ заросли, за ними,

Рис. 29. Собака для охоты на льва.

на близкомъ разстояніи, слѣдуетъ царь и его оруженосцы, съ оружіемъ и запасной лошадейю.

Лай собакъ раза два—три покрывается криками и оглушительнымъ ревомъ раздраженнаго хищника, хриплымъ и отрывистымъ. Выѣхавъ на край довольно обширной поляны (рис. 30),

царь видитъ на другомъ ея концѣ двухъ львовъ, которые медленно удаляются, провожаемые

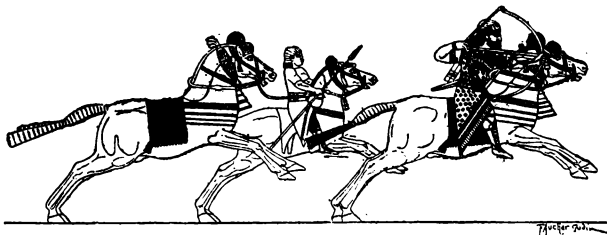

Рис. 30. Царь на полномъ скаку пускаетъ стрѣлу въ льва.

собаками на почтительномъ разстояніи. Первая стрѣла, пущенная на полномъ скаку, попадаетъ самкѣ въ бокъ; пока, присѣвъ, она собирается сдѣлать прыжокъ, вторая стрѣла ранитъ ее въ плечо, третья—повреждаетъ позвоночникъ на высотѣ бедеръ. Она падаетъ, потомъ приподнимается на переднихъ лапахъ, и съ тру-

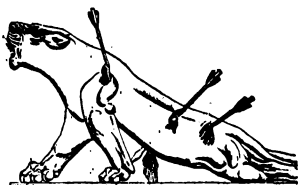

Рис. 31. Смерть львицы.

домъ волоча парализованныя заднія ноги, ждетъ послѣдняго удара, вытянувъ шею, угрожающе поднявъ морду (рис. 31), ударъ копьемъ приканчиваетъ ее на ходу.

Сначала товарищъ ея какъ будто бы хочетъ защитить ее, но, при видѣ этой внезапной расправы, мужество измѣняетъ ему, и пронзающія

его тутъ же четыре стрѣлы, окончательно обращають его въ бѣгство (рис. 32): однимъ прыжкомъ бросается онъ въ чащу и исчезаетъ; собаки мчатся по его слѣдамъ. Ассурбанипаль устремляется за нимъ, но скоро теряетъ почву подъ ногами, его конь погружается въ иль по самыя колѣни и насилу вылѣзаетъ. Онъ поворачиваетъ обратно, передаетъ лошадь конюху и, захвативъ копье, пробуетъ добратся до рѣки пѣшкомъ.

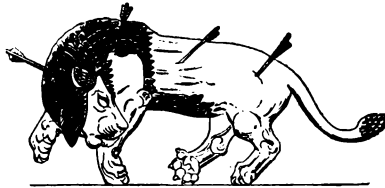

Рис. 32. Раненый левъ.

Лай собакъ, еще за минуту до того такой явственный, затерялся въ чашѣ, и ничто не указываетъ царю направленія. Онъ то и дѣло скользить, спотыкается о корни, путается въ молодыхъ побѣгахъ и ползучихъ стебляхъ. Тростники напираютъ на него со всѣхъ сторонъ и мѣшаютъ видѣть; левъ можетъ оказаться тутъ же, рядомъ, и онъ не подозреваетъ объ этомъ. И дѣйствительно, зеленая стѣна внезапно разступается и въ двадцати шагахъ передъ собой онъ вдругъ видитъ

льва, стоящаго на берегу, рѣзко выдѣляясь своей массой на зеркальномъ фонѣ рѣки: онъ совершенно поглощёнъ созерцаніемъ стоящей поперекъ его пути лодки. Онъ, оче-

Рис. 33. Царь сражаетъ льва копьемъ.

видно, задаетъ себѣ въ своей львиной головѣ вопросъ, что лучше—дать ли сраженіе на водѣ, чтобы расчистить себѣ дорогу, или снова углубиться въ болота.

Появленіе царя рѣшаетъ вопросъ и не оставляетъ ему вы-

бора между двумя врагами. Эта травля вызываетъ въ немъ бѣшенство, которое окончательно приводитъ его въ себя. Онъ бьетъ хвостомъ бока, морщитъ морду, потрясаетъ гривой и, оскаливъ зубы, съ разинутой пастью становится на заднія лапы, чтобы покончить съ нимъ однимъ взмахомъ когтей. Ассурбанипаль этого только и ждетъ: онъ хватается его правой рукой за ухо и вонзаетъ копье ему прямо въ грудь (рис. 33); оружіе задѣваетъ сердце, пронзаетъ тѣло насквозь, и конецъ его до половины высовывается изъ подъ лопатки.

Это старый рыжій левъ рѣдкой величины; онъ шести футовъ длины, начиная съ конца

морды до начала хвоста, пришлось бы потрудиться, если бы нужно было тащить его через болото. Къ счастью, есть лодка: его переносить туда, связываютъ всѣ четыре ноги вмѣстѣ и съ болтающейся головой и хвостомъ, касающимся воды, подвѣшиваютъ къ кормѣ, потомъ входитъ въ лодку самъ царь и отдастъ приказъ плыть къ Забу, чтобы возвратиться въ лагерь. Мѣстами каналъ расширяется настолько, что образуетъ цѣлыя озера, мѣстами суживается. При выходѣ изъ одного такого пролива, раздается лай собакъ, большой раненый левъ внезапно появляется изъ тростниковъ, однимъ прыжкомъ перескакиваетъ

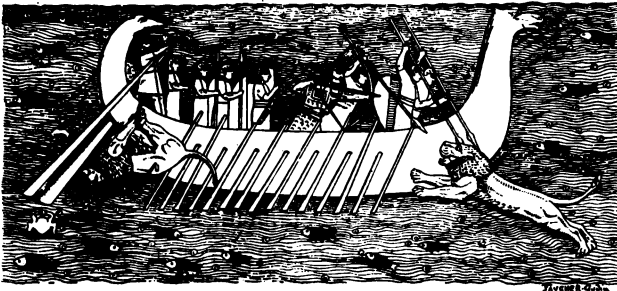

Рис. 34. Нападеніе льва на царскую ладью.

десять футовъ, отдѣляющихъ его отъ лодки, и когтями цѣпляется за бортъ (рис. 34). Но царь успѣлъ уже угостить его на лету стрѣ-

лой, пущенной прямо въ животъ, воины направляютъ на него копья; во мгновение ока онъ убитъ, связанъ, подвѣшенъ съ другой стороны кормы, въ противовѣсъ первому льву. Три трупа, принесенные въ лагерь (рис. 35), посвящаются Истаръ съ такими же обрядами, какъ это было для дикихъ быковъ, а ваятели получаютъ приказъ воспроизвести повелителя одинъ на

Рис. 35. Перенесеніе льва въ лагерь.

одинъ съ его свирѣпымъ врагомъ. „Я, Ассурбанипаль, царь народовъ, царь страны Ассура, одинъ, пѣшкомъ въ своемъ величїи схватилъ за ухо могучаго

льва пустыни и, милостью Ассура и Истаръ, владычицы сраженій, собственноручно пронзилъ ему бокъ своимъ копьемъ“.

Охота не всегда кончалась такъ удачно, и не разъ бывало за послѣдніе годы, что послѣ торжественнаго отъѣзда изъ Ниневїи, царь возвращался съ пустыми руками, послѣ двухъ—трехъ недѣль бесполезныхъ поисковъ, встрѣтивъ на своемъ пути только газелей и каменныхъ барановъ. Прошли тѣ времена, когда старый Тиглатфаласаръ могъ хвастаться тѣмъ, что

одинъ уложилъ сто двадцать львовъ, пѣшкомъ, верхомъ и на колесницѣ. Быть можетъ, во всей Месопотаміи не найдется больше такого числа и приходится прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы раздобыть ихъ въ достаточномъ количествѣ. Ихъ стараются вывозить изъ болѣе счастливыхъ странъ, гдѣ ихъ водится больше, чѣмъ хотѣли бы этого сами ихъ государи, изъ Халдеи, Аравіи, Элама, даже изъ Африки. Поставщики ихъ придумали очень остроумные способы брать ихъ живьемъ; вотъ одинъ изъ самыхъ простыхъ. Выкапываютъ широкой глубокой ровъ, окружаютъ его края невысокой стѣной изъ сухого камня, какъ для обыкновеннаго загона для скота, вбиваютъ по срединѣ крѣпкій колъ, чуть-чуть высовывающійся изъ ямы, и привязываютъ къ нему живого ягненка. Левъ, привлеченный жалобнымъ блеяніемъ несчастнаго животнаго, смѣриваетъ взглядомъ стѣну, свободно перепрыгиваетъ и, къ крайнему своему изумленію, оказывается на днѣ ямы. Притаившіеся неподалеку охотники тотчасъ же сбѣгаются, предоставляютъ ему истощить свои силы въ безплодныхъ попыткахъ, проголодаться и черезъ нѣсколько времени спускаютъ ему, наконецъ, на веревкахъ раскрытую клѣтку съ большимъ кускомъ жаренаго мяса. Едва онъ войдетъ туда, чтобы съѣсть его, клѣтку запираютъ и вытаскиваютъ

изъ рва плѣнника, взбѣшеннаго и сконфуженнаго злостью.

Львовъ, отправляемыхъ въ Ассирію кратчайшимъ путемъ, часто запираютъ въ обширные загоны, окруженные стѣнами, гдѣ они пользуются относительной свободой и находятъ цѣлыя стада козъ для пропитанія. Время

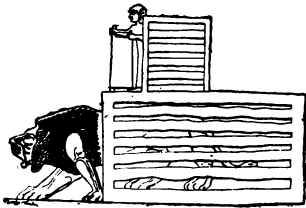

Рис. 36. Левъ, выходящій изъ клѣтки.

отъ времени, сюда пріѣзжаетъ царь позабавиться охотой на нихъ въ замкнутомъ полѣ. Иногда ставятъ клѣтку со львомъ среди равнины и окружаютъ ее цѣпью воиновъ; это тоже

загонъ, только временный, гдѣ стѣна изъ людей, а не изъ кирпича или камня. Когда цѣпь сомнута, сторожъ поднимаетъ опускающую дверь и прячется въ сквозную будку, сдѣланную для него на крышѣ клѣтки (рис. 36). Звѣрь вырывается, потягивается, оглядывается кругомъ, видитъ врага и понимаетъ. Это подобіе охоты устраивается по образцу настоящей охоты, съ тѣмъ же оружіемъ и такими же приемами нападенія, при помощи стрѣлъ, копій, пѣшкомъ, верхомъ, на колесницѣ, только левъ лишень возможности ускользнуть: всякій разъ, когда онъ пытается прорвать цѣпь, вои-

ны отгоняють его и принуждаютъ возвра- титься въ поле гдѣ его ждетъ царь. То, что слу- чилось съ зубрами, произойдетъ и со львами, и легко предвидѣть время, когда надписи и изваянія станутъ единственными свидѣтель- ствами беззавѣтной смѣлости, съ какой асси- рійскіе цари гонялись за ними до самаго ихъ логовища.

Видно такъ предназначено въ книгѣ судьбы, что Ассурбанипаль не доведетъ до конца столь блестяще начатое предпріятіе. Въ то время какъ онъ посвящалъ своихъ львовъ Истаръ, его великій визирь, оставшійся управлять дѣ- лами въ Дуръ-Шарукинѣ, настоятельно про- силъ его черезъ нарочнаго немедленно вер- нуться. На границу явился посоль изъ Элама отъ лица Тіуммана. Его просьба объ аудіенціи, выраженная, впрочемъ, въ самыхъ безукори- зненныхъ выраженіяхъ, не содержитъ въ себѣ никакого намека на причину его посѣщенія; но никто не сомнѣвается въ томъ, что у него есть приказъ о просьбѣ выдать царевичей, и его свита, не задумываясь, соглашается съ этимъ. Тіумману извѣстна, говорятъ они, дружба, которую питаетъ Ассурбанипаль къ его пле- мянникамъ изъ Уртаку, и ему было бы при- скорбно нарушить ее. Онъ не требуетъ, что- бы ихъ выдали ему цѣликомъ, и предоставляетъ сохранить ихъ гѣла: онъ удовольствуется ихъ

головами и, если ему пошлютъ ихъ, этимъ покончатся всѣ его счеты съ Ассиріей“. Отказать въ пріемъ равносильно немедленному объявленію войны, и великій визирь не рѣшается принять на себя столь тяжелую отвѣтственность. Ассурбанипаль менѣе раздосадованъ вѣстью, заставляющей его вернуться, чѣмъ это можно было думать: его возбуждаетъ удачный исходъ охоты, и война съ Эламомъ пугаетъ его не больше, чѣмъ битва со львами. Онъ совершаетъ свой обратный путь въ городъ въ томъ же порядкѣ и съ той же пышностью, какъ и выѣздъ. Сузскіе царевичи знаютъ, что рѣшается ихъ участь и со страхомъ всматриваются въ лицо царя; къ своей радости они видятъ, что на немъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ внутренней борьбы. Воины, видящіе въ войнѣ лишній предлогъ для грабежа и быстраго обогащенія, радуются мысли о походѣ, исходъ котораго для нихъ не подлежитъ сомнѣнію, а преданное населеніе Дурь-Шарукина, привѣтствовавшее царя при выѣздѣ, еще восторженнѣе привѣтствуетъ его въѣздъ, при видѣ шествія съ зубрами и львами.

Приемъ у царя и приготовления къ войнѣ.

Ассирійскій дворъ: его роскошь; чѣмъ она отличается отъ роскоши египетской.—Царская одежда.—Вышиваніе: оно распространяетъ искусство Ассиріи за ея предѣлами. — Драгоценности. — Царскіе министры и ихъ обязанности: Туртану и Лимму. — Эламитское посольство: разные народы Элама.—Объявленіе войны.—Ассирійское войско: его способъ веденія войны.—Опасности союза племенъ противъ Ассиріи и средства его предотвращенія.—Извѣщеніе къ губернаторамъ и военачальникамъ.

Наступилъ день приема. Ассурбанипаль хотѣлъ, чтобы посольству отъ Элама были оказаны всевозможныя почести, и къ его встрѣчѣ весь дворъ поставленъ на ноги. Пышностью ассирійскій дворъ превосходитъ, быть можетъ, въ нашъ вѣкъ всѣ остальные. Побѣды и завоеванія, непрерывныя въ теченіе ста лѣтъ, обогатили его добычей, взятой у двадцати народовъ. Саргонъ захватилъ то, что оставалось

еще у Хити; Сеннахерибъ одержалъ верхъ надъ Халдеей, и его сундуки поглотили вавилонскія сокровища. Эссаргадонъ и самъ Ассурбанипаль грабили Египеть и его большіе города, Саисъ, Мемфисъ, Стувратныя Оивы. Иноземные боги: Халдія Арменскій, Мелькартъ Тирскій, Камошъ изъ Моава, Іегова Израиля, Фта, Амонъ съ ихъ толпой божественныхъ животныхъ, всѣ они преклонились передъ Ассуромъ, и священные сосуды изъ ихъ храмовъ свалены въ кучи въ покояхъ ниневійскаго дворца. Торговля послѣдовала по путямъ, проложеннымъ оружіемъ. Въ настоящее время въ Ниневію стекаются иноземные купцы и свозятъ сюда самые драгоцѣнные товары изъ всѣхъ странъ: золото и благовонія изъ Аравіи, слоновую кость изъ Африки и съ береговъ Халдейскаго моря, египетскія полотна и стеклянныя издѣлія, рѣзную эмаль, ювелирныя издѣлія, олово, серебро, пурпуръ изъ Финикіи, ливанскій кедръ, котораго не точить червь, мѣха и желѣзо изъ Малой Азіи и Арменіи; всякій, самый мелкій царедворецъ накапливаетъ въ своемъ дворцѣ и носитъ на себѣ издѣлія всего міра.

То же самое происходило нѣкогда на берегахъ Нила; только болѣе утонченный Египеть не выставлялъ такъ тщеславно своего богатства на показъ. Фараонъ и его вельможи лю-

били и любятъ еще изящество и безукоризненность, а не богатство одежды и обстановки. Они надѣваютъ на себя немного одежды простого покроя изъ бѣлаго полотна, но изъ такого легкаго и прозрачнаго, что сквозь него просвѣчиваетъ цвѣтъ и форма тѣла, и его прикосновеніе нѣжно, какъ ласка. Напротивъ того, ассирійцы предпочитаютъ ткани тяжелыя и жесткія, мохнатыя, увѣшенныя бахромой, отягченныя узоромъ и разнообразнымъ шитьемъ. Ихъ одежда покрываетъ ихъ съ головы до ногъ, но сидитъ плохо и не ложится складками на груди и у бедеръ. Даже женщины какъ будто бы сами предпочитаютъ покрой платья, который полнитъ ихъ и скрываетъ формы тѣла: подбитыя шерстью одежды, въ которыя онѣ кутаются, придаютъ имъ видъ неуклюжей и принужденной, представляющей невыгодный для нихъ контрастъ съ гибкимъ изяществомъ и свободными движеніями египтянокъ.

Ассурбанипаль старательно подкрасилъ лицо. Волосы и борода, надушенные, расчесанные, раздѣленные на ряды завитковъ, широкими волнами спадаютъ на плечи и грудь. Для такого случая онъ облекся въ одну изъ своихъ самыхъ роскошныхъ парадныхъ одеждъ. На немъ высокая митра въ видѣ усѣченнаго конуса, плотно обхватывающая лобъ и виски; она

изъ бѣлой шерсти съ синими полосами. Широкая лента, устьянная розетками изъ золотыхъ нитей, придерживаетъ ее на лбу; связанные сзади концы ниспадають на затылокъ. Одежда съ короткими рукавами темносиняго цвѣта, расшита красными розетками; она стянута широкимъ поясомъ съ тремя правильно распредѣленными складками; нижній край его украшенъ бахромой, шелковинки которой унизаны четырьмя рядами стеклянныхъ бусъ. На платьѣ надѣта накидка, закрывающая плечи и ниспадающая почти до середины спины. Ткань почти исчезаетъ подъ обиліемъ шитья. Кайма изъ цвѣтовъ и пальметокъ идетъ по краямъ, все остальное поле подѣлено между религіозными сценами: царь поклоняется священному дереву или борется со львомъ или съ двумя крылатыми сфинксами, или подноситъ лукъ и стрѣлы разнымъ богамъ (рис. 37). Все это очень законченно и твердо по рисунку, и если въ цѣломъ это изобиліе нарушаетъ чувство мѣры, зато разнообразіе и красота изумительна для тѣхъ, кто не знаетъ еще, какъ искусны пальцы ассирійскихъ женщинъ. Это онѣ вышиваютъ, или, вѣрнѣе, расписываютъ иглой эти тонкія картины. Слава о нихъ распространилась за предѣлами ихъ страны, и не только государства старыхъ культуръ, какъ Сирія и Египеть,

но даже полудикіе народы Эллады или далекой Этруріи высоко цѣнятъ ихъ работу.

Шитыя ткани Ниневіи и Вавилона дѣйствительно одинъ изъ самыхъ доходныхъ товаровъ,

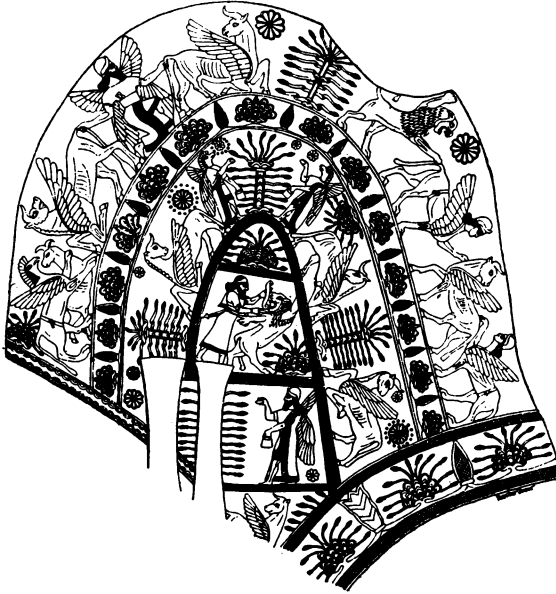

Рис. 37. Кусокъ ассирійскаго шитья по барельефу, изданному Лайаромъ.

какіе вывозятъ финикіяне, и сдѣлали извѣстными Ассирію и Халдею въ странахъ, куда никогда не проникала слава ихъ оружія. Образы боговъ и животныхъ, которые мы встрѣчаемъ въ этихъ странахъ, рельефные или фан-

тастическіе, заимствованы мастерами съ тканей, гончарныхъ издѣлій, драгоценныхъ украшеній, разной утвари изъ камня и металла. Такъ какъ значеніе ихъ было имъ неизвѣстно, они раздѣляютъ или соединяютъ ихъ, какъ попало, лишь бы составить гармоничный узоръ. Они примѣшиваютъ къ нимъ образы, заимствованные даже у другихъ народовъ, особенно у египтянъ, и сочетаніе этихъ исключających другъ друга элементовъ и смѣшить, и сердить образованныхъ ассирійцевъ, когда одно изъ такихъ нелѣпыхъ произведеній попадаетъ имъ въ руки. Говорятъ даже, что иные изъ этихъ варваровъ признавали въ фигурахъ ниневійскихъ боговъ или царей изображенія своихъ собственныхъ боговъ и героевъ. Такъ, эллины присвоили себѣ роскошную группу великана Издубара, сдавливающаго льва одной рукой и уносящаго его. Они признали въ немъ Геркулеса, сына Зевса, который нѣкогда подобнымъ же образомъ задушилъ льва, и образъ халдейскаго героя превратился въ образъ ихъ національнаго героя. Вотъ одно изъ любопытнѣйшихъ и непредвидѣнныхъ слѣдствій международной торговли: внѣшняя форма отдѣлилась отъ вдохновившей ее мысли и, перенесенная на другой край свѣта, облекла чуждую ей мысль и дала ей недостававшій ей внѣшній обликъ.

Драгоценныя украшенія находятся въ соотвѣтствіи съ одеждой. У ассирійцевъ удержались серьги для мужчинъ, которые египтяне отвергли уже много вѣковъ тому назадъ. Тѣ, что царь надѣлъ сегодня, сравнительно простыя и довольно стариннаго образца, такія носили во времена Саргона; это небольшой золотой обручъ съ тремя шариками по сторонамъ и висюлькой въ формѣ веретена, украшенный нѣсколькими вѣнчиками. Браслеты болѣе изысканной формы. Ихъ обыкновенно надѣвають по два на руку. Первый, обвивающій руку у плеча, имѣетъ видъ скрученнаго тростника, оба конца спирали заканчиваются львиными головами. Браслетъ, охватывающій кисть, представляетъ золотой кругъ, замкнутый розеткой изъ десяти лепестковъ. Въ общемъ эти украшенія нѣсколько тяжелы. Во всемъ чувствуется, что обладатель ихъ сознаетъ свое богатство и что онъ просилъ художника употребить побольше металла. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи работа свидѣтельствуетъ о большомъ искусствѣ. Львиныя головы выразительны, отдѣльныя части розетокъ расположены съ безукоризненнымъ вкусомъ, сочетанія разныхъ мотивовъ очень искусны. Ассирійскіе ювелиры, несомнѣнно, были бы не ниже египетскихъ, если бы имъ не приходилось работать на кліентовъ, оцѣнивающихъ украшенія по величинѣ и вѣсу.

Ожерелье въ ассирійскомъ уборѣ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ въ египетскомъ:

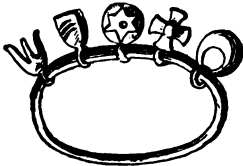

Рис. 38. Царское ожерелье.

это золотой обручъ съ подвѣшенными къ нему эмблемами божествъ, луннымъ серпомъ Сина, дискомъ съ четырьмя лучами, изображающими Шамаша, — солнце, молніей - трезубцемъ Адара, мечущаго грома

(рис. 38). Это не столько украшеніе, сколько амулетъ, и почитаніе незыблемыхъ основныхъ видовъ символовъ сохранило за нимъ, почти безъ измѣненій, его старинную форму; такимъ встрѣчаемъ мы его на изваяніяхъ древнихъ царей, таково оно и нынѣ на шеѣ Ассурбанипала. Красота меча нѣсколько вознаграждаетъ за простоту ожерелья. Его носятъ почти горизонтально и приблизительно на высотѣ локтя, такъ что лѣвая рука почти всегда лежитъ на его рукояткѣ, когда она свободна. Рукоятка

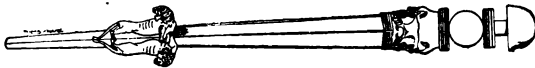

Рис. 39. Ассирійскій мечъ.

изъ точеной слоновой кости; у соединенія съ лезвиемъ придѣланы четыре львиныя головы

изъ золота (рис. 39). Ножны деревянные, выложенныя золотомъ; конецъ украшенъ двумя золотыми львами, стоящими на заднихъ ногахъ и словно играющими другъ съ другомъ. Это обиліе золота не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, какъ можно бы думать. Желтый,

Рис. 40. Царь въ парадной одеждѣ.

нѣсколько блѣдный цвѣтъ металла смягчаетъ слишкомъ рѣзкіе тона пурпура, синяго и бѣлаго цвѣта тканей. Царь въ такомъ нарядѣ (рис. 40) вполне соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ онъ хочетъ быть, божественному образу

землѣ: чужеземцы, да и сами подданные, впервые допущенные созерцать его во всемъ блескѣ, представляютъ себѣ, каковъ былъ бы Ассуръ, если бы онъ снизошелъ до насъ и живымъ явилъ себя нашимъ взорамъ.

Нарядившись въ своихъ частныхъ покояхъ, царь пересѣкаетъ дворъ въ тѣни зон-
та, который держитъ надъ нимъ служи-

Рис. 41. Царь на престолѣ.

тель, и садится въ приемномъ залѣ на большое рѣзное кресло, съ двумя евнухами по сторонамъ, которые не переставая колышутъ надъ нимъ опахала (рис. 41). По бокамъ престола стоятъ его вельможи и оруженосцы, вмѣстѣ съ князьями царскаго рода. Самый старшій надъ ними, первый въ государствѣ послѣ царя,

Туртану, главнокомандующій войскъ. Должность эта была всегда чрезвычайно важной въ такомъ военномъ государствѣ, какъ Ассирія; съ завоеваніями послѣднихъ лѣтъ она настолько осложнилась, что Ассурбанипалу пришлось подѣлить ее. Онъ создалъ второго Туртану, обладающаго тѣми же полномочіями, какъ и пер-

вый, но только въ половинѣ царства: въ то время, какъ новый Туртану, лѣвый, пользуется своими полномочіями въ Коммагенѣ и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, прежній Туртану, правый, засѣдаетъ вмѣстѣ съ царемъ и начальствуетъ надъ провинціями юга и востока. При немъ состоятъ четыре визиря, менѣе значительныхъ, правитель дворца, начальникъ евнуховъ, подъ чѣмъ вѣдѣніемъ находятся женщины, Тукулу, стоящій во главѣ духовенства, и, наконецъ, правитель, отъ котораго зависятъ чиновники государственныхъ имуществъ и гражданскихъ учреждений. У ассирійцевъ съ древнихъ временъ установился обычай обозначать каждый истекшій годъ именемъ выдающагося лица, которое давало направленіе ходу событій, и кого они называютъ Л и м м у: такъ, они говорятъ, на примѣръ, такой то городъ былъ уничтоженъ, или такой то народъ покоренъ, въ бытность Шамси-илу, Адаръ-Малика или Атаръ-Илу л и м м у. Царствующій государь всегда бываетъ л и м м у въ годъ, слѣдующій за его вступленіемъ на престолъ; послѣ него этотъ титулъ переходитъ къ высшимъ сановникамъ, въ порядкѣ старшинства, которое даетъ имъ ихъ положеніе, сначала Туртану, за нимъ правитель дворца, потомъ начальникъ евнуховъ и такъ далѣе, пока не исчерпанъ рядъ должностныхъ лицъ: тогда возвра-

щается имя царя вторично, за нимъ слѣдуютъ вельможи.

Толпа придворныхъ и чиновниковъ менѣе высокаго званія стоитъ въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣнъ зала. Ихъ одежда очень похожа на царскую. То же платье съ бахромой, стянутое у пояса, тотъ же короткій мечъ, тѣ же золотые браслеты и серьги; разница только въ головномъ уборѣ. У наименѣе знатныхъ голова совсѣмъ не покрыта; у другихъ лобъ перевязанъ лентой, завязанной на затылкѣ; перевязъ визиря шире на лбу и усѣяна золочеными розетками. У всѣхъ гордое, высокомерное лицо съ рѣзкими чертами, рѣшительная осанка. Они большею частью невысокаго роста, приземистые и коренастые; ихъ обнаженные руки съ сильно очерченными мускулами свидѣтельствуютъ о необыкновенной силѣ, и то, что можно уловить изъ ихъ сложенія, скрытаго одеждой, выгодно поддерживаетъ впечатлѣніе ихъ силы, какое получается при видѣ рукъ. Это порода воиновъ, созданныхъ для битвъ, трудностями и опасностями охоты закаленныхъ и подготовленныхъ къ трудамъ и опасностямъ войны; глядя на нихъ, легко понять, какъ они, несмотря на свою малочисленность и незначительные размеры занимаемой площади, покорили всѣ народы Азіи и отразили войска фараона.

Во главѣ эламитскаго посольства находятся два высокопоставленныхъ лица при дворѣ Сузь, Умбадара и Набудамикъ. Нравы и цивилизація Сузь сходна съ ассирійскими и халдейскими, но съ примѣсю чего-то болѣе обветшалаго и дикаго. Одежда обоихъ посланниковъ удивительно похожа на одежду придворныхъ Ассурбанипала. Какъ и у тѣхъ, у нихъ длинныя платья яркаго цвѣта, окаймленныя бахромой, мечъ, браслеты. У Умбадары только перевязь на лбу; у Набудамика голова покрыта круглой шапкой, стянутой на вискахъ лентой (рис. 42). Ихъ свита отличается разнородностью лицъ и одеждъ. Одни одѣты, какъ ихъ начальники, но проще, и типомъ своимъ почти сходны съ ассирійцами — крупный горбатый носъ, большіе глаза, продолговатое лицо, средній ростъ. У другихъ волосы похожи на шерсть, носъ приплюснутый, ротъ выдающійся, съ толстыми, развернутыми губами, борода короткая и вьющаяся: ихъ можно было принять за негровъ, если бы не бѣлый цвѣтъ кожи. Это уроженцы морского побережья. Нѣкоторые же высокаго роста, стройные, съ прямымъ носомъ, голу-

Рис. 42.—Эламитскій вельможа.

быми глазами и, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, съ бѣлокурыми волосами. Они изъ независимыхъ племенъ, живущихъ въ горахъ, по ту сторону Сузъ: они сродни тѣмъ персамъ и мидянамъ, что сами зовутъ себя арійцами,—храбрецы, попытавшіеся за послѣднее время объединить свои разрозненные кланы въ одинъ народъ, послушный одному царю. Ихъ объединеніе—большая опасность для Ассиріи, они смѣлы, предприимчивы и въ особенности многочисленны. Тому, кто сумѣлъ бы заставить ихъ забыть внутреннія распри, собрать около себя и дисциплинировать, ничто не могло бы противиться долгое время; тѣ народы, что превосходили бы ихъ въ военномъ искусствѣ, вооруженіи и увѣренности въ себѣ, были бы подавлены численностью ихъ воиновъ.

Роскошь этой пестрой толпы не такъ блестяща, какъ при дворѣ ассирійскаго государя. Краски тоже ярки, но шитье не столь тонко, позолота и драгоценности менѣе богаты; не то, чтобы и Эламиты не любили золота, но его у нихъ меньше. Сознаніе своей относительной бѣдности унижаетъ и раздражаетъ ихъ; вѣковая ненависть, которую они питаютъ къ ассирійскому народу, и природная ихъ заносчивость, къ тому же почетъ, какимъ окружаютъ ихъ, едва они переступили грани-

цу, заставляють ихъ думать, что ихъ боятся въ совѣтѣ могущественной Ниневіи. Они готовы желать, чтобы ихъ миссія не удалась: война отдала бы въ ихъ руки эти сокровища, разбросанныя у нихъ на глазахъ, какъ будто нарочно, чтобы дразнить ихъ.

Умбадара и Набудамикъ, введенные евнухомъ, медленно идутъ, скрестивъ на груди руки, опустивъ глаза, между двумя рядами царедворцевъ. Они остановились и простираются ницъ передъ престоломъ, цѣлуютъ землю у ногъ царя, потомъ, по данному имъ знаку, поднимаются и стоятъ неподвижно. Обыкновенно посланники иноземныхъ государей остаются колѣнопреклоненными во все время пріема. Ассурбанипаль, желая пощадить гордость сузянъ, избавляетъ ихъ отъ этой части церемоніала и разрѣшаетъ имъ разговаривать почти лицомъ къ лицу съ собой. Къ государю никогда не являются съ пустыми руками, и даже и теперь Тіумманъ не нарушилъ правилъ международной вѣжливости. Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, Умбадара и Набудамикъ передаютъ подарки, которые имъ поручено поднести, золотые и серебряные сосуды, драгоценные камни и ткани. Затѣмъ они приступаютъ къ дѣлу, по которому явились, и сообщаютъ Ассурбанипалу предложеніе своего повелителя. Между Эламомъ и Асси-

рiей существуетъ миръ; не слѣдуетъ ли стремиться поддержать его всѣми возможными средствами? Тiумманъ готовъ на все, чтобы быть прiятнымъ своему брату Ассурбанипалу. Однакоже послѣдній прiютилъ и оказываетъ почетъ нѣкимъ эламитскимъ подданнымъ, сыновьямъ прежнихъ царей, кои, вступивъ въ заговоръ противъ ихъ законнаго повелителя, спаслись бѣгствомъ отъ ожидавшей ихъ справедливой казни. Если Ассурбанипаль согласенъ изгнать ихъ или выдать посланникамъ, у него не будетъ болѣе вѣрнаго союзника чѣмъ царь Элама; въ противномъ случаѣ— война.

Заключенiе рѣчи было предвидѣно, какъ предвидѣнъ былъ и отвѣтъ Ассурбанипала: онъ рѣшилъ не измѣнять царевичамъ, ввѣрившимъ себя его великодушiю. Не безъ колебанiя совѣтники его и онъ самъ стали на ихъ сторону. Эламъ перворазрядная военная держава, сильнѣе Арменiи, сильнѣе Халдеи, сильнѣе Египта, и цари его оказывали сопротивление самымъ ожесточеннымъ нападенiямъ. Ассирiйцы утверждали въ своихъ официальныхъ лѣтописяхъ, что Саргонъ побилъ Умманигаша, царствовавшего нѣкогда въ Сузѣ, и принудилъ его заключить миръ; однако эламитскiя и халдейскiя лѣтописи гласятъ иное: на самомъ дѣлѣ побить былъ Саргонъ, Асси-

рія безнаказанно захвачена и опустошена. Сеннахерибъ похваляется разгромленіемъ силъ Минану при Халули. Минану же съ своей стороны увѣряетъ, что онъ почти цѣликомъ уничтожилъ ассирійское войско въ той же самой битвѣ, и если хладнокровно разобрать дѣло, нельзя не признать, что онъ правъ. Сеннахерибъ, послѣ этой якобы побѣды, принужденъ былъ вернуться къ себѣ и больше не предпринимать ничего противъ Элама въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: вотъ побѣда, по послѣдствіямъ до странности похожая на поражение.

Итакъ, война съ Эламомъ предпріятіе рискованное; ассирійцы могутъ такъ же легко проиграть, какъ и выиграть. Тѣмъ не менѣе они рѣшаются на войну. Ассурбанипальъ заявляетъ, что не можетъ согласиться на предложеніе Тіуммана; онъ знаетъ храбрость своихъ воиновъ, искусство полководцевъ, и, съ помощью Ассура и Истаръ, въ особенности Истаръ, владычицы сраженій, онъ надѣется одержать верхъ. Умбадара и Набудамикъ, осмѣлившіеся принести ему вызовъ его врага, не вернутся въ Сузы; они останутся въ Ниневіи плѣнниками со всей ихъ свитой, до тѣхъ поръ, пока боги не разсудятъ ихъ царя и царя Ассиріи. По распоряженію Туртану ихъ берутъ безъ всякихъ съ ихъ стороны по-

пыткъ къ сопротивленію и уводятъ; на свободѣ оставленъ только секретарь и два-три служащихъ: ихъ отсылаютъ на границу. Они должны сообщить Тіумману результаты ихъ миссіи и вручить ему письмо, гдѣ Ассурбанипаль совѣтуетъ ему отказаться отъ своихъ недобрыхъ замысловъ подѣ страхомъ навлечь на себя гнѣвъ боговъ.

Война рѣшена и объявлена на дѣлѣ, и Ассурбанипаль спѣшитъ принять необходимыя мѣры, чтобы провести ее побѣдоносно. Туртану Правый, Бельнагидъ по окончаніи аудіенціи уже разсылаетъ приказанія, и съ наступленіемъ ночи гонцы скачутъ во всѣхъ направленіяхъ съ тайными предписаніями къ начальникамъ провинцій и союзнымъ государямъ. Все государственное устройство приспособлено къ веденію войны, такъ какъ война уже вѣками слѣдалась обычнымъ состояніемъ Ассиріи. Войска готовы выступить въ походъ по первому знаку и перенестись съ одного конца государства на другой. Ихъ набираютъ почти цѣликомъ въ Ассиріи въ точномъ значеніи слова и въ округахъ Месопотаміи, съ древнѣйшихъ временъ принадлежащихъ государямъ Ниневіи. Нѣсколько маловажныхъ отрядовъ находится при начальникахъ провинцій въ ихъ столицахъ: это ядро арміи, на чью вѣрность они могутъ разсчитывать и во-

кругъ котораго они, въ случаѣ надобности, собирають войска изъ туземныхъ подданныхъ и тѣ войска, которыя приводятъ вассальные князья. Большая часть войскъ сосредоточена около царскихъ столицъ, въ Ниневіи, Калахъ и въ округахъ, находящихся подъ постоянной угрозой, смежныхъ съ Эламомъ и Халдеей. Организація здѣсь такова, что можно снарядить полки въ нѣсколько дней и двинуть ихъ къ той области, куда царь хочетъ перенести военныя дѣйствія; тамъ присоединяются къ нимъ пограничныя гарнизоны, и все вмѣстѣ составляетъ значительную силу, которая численностью, если не превосходитъ, то уравновѣшиваетъ противопоставленныя силы непріятеля.

Полки, распредѣленные по другимъ провинціямъ, остаются на это время приблизительно въ бездѣйствіи. Такъ какъ ихъ движеніе почти всегда является знакомъ къ общему возстанію въ занимаемой ими странѣ, ихъ призываютъ только въ случаѣ послѣдней крайности, когда понесено пораженіе или опустошены ряды войскъ кровопролитной битвой. Такъ, каждая продолжительная война, стоящая многихъ людей, грозитъ повлечь за собой распаденіе государства. Зная это, ассирійцы безпощадны къ взятымъ городамъ и народамъ, покореннымъ силой оружія. Они

не довольствуются разграбленіемъ домовъ и разореніемъ полей, но умерщвляютъ вдобавокъ цѣлыя племена, и нѣтъ такихъ пытокъ, которыя казались бы имъ слишкомъ жестокими, чтобы покарать несчастныхъ, дерзнувшихъ оказать имъ сопротивленіе: однихъ они сажаютъ на колъ, съ другихъ сдираютъ кожу, выкалываютъ глаза, отрѣзаютъ губы, не говоря уже о дѣтяхъ и молодыхъ дѣвушкахъ, которыхъ уводятъ въ рабство. Власть ихъ, установленная силой, только силой и удерживается. Стоитъ ей пошатнуться въ какомъ-либо отношеніи, ненависть, затаенная въ глубинѣ сердецъ, вспыхиваетъ заново; страны, казавшіяся самыми покорными, не задумываются возстать, едва имъ представится случай вернуть себѣ свободу. И гонцы, извѣщающіе начальниковъ областей о войнѣ съ Эламомъ, несутъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣніе еще бдительнѣе слѣдить за ввѣренными имъ областями, предупреждать малѣйшее враждебное настроеніе, беспощадно подавлять самую слабую попытку ослушанія. На самомъ дѣлѣ, Ассирія можетъ выставить только одно дѣйствующее войско и бороться успѣшно только съ однимъ непріателемъ заразъ: вынужденная раздѣлить свои силы и одновременно сражаться съ иноземцами и собственными возставшими подданными, она оказалась бы

слишкомъ слаба численностью, чтобы выдерживать такую борьбу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, въ концѣ-концовъ, была бы разбита.

Опасенія соглашенія между отдаленнѣйшими народами для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Ассиріи, когда-то призрачныя, въ настоящее время болѣе чѣмъ обоснованы. Когда фараонъ во главѣ своихъ стрѣлковъ и колесницъ покорялъ Сирію, случайное возмущеніе эіоповъ противъ ихъ вице-короля было неприятнымъ совпаденіемъ, но и только. Народы, жившіе въ то время по теченію Оронта, имѣли такъ мало непосредственныхъ сношеній съ прибрежнымъ населеніемъ Верхняго Ніла, что имъ и въ голову не приходило соединить свои силы противъ общаго врага. Возстанія, которыя сломили бы могущество Египта, если бы согласованныя дѣйствія заставили фараона сражаться одновременно и на сѣверной и на южной границѣ, приводили къ полнымъ неудачамъ: у фараона хватало времени, переводить свои войска и свободно подавлять своихъ противниковъ, не подкрѣплявшихъ другъ друга. То же было и съ древнѣйшими ассирійскими завоевателями, Тиглат-фаласаромъ, Ассурназиргабаломъ, Салманасаромъ III. Эламъ, Уратри, Халдея, дамасскіе цари, разбитые одинъ за другимъ, не догада-

лись вступить въ союзъ противъ нихъ. Каждый изъ этихъ народовъ, замкнувшись у себя, оказывалъ мужественное сопротивление, пока могъ; самое большее, если додумывались соединиться съ сосѣдями, Сузы съ Вавилономъ, хити съ финикіянами и дамасскими царями, послѣдніе съ евреями, а евреи съ Египтомъ. Эти народы, непобѣдимые всѣ вмѣстѣ, были покорены оттого, что желали остаться разъединенными.

Но вотъ уже лѣтъ сто, какъ сообщеніе между этими частями свѣта сдѣлалось такимъ быстрымъ и удобнымъ, что цари и города, которымъ грозила общая ассирійская опасность, научились вступать въ соглашенія для общаго отпора. Когда Сеннахерибъ напалъ на Іудею, царь Іезехія іерусалимскій заключилъ союзъ съ Меродахъ-Баладаномъ: отвлекая силы, ассиріянь, халдеи спасли евреевъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Этотъ срокъ ни для кого не пропалъ даромъ. Съ тѣхъ поръ народы только о томъ и думали, чтобы соединиться противъ Ассиріи, а Ассирія направляла всю свою хитрость на то, чтобы помѣшать, во что бы то ни стало, образованію союза. Только и видишь, что тайныя посольства, заключеніе нѣмыхъ союзовъ, соглашенія о взаимной помощи между всевозможными странами и государями. Гигесъ лидійскій договаривается съ

Псаметихомъ египетскимъ и обѣщаетъ ему свою поддержку. Псаметихъ, въ свою очередь, заводитъ интриги съ мелкими царьками южной Сиріи; послѣдніе находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Халдеей, а Халдея всегда склонна стать на сторону Элама противъ Ассиріи. Союзъ столькихъ народовъ былъ бы неотразимъ, если бы только удалось заставить ихъ дѣйствовать одновременно,—но тутъ вся ихъ добрая воля до сихъ поръ не привела ни къ чему. Разстоянія между союзниками такъ значительны, нетерпѣніе однихъ такъ велико, медленность и нерѣшительность другихъ такъ ясно выражена и, нужно добавить, бдительность ассирійцевъ такъ дѣятельна, что самые удачно задуманные замыслы кончаются неудачей. Эламъ открываетъ военныя дѣйствія, когда Вавилонъ еще не готовъ, Египетъ хочетъ принять участіе въ походѣ только по собственному желанію; Іудея, Моавъ, Аммонъ, филистимляне, набатеяне, арабы ждутъ, пока стрѣлки фараона не появятся въ Сиріи. Между тѣмъ ассирійцы не ждутъ, громятъ Эламъ или Халдею, перерѣзываютъ нѣсколько сотъ арабовъ, предають разграбленію нѣсколько сирійскихъ городовъ: фараонъ, осторожный какъ всегда, замыкается въ своей Африкѣ. Опасность отвращена, но она не исчезла: вскорѣ союзъ возобновляется. И когда дѣй-

ствія его будутъ согласованы настолько, что всѣ силы выступятъ одновременно, ассирійцамъ нужна будетъ исключительная удача и энергія, чтобы избѣжать полнаго разгрома.

Между тѣмъ, гонцы мчатся во весь опоръ. Приказы, которые они развозятъ начальникамъ, выражены языкомъ твердымъ, точнымъ, безъ цвѣтистыхъ оборотовъ и повтореній. Вотъ, напримѣръ, какъ обращается царь къ Белибни, начальнику отряда въ странѣ Пукуду¹, въ устьяхъ Евфрата: „Слово царя къ Белибни, да будетъ привѣтъ его благодѣтельнень для сердца твоего! Что касается твоихъ донесеній, о Пукуду съ береговъ Харру, всякій, кому дорогъ домъ владыки его, долженъ будетъ доносить отнынѣ владыкѣ своему обо всемъ, что онъ увидитъ и услышитъ. Продолжай же сообщать мнѣ обо всемъ, что узнаешь на ихъ счетъ“². Измѣните собственныя имена, и вы получите если не форму, то сущность всѣхъ депешъ, разсланныхъ царемъ къ своимъ военачальникамъ въ вечеръ послѣ

¹ Пукуду были арамейскимъ племенемъ, обитавшимъ въ болотистыхъ устьяхъ Тигра и Евфрата, у канала или рѣки, истекающей изъ Тигра и называвшейся Харру.

² Посланіе подложно, но относится къ одной изъ войнъ Ассурбанипала съ Халдеей и Эламомъ, которую онъ велъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ той, о которой я веду здѣсь рѣчь.

пріема и въ ближайшіе дни. Они должны удвоить бдительность, не пропускать ни малѣйшаго движенія, какое могло бы проявиться въ населеніи, ввѣренномъ ихъ начальству, пересылать во дворецъ какъ можно скорѣе самыя незначительныя свѣдѣнія, какія удастся имъ собрать. Ихъ роль менѣе блестяща, чѣмъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые принимаютъ участіе въ главной арміи, но едва ли менѣе важна. Если каждый изъ нихъ удержитъ спокойствіе въ своей провинціи и предупредитъ возстанія или подавитъ ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ усилиться и распространиться, у Тіуммана, предоставленнаго самому себѣ, не хватить силъ устоять противъ Ассурбанипала, и Ассирія лишній разъ одержитъ верхъ надъ Эламомъ.

ГЛАВА VI.

Книгохранилище Ассурбанипала.

Древняя халдейская литература. — Ассурбанипаль велитъ списать главнѣйшія ея произведенія для своего книгохранилища.—Царскія лѣтописи: повѣствованіе о смерти Гигеса лидійскаго.—Монеты въ Лидіи.—Богиня Истарь.—Схожденіе Истарь въ Адъ.—Позма о сотвореніи міра.—Позма объ Издубарѣ.—Борьба Издубара съ чудовищами.—Его сонъ.—Какъ онъ захватилъ Эабани.—Его борьба съ Истарь.—Смерть Эабани.—
Выздоровленіе Издубара.

Какъ ни вѣритъ Ассурбанипаль въ окончательную побѣду, онъ не можетъ заставить себя не тревожиться при мысли о превратностяхъ войны, и тревога мѣшаетъ ему спать. Онъ призываетъ къ себѣ одного изъ евнуховъ, стоящихъ на стражѣ у дверей его спальни, и велитъ ему позвать завѣдующаго дворцовымъ книгохранилищемъ: онъ хочетъ, чтобы ему принесли таблицы, гдѣ отмѣчены важнѣйшія событія его царствованія, и, перечитавъ повѣсть о своихъ былыхъ побѣдахъ, поднять въ себѣ духъ.

Ассирійцы умѣютъ писать очиненнымъ тростникомъ на выдѣланной кожѣ, на деревянныхъ дощечкахъ и даже на папирусѣ, который привозятъ караваны изъ Египта. Въ этихъ случаяхъ они примѣняютъ сокращенное письмо, происшедшее изъ финикійской азбуки. Такимъ способомъ ихъ писцы дѣлаютъ запись военной добычи, дани, налоговъ, текущихъ государственныхъ дѣлъ, черновики которыхъ сохранять нѣтъ надобности. Когда дѣло касается исторіи, литературы, юридическихъ бумагъ или официальныхъ документовъ, подлежащихъ сохраненію въ архивѣ, они прибѣгаютъ къ старинному халдейскому письму и глинянымъ плиткамъ¹. Этотъ способъ представляетъ нѣкоторыя неудобства, зато и большія преимущества. Книги изъ плитокъ неудобно держать, трудно переносить, буквы плохо выдѣляются на желтоватомъ фонѣ матеріала; но, съ другой стороны, труды, вырѣзанные и начертанные на кирпичѣ, меньше подвержены опасностямъ, чѣмъ написанные чернилами на папирусѣ. Огонь для нихъ безвреденъ, вода портитъ только по истеченіи долгаго времени, и даже если онѣ разобьются, кусочки могутъ годиться: если только онѣ не искрошены въ мелкій порошокъ, по-

¹ См. стр. 49—51.

что всегда удается их подобрать и возстановить текстъ въ цѣломъ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ буквъ или нѣсколькихъ частей предложенія. Надписи, найденныя въ подземныхъ частяхъ самыхъ древнихъ храмовъ, изъ которыхъ инымъ по двадцать или тридцать вѣковъ, большею частью ясны и разборчивы, какъ тогда, когда онѣ вышли изъ-подъ руки начертавшаго ихъ писца и обжигавшаго гончара. Гимны, волшебныя заклинанія, списки царей, лѣтописи, поэмы, сочиненныя почти въ началѣ историческихъ временъ, за тысячи лѣтъ до того, какъ могла быть рѣчь объ Ассирійскомъ государствѣ, подверженныя случайностямъ многихъ завоеваній, разрушительной страсти чловѣка и истребительному дѣйствию времени, вопреки всему остались сохранными и дошли до насъ не поврежденными, чего бы, конечно, не случилось, если бы ихъ авторы довѣрили ихъ папирусу, какъ это дѣлають египетскіе сcribes. Главная изъ грозящихъ имъ опасностей, это быть забытыми гдѣ-нибудь въ углу комнаты или погребенными подъ обломками зданія: тогда онѣ, такъ сказать, спятъ цѣлыми годами и даже цѣлыми столѣтіями, до того дня, когда случайныя раскопки или сознательныя изысканія ученаго пробудятъ ихъ и извлекутъ на свѣтъ Божій.

Ассурбанипаль интересуется старыми книгами, особенно старинными книгами священнаго писанія. Онъ дѣятельно собираетъ труды, разсѣянные по важнѣйшимъ городамъ государства; въ Халдеѣ, въ Урукѣ, въ Барсипѣ, въ Вавилонѣ у него имѣются даже писцы на жалованьи, которые списываютъ для него таблицы, хранящіяся въ храмахъ. Его главное книгохранилище находится въ Ниневіи, во дворцѣ, построенномъ имъ на берегахъ Тигра, отдѣлку котораго онъ приводитъ къ концу. Оно заключаетъ болѣе тридцати тысячъ таблицъ, расположенныхъ по порядку и размѣщенныхъ въ нѣсколькихъ комнатахъ, и снабжена каталогомъ для удобства пользованія ими. Многія сочиненія переходятъ съ одной плитки на другую и образуютъ серіи, изъ которыхъ каждая носитъ заглавіе изъ первыхъ словъ текста. Повѣствованіе о сотвореніи міра, начинающееся фразой: Во время оно то, что вверху, не носило еще названія неба, озаглавлено: Во время оно то, что вверху, и каждая изъ плитокъ, на которыхъ оно начертано, обозначена по порядку слѣдованія: Во время оно то, что вверху № 1, Во время оно то, что вверху № 2, и такъ далѣе, до конца. Ассурбанипаль гордится своей любовью къ литературѣ не меньше, чѣмъ своей политической дѣятельностью,

и хочетъ, чтобы потомство знало, какъ много онъ сдѣлалъ для литературы. Имя его можно прочитатъ на всѣхъ старыхъ и новыхъ сочиненіяхъ, какія заключаются въ его книгохранилищахъ. „Дворецъ Ассурбанипала, царя легионовъ, царя народовъ, царя страны Ассуръ, кому богъ Нэбо и богиня Тасмитъ даровали уши внемлющія и глаза зоркіе, дабы открывать повѣствованія писателей царства моего, которыхъ имѣли цари, мои предшественники. Въ почитаніи моемъ Нэбо, бога разума, собралъ я эти таблицы, велѣлъ списать ихъ, помѣтилъ ихъ моимъ именемъ и положилъ ихъ на храненіе въ моемъ дворцѣ“.

Книгохранилище въ Дуръ - Шарукинѣ, не столь богато, какъ ниневійское, превосходно составлено. Писецъ Набушумидинъ, кому оно ввѣрено, быстро нашелъ таблицы съ лѣтописями и вручилъ ихъ дежурному внуку. Ассурбанипальъ хочетъ, чтобы ему прочитали не столько исторію той или другой войны, сколько тексты оракуловъ, которыми боги поощряли его къ ихъ предпріятію, и перечень чудесъ, совершенныхъ въ его пользу. Точное воспроизведеніе того, что они сдѣлали для него въ прошломъ, разсѣтъ его опасенія и дасть ему какъ бы предвидѣніе того, въ чемъ они не смогутъ отказать ему въ будущемъ. „Возьми таблицу, куда занесены дѣянія Ги-

гесалидйсаго, — говорит онъ—чтецу, и повтори мнѣ, что тамъ написано“. Происшествіе съ Гигесомъ извѣстно по всей Ассиріи; писець начинаетъ чтеніе вслухъ. „Гигесу, царю Лидіи, края заморскаго, страны далекой, которой цари, предки мои, не знали даже по имени, Ассуръ, мой божественный родитель, открылъ имя мое во снѣ, говоря: „Ассурбанипаль, царь Ассиріи, повергни себя къ стопамъ его, и ты побѣдишь враговъ твоихъ его именемъ!“ Въ тотъ же самый день, когда привидѣлся ему этотъ сонъ, отправилъ онъ всадниковъ своихъ ко мнѣ на поклонъ и сообщилъ мнѣ черезъ посредство своего посланника сонъ, что приснился ему. Когда послѣдній достигъ границъ царства моего, и встрѣтилъ подданныхъ царства моего, они сказали ему: „Кто же ты такой, чужеземець, чью страну ни разу еще не посѣтилъ ни одинъ изъ моихъ гонцовъ?“ Они отправили его въ Ниневію, столицу моего величества, и привели его ко мнѣ. Изъ всѣхъ языковъ Востока и Запада, коими въ изобиліи одарилъ меня Ассуръ, среди тѣхъ, кто владѣлъ ими, никто не зналъ этого языка, и никто изъ тѣхъ, что окружали меня, никогда не слышали его нарѣчія. Я нашель, наконецъ, на протяженіи моего государства, кого-то, кто понялъ его, и онъ разсказалъ мнѣ сонъ.

„Съ того дня, какъ онъ повергъ себя къ моимъ, царя Ассурбанипала, стопамъ, онъ побѣдилъ киммерянъ, угнетавшихъ народъ его страны, кои не страшились отцовъ моихъ и не повергли себя къ моимъ царскимъ стопамъ. Милостью Асура и Истаръ, боговъ моихъ владыкъ, среди вождей киммерянъ, которыхъ онъ побѣдилъ, онъ захватилъ двухъ вождей, крѣпко оковалъ желѣзными кандалами и желѣзными цѣпями и послалъ ихъ мнѣ съ богатымъ подаркомъ. Скоро, однако, тѣхъ всадниковъ, что правильно посылалъ онъ ко мнѣ для выраженія своего почтенія, пересталъ онъ посылать мнѣ. Не соблюдая велѣній Асура, моего божественнаго родителя, безразсудно довѣряя своимъ собственнымъ силамъ и побужденіямъ сердца своего, онъ отправилъ свои войска на помощь Псаметиху, царю Египта, что съ презрѣніемъ свергъ съ себя иго моего господства. Я узналъ объ этомъ и обратился съ молитвой къ Асуру и Истаръ: „Да будетъ трупъ его брошенъ врагу его, да будутъ разсѣяны кости его“. Какъ просилъ я Асура, такъ и вышло: его трупъ былъ брошенъ врагу его, и кости разсѣяны. Киммеряне, которыхъ онъ побѣдилъ именемъ моимъ, снова появились и подчинили себѣ всю его страну, и сынъ его занялъ вслѣдъ за нимъ престолъ его. О карѣ, ниспосланной богами, въ комъ

моя сила, по молитвѣ моей, на отца, породившаго его, онъ извѣстилъ меня черезъ своихъ посланниковъ, и къ ногамъ моимъ царскимъ припалъ онъ, говоря: „Ты, царь, кого знаютъ боги. Ты проклялъ отца моего, и бѣдствіе обрушилось на него. Привѣтствуй благословіемъ своимъ меня, слугу, что страшится тебя, и пусть ношу я иго твое!“

Этотъ славный эпизодъ исторіи мгновенно предсталъ цѣликомъ передъ взорами царя: онъ снова видитъ прибытіе иноземныхъ пословъ, ихъ причудливую одежду, ихъ замѣшательство и замѣшательство двора, мгновеніе, когда онъ призвалъ на Гигеса гнѣвъ боговъ, и то, когда посланники Ардиса ¹ объявили ему, что боги услышали его. Съ тѣхъ поръ Лидія не переставала быть ему вѣрной: ея всадники ежегодно проѣзжаютъ по Азіи, чтобы привезти ему дань своего повелителя. Она не значительна, что охотно прощается имъ, принимая во вниманіе длину пути; она состоитъ изъ коней, тканей и особенно золота, которое въ изобиліи добывается въ ихъ странѣ. Они изобрѣли очень остроумный способъ пользоваться имъ на рынкахъ. Они выдѣлываютъ изъ него въ царскихъ мастерскихъ небольшіе слитки въ видѣ шариковъ опредѣленнаго вѣса,

¹ Ардисъ — сынъ и непосредственный преемникъ Гигеса на престолѣ Лидіи.

на которыхъ штемпелемъ чеканятъ изображеніе конской головы, цвѣтка, бѣгущей лисицы. Всякій, при взглядѣ на клеймо и размѣры слитка, немедленно узнаетъ его цѣнность, что избавляетъ отъ обычныхъ взвѣшиваній и удивительно облегчаетъ ходъ торговыхъ сдѣлокъ ¹.

Ассурбанипалъ велѣлъ перечитать свои войны съ Египтомъ, походы на Ваала тирскаго и финикіянъ, и всюду онъ видитъ вліяніе покровительства Ассура и Истаръ, которое они ему оказываютъ. Истаръ, почитаемая хананеями и финикіянами подъ именемъ Асторетъ и Астарты, не всегда была въ Ассиріи тѣмъ всемогущимъ божествомъ, какимъ стала теперь. Самые древніе цари признавали ее только „владычицей битвъ и войнъ, верховной госпожей, что украшаетъ лики воиновъ“; народъ завоевателей могъ поклоняться только богинѣ сраженій: Они воздвигли ей два святилища, сдѣлавшіяся въ непродолжительномъ времени знаменитыми, одно въ Ниневіи, другое въ небольшомъ городкѣ Арбелахъ, по ту сторону Заба, почти на восточной границѣ страны. Они благоговѣйно молились ей, но всегда отодвигали ее на задній планъ, ставя гораздо ниже Ассура, Сина и другихъ боговъ. Эсар-

¹ См. сказанное объ этомъ на стр. 41 и слѣд. вып. этой книги.

гаддонъ вывелъ ее на свѣтъ и сдѣлалъ ее своей покровительницей. Каждый разъ передъ отправленіемъ въ новый походъ, онъ спрашивалъ ея совѣта, и она отвѣчала ему устами своихъ жриць: ни разу событія не опровергли ея предсказаній. Любовь, которую питаетъ къ ней Ассурбанипаль, настоящее отцовское наслѣдіе, какъ и вѣнецъ. Къ ней инстинктивно обращается онъ по малѣйшему поводу, вызывающему радость или отчаяніе: онъ посвящаетъ ей свои побѣды, повѣряетъ тревоги, и нѣтъ для него большей радости, какъ слушать книги, гдѣ говорится о ней и ея таинственныхъ приключеніяхъ. Онъ прерываетъ евнуха среди чтенія, между разговоромъ объ одномъ набѣгѣ на Арменію и о походѣ на народы Тавра, и приказываетъ спросить у Набушумидина Схожденіе Истаръ въ адъ.

Это одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ изъ жизни богини. Ея мужъ Таммузь былъ убитъ и, хотя и богъ, онъ принужденъ былъ присоединиться къ другимъ мертвымъ подъ землей, въ сумрачное царство Аллатъ. Оставалось одно только средство вернуть его къ свѣту: нужно было омыть его и напоить у волшебнаго источника, чьи воды возвращаютъ жизнь тому, кто изопьетъ ихъ ¹. Истаръ

¹. Объ этомъ волшебномъ источникѣ см. сказанное на стр. 88 этой книги.

рѣшается отправиться туда и зачерпнуть ее; но никто не имѣетъ права вступить въ адъ, если не прошелъ черезъ смерть, и сама Истаръ не составляетъ исключенія изъ этого рокового закона. „Въ край, откуда никто не возвращается, въ область сумрака, Истаръ, дочь Сина, направила духъ свой, да, сама дочь Сина направила духъ свой въ чертогъ сумрака, престолъ бога Иркалла,—въ чертогъ, откуда не возвращается тотъ, кто вошелъ, на путь, по которому не идетъ дважды тотъ, кто совершилъ его впервые, въ жилище, чьи обитатели не увидятъ свѣта никогда, въ мѣсто, гдѣ хлѣбомъ служить пыль, пищей иль; тамъ не видятъ больше свѣта, тамъ пребываютъ въ потемкахъ и, подобно птицамъ, тамъ одѣваются въ перья; на воротахъ, на запорахъ всюду пыль“.

Истаръ приближается къ стѣнѣ ада, стучится и обращается къ сторожу властнымъ голосомъ: „Стражъ воды животворящей, отвори ворота! Отвори ворота, чтобы войти мнѣ! Если не отворишь ворота, чтобы могла я взойти, я выломаю ихъ, я разобью замокъ, я сокрушу порогъ и войду въ ворота! Я подниму мертвыхъ, чтобы растерзать живыхъ, и многочисленнѣе живыхъ будутъ мертвые“. Стражъ раскрываетъ уста, онъ говоритъ, обращаясь къ Истаръ: „Остановись, о, госпожа, и не выламывай воротъ, но дозвожь мнѣ пойти

и доложить имя твое Нинкигаль ¹, царицѣ ада“. Стражъ сходить и докладываетъ имя Истаръ Нинкигаль: „О богиня: сестра твоя Истаръ пришла за животворящей водой; потрясая крѣпкіе засовы, она грозила выломать ворота“. Услыхавши это, Аллатъ раскрываетъ уста, она говоритъ: „Подобно скошенной травѣ, Истаръ сошла въ адъ, подобно тростнику, что склоняется и вянетъ, она молить о водѣ жизни. Пускай, что мнѣ за дѣло до ея желанія? что мнѣ за дѣло до ея гнѣва? Она говоритъ: „Съ моимъ мужемъ хочу я насытиться этой водой, какъ пищей, испить ее, какъ возстановляющій силы напитокъ!“ Если бы я плакала, я не надъ ней бы плакала, а надъ героями, что должны были разстаться со своими женами, я плакала бы надъ женами, которыхъ ты, о стражъ, вырвалъ изъ объятій ихъ мужей, надъ малыми дѣтьми плакала бы я, которыхъ похитилъ ты прежде, чѣмъ пробилъ часть ихъ. Ступай же, о стражъ, и отвори ей ворота, но раздѣнь ее, согласно древнимъ законамъ“. Смертные являются на свѣтъ нагими, нагими же слѣдуетъ имъ и покидать его, но благочестіе ихъ родственниковъ или друзей покрываетъ ихъ уборами и одеждами, ко-

¹ Богиня мертвыхъ называется одинаково какъ Аллатъ, такъ и Нинкигаль въ этомъ разсказѣ.

торые они рассчитываютъ взять съ собой. Законъ ада не разрѣшаетъ оставлять у себя ничего, и демоны срываютъ съ нихъ все, прежде чѣмъ привести ихъ передъ лицо своей царицы.

Стражъ отправился, онъ открылъ ворота: „Войди, о госпожа, и подобно тому, какъ городъ Кута радуется тебѣ, да возрадуется тебѣ чертогъ ада!“ Онъ пропустилъ ее въ первыя ворота, заперъ ихъ за ней и сорвалъ драгоцѣнную корону, бывшую у нея на головѣ. „Зачѣмъ же, о стражъ, сорвалъ ты драгоцѣнную корону съ моей головы?“— „Входи, о госпожа, ибо таковы суть велѣнія Аллатъ“. И, переходя отъ воротъ къ воротамъ, онъ снимаетъ съ нея какое-нибудь изъ ея украшеній, серьги, ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, покрывало съ груди, поясъ, покрытый эмалью, ручные, ножные браслеты, у седьмыхъ воротъ онъ снимаетъ съ нея, наконецъ, послѣднюю одежду. Когда Истаръ спустилась въ адъ, Аллатъ увидала ее и обошлась съ ней высокомерно; Истаръ вышла изъ себя и наговорила ей оскорбительныхъ словъ. Чтобы наказать ее, Аллатъ призвала Намтара, демона чумы, своего вѣстника смерти, и передала ему мятежницу: „Возьми-ка, Намтаръ, Истаръ и уведи ее съ глазъ моихъ. Шестьдесятъ разъ поразь ее недугомъ, влей ей болѣзнь глазъ въ глаза,

болѣзнь чрева въ чрево, болѣзнь ногъ въ ноги, болѣзнь сердца въ сердце, болѣзнь головы въ голову: въ нее, въ нее всю и въ каждый членъ ея влей болѣзнь“. И вотъ въ то время, какъ она испытывала адскія муки, природа оплакивала ея утрату; звѣри, люди, сами боги,—все изнывало, и міръ опустѣлъ бы, если бы не нашлось средства извлечь ее изъ могилы, куда она сошла.

Эа, верховный богъ, царь вселенной, что одинъ можетъ нарушать законы, вложенные имъ въ мірозданіе, рѣшилъ даровать ей то, за чѣмъ она отправилась во владѣніе Аллатъ, животворящую воду, чтобы воскресить Таммуза. Эа, въ мудрости сердца своего, сдѣлалъ человѣка, онъ создалъ Ассусунамира, внуха. „Ступай-же, Ассусунамиръ, повернись лицомъ къ воротамъ ада, вели отворить всѣ семь воротъ передъ тобой, пусть увидитъ тебя Аллатъ и порадуется твоему появленію. Когда сердце ея успокоится и гнѣвъ уляжется, закляни ее именемъ великихъ боговъ, потомъ отверни голову и ступай къ убѣжищамъ грозовыхъ вѣтровъ, гдѣ замкнутъ родникъ чистой воды, и дай испить его воды Истаръ“. Аллатъ не посмѣла послушаться велѣній владыки боговъ, она призвала Намтара и приказала ему приготовить все, что слѣдуетъ для возвращенія жизни богинѣ. Источникъ скрытъ глубоко подъ

порогомъ дворца: нужно разбить камень, чтобы онъ брызнулъ, и вода производитъ свое полное дѣйствіе только въ присутствіи Ануновъ, семи таинственныхъ духовъ, которые охраняютъ землю. „Намтаръ пошелъ и ударилъ въ прочно построенный дворецъ, онъ взломалъ порогъ, вызвалъ духовъ земли и посадилъ изъ на золотой тронъ, потомъ онъ окропилъ водой Истаръ и повелъ ее къ свѣту“. Онъ вернулъ ей ея одежды и украшенія, переходя отъ воротъ къ воротамъ; когда она возвратилась къ входу, онъ объявилъ ей, что отнынѣ жизнь ея мужа принадлежитъ ей. „Если Аллатъ не дала тебѣ еще того, за что ты такъ жестоко поплатилась, вернись къ ней за Таммузомъ, супругомъ твоей молодости. Омой его животворящей водой, намасти его драгоценными благовоніями, облеки его въ пурпурную одежду!“ Природа оживаетъ вмѣстѣ съ Таммузомъ: Истаръ побѣдила смерть.

Форма произведенія современная, но оригинальная мысль и развитіе ея очень древняго происхожденія: воспѣвали Схожденіе Истаръ въ адъ уже на языкѣ первыхъ писателей Халдеи, а также и въ многихъ другихъ произведеніяхъ, которыя и теперь еще читаются съ восторгомъ. Поэты и жрецы умѣли складывать большія религіозныя поэмы, съ искусствомъ и богатствомъ вдохновенія, ка-

кого не достигли писатели послѣдующихъ поколѣній. И это естественно. Земля въ ихъ времена сохраняла еще свѣжей память о со-твореніи міра, и они чувствовали близость къ себѣ боговъ сильнѣе, чѣмъ мы. Когда они начинали передъ своими слушателями повѣствованіе о первыхъ дняхъ творенія, имъ не приходилось, какъ намъ, дѣлать усиліе, чтобы представить себѣ, что происходило въ началѣ временъ: они знали это изъ достовѣрныхъ источниковъ, изъ непосредственнаго откровенія боговъ, принимавшихъ участіе въ мірозданіи. „Въ тѣ времена, когда у неба вверху не было еще названія, не было его и у земли, что простирается подъ нимъ, ихъ породила первичная бездна, и Мумму-Тіамать, океанъ Хаоса, была ихъ общей матерью. Воды составляли одну сплошную массу, хлѣбныя поля были безплодны и трава не росла на пастбищахъ. Въ тѣ времена боги еще не появлялись, ни одинъ изъ нихъ: у нихъ не было еще никакого имени, и судьба ихъ не была еще предопредѣлена“. Изъ воды изошло все, и земля, и небо, и люди.

Вдохновенный пѣвецъ старины повѣствуетъ о послѣдовательныхъ поколѣніяхъ боговъ и о борьбѣ, въ которой они возсторжествовали надъ Тіамать. Меродахъ Вавилонскій, верховное Солнце, былъ во главѣ ихъ. „Ступай,—

сказали они ему, — пресѣки дни Тіамать и развѣй ея кровь по всѣмъ вѣтрамъ. Онъ взялъ лукъ и вооружился имъ; онъ потрясъ палицей и подвѣсилъ ее себѣ къ бедру, схватилъ бумерангъ и зажалъ его въ правой рукѣ. Привѣсивъ на плечо колчанъ, онъ метнулъ передъ собой молнію, и тотчасъ же стремительная быстрота наполнила всѣ члены его. Онъ взошелъ на колесницу судьбы, что не боится соперника, и сталъ въ ней крѣпко на ноги, и руки его привязали къ бокамъ ея четыре пары вожжей“. Въ такомъ вооруженіи, онъ устремился на Тіамать и напалъ на нее. „Онъ занесъ палицу и разсѣкъ ей животъ, разсѣкъ ей грудь, вынулъ сердце; онъ связалъ ее, пресѣкъ дни ея, бросилъ трупъ, и гордо выпрямился надъ нимъ. Сразивъ Тіамать, шедшую впереди своихъ воиновъ, онъ разсѣялъ ихъ, онъ разсѣялъ ихъ полчища, и боги, ея союзники, шедшіе рядомъ съ ней, задрожали, перепугались и повернули назадъ и побѣжали, чтобы спасти свою жизнь, и прижимались другъ къ другу въ отчаянномъ бѣгствѣ. Но онъ настигъ ихъ и сломилъ ихъ силу“.

Самая длинная изъ этихъ поэмъ та, что повѣствуетъ о подвигахъ Гильгамеша. Онъ родился въ Урукѣ, въ Халдеѣ, сынъ царя, и самъ былъ бы царемъ, если бы отецъ его

не былъ сверженъ съ престола эламитами въ то время, когда онъ былъ еще младенцемъ въ колыбели. Воспитанный въ изгнаніи, онъ страстно предался искусству царей — охотѣ. Земля въ тѣ времена не была еще такъ населена, какъ теперь, и дикіе звѣри вели жестокою борьбу съ людьми, не только львы, тигры, зубры, на которыхъ любили охотиться цари Ниневіи, но и чудовища, соединявшія въ себѣ формы человѣческія съ формами самыхъ страшныхъ звѣрей. Быки съ человѣческой головой, какихъ мы видимъ только изъ камня, у дворцовыхъ воротъ, существовали тогда изъ плоти и кости, и постоянно рыскали по полямъ. Люди-скорпіоны, сатиры, грифоны обитали въ пустыняхъ и въ горахъ, готовые броситься на перваго попавшагося. Гильгамешъ истребилъ ихъ не малое число, когда боги, видя приближеніе дня, предопредѣленнаго для его возвращенія изъ изгнанія, послали ему сонъ: „Въ ту пору онъ открылъ свой сонъ и сказалъ своей матери: „Одно сновидѣніе увидаль я во время сна; казалось мнѣ, что звѣзды небесныя падаютъ съ неба и упадаютъ мнѣ на спину, спускаясь съ неба на меня. И вотъ, пока я смотрѣлъ, вдругъ замеръ я въ неподвижности, и увидѣлъ я существо, вставшее передо мной,—существо, чей ликъ былъ ужасенъ, и остры, какъ львиные когти, были

когти его“. Дальше ему снилось, что онъ сражается съ этимъ чудовищемъ и что онъ побѣдилъ его, потомъ онъ проснулся.

Сны приходятъ къ человѣку не случайно. Это вѣстники боговъ, черезъ ихъ посредство они возвѣщаютъ будущее тому, кто умѣетъ понимать ихъ, но Гильгамешъ не нашелъ никого, кто бы могъ истолковать значеніе его сна. Наконецъ ему сказали о чудовищномъ духѣ, Эбани, чья мудрость не имѣла себѣ равной, но онъ жилъ въ одиночествѣ, въ горахъ. У него грудь и лицо человѣка, ноги и хвостъ быка, на головѣ у него рога. „Онъ пасется вмѣстѣ съ газелями по ночамъ, онъ укрывается днемъ вмѣстѣ съ полевыми животными, и сердце его радуется гадамъ, что водятся въ водѣ“. Гильгамешъ отправилъ своего главнаго ловчаго, Заиду, чтобы попытаться захватить его, но Заиду испугался при видѣ чудовища и вернулся, не осмѣлившись подступить къ нему. Тогда герой прибѣгъ къ хитрости: онъ выбралъ двухъ красивыхъ женщинъ, Хакирту и Упасамру, которыя завлекли Эбани изъ пещеры, гдѣ онъ прятался. Онъ подошелъ къ Хакирту и сталъ слушать ея пѣніе и былъ очень внимателенъ, потомъ обернулся къ ней и сѣлъ у ея ногъ. „Хакирту склонила голову, заговорила, и онъ слышалъ ея рѣчи. И вотъ, что она сказала ему: „Эбани,

славный, богоподобный, зачѣмъ выбираешь ты себѣ товарищей среди звѣрей пустыни? Я желаю, чтобы ты послѣдовалъ за мной въ Урукъ, въ храмъ Элли-Тардуси, обитель Ану и Истаръ, жилище Гильгамеша, могучаго великана, что возносится какъ быкъ надъ вождями“. Она говорила, и отъ рѣчей ея вся мудрость его сердца разсѣялась и исчезла. Онъ послѣдовалъ за ней въ Урукъ, изъяснилъ, что сонъ предсказывалъ герою побѣду надъ врагами; потомъ онъ женился на одной изъ женщинъ, побудившихъ его покинуть свое уединеніе. Этимъ Гильгамешъ завоевалъ любовь своего слуги, Эбани, котораго царь полюбилъ навсегда.

И вотъ Гильгамешъ выступаетъ въ походъ, и Эламъ первый испытываетъ тяжесть его оружія. Гумбаба, похитившаго у его отца престолъ Урука, „онъ убилъ; оружіе его онъ возложилъ себѣ на плечи, онъ раздѣлъ его и облекся въ знаки его царскаго достоинства, онъ отрѣзалъ ему голову и возложилъ на себя его діадему и корону, да, Гильгамешъ украсилъ себя короной и увѣнчался діадемой“. Истаръ, богиня Урука, взглянула на него и, видя его прекраснымъ и могучимъ, рѣшила въ сердцѣ своемъ, что выйдетъ за него замужъ. „Послушай меня, Гильгамешъ, и будь мнѣ мужемъ. Я буду тебѣ виноградной лозой, а ты шестомъ, къ которому меня привязываютъ, ты

будешь моимъ мужемъ, а я буду твоей женой. Я дамъ тебѣ колесницу изъ хрусталя и золота, гдѣ дышло золотое и украшенія стеклянные, чтобы ежедневно впрягать въ нее твоихъ могучихъ коней. Войди въ нашъ домъ подъ сѣнью кедровъ, и когда взойдешь ты въ домъ нашъ, Евфратъ будетъ цѣловать тебѣ ноги, передъ тобой падутъ ницъ цари, вельможи и князья, и принесутъ они тебѣ дары горъ и равнинъ. Въ твоихъ загонахъ овцы будутъ приносить только близнецовъ, въ твоихъ конюшняхъ мулъ будетъ самъ приходиться за ношей; твои кони всегда будутъ мчать колесницу твою вскачь, и яремный воль твой не будетъ знать себѣ соперника“. Гильгамешъ слышитъ ее, онъ отвергаетъ ее съ презрѣніемъ и ужасомъ, и спрашиваетъ ее, куда дѣвала она своихъ смертныхъ мужей, бывшихъ у нея въ ея долгую жизнь богини: Таммуза, котораго она такъ оплакивала, Алала, орла, чьи крылья она сломала, могучаго льва, чьи когти и зубы она вырвала, по семи заразы, необузданнаго коня, что носилъ ее въ битвахъ, и Табулу, пастуха, и садовника Исуллану; всѣ они умерли раньше, чѣмъ пробилъ ихъ часъ, „и я не хочу подняться до тебя, чтобы потомъ упасть, ибо ты любишь меня только затѣмъ, чтобы обойтись потомъ со мною, какъ обошлась съ ними“.

Отвергнутая Истаръ бросается къ ногамъ своего отца Ану, владыки боговъ, и взываетъ къ нему о мести герою, который оскорбилъ ее: „Отецъ, сотвори божественнаго быка и пусти его на Гильгамеша“. Ану внялъ просьбѣ богини и сотворилъ быка; но Гильгамешъ поручилъ вѣрному Эбани сразить этого противника. „Онъ собралъ еще триста героевъ, чтобы замѣстить Эбани въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ, и выстроилъ онъ ихъ въ два ряда для битвы, и одинъ рядъ, чтобы выдержатъ натискъ священнаго быка. На этотъ третій рядъ наставилъ онъ рога, но Эбани сломилъ его силу, Эбани пронзилъ тѣло быка, онъ схватилъ его за макушку и воткнулъ ему въ загривокъ кинжалъ. Эбани открылъ уста, онъ заговорилъ, онъ сказалъ герою Гильгамешу: „Другъ, намъ повезло и мы уничтожили недруга, но, другъ, подумай о послѣдствіяхъ и опасайся могущества Истаръ. Разъедини члены быка!“ И взошла Истаръ на стѣну Урука, она разодрала на себѣ одежды и изрекла проклятіе: „Я проклинаю Гильгамеша, который оскорбилъ меня и убилъ божественнаго быка!“ Но Эбани услыхалъ слова Истаръ, онъ разрѣзалъ быка на части и бросилъ ихъ передъ ней: „Вотъ отвѣтъ на твое проклятіе, я принимаю его, и такъ же, какъ я слышалъ его отъ тебя, я обращаю его

противъ тебя“. Истаръ собрала своихъ прислужницъ и горевала вмѣстѣ съ ними надъ отдѣльными частями быка. Гильгамешъ посвятилъ рога и останки быка богу Солнцу.

Между тѣмъ ненависть Истаръ не переставала преслѣдовать его: отчаявшись въ возможности породить чудовище, способное побѣдить его въ честномъ бою, она призываетъ себѣ на помощь болѣзнь, и болѣзнь беретъ верхъ надъ героемъ. Проказа покрываетъ его тѣло, и страхъ смерти, „этотъ послѣдній врагъ человѣка“, охватываетъ его. Боги еще разъ вмѣшиваются, чтобы спасти его: они открываютъ ему во снѣ, что онъ можетъ исцѣлиться ходатайствомъ Хасисадры и даже сдѣлаться безсмертнымъ. Хасисадра, сынъ Убаратуту, послѣдній изъ десяти царей, которые властвовали въ Халдеѣ непосредственно послѣ сотворенія міра: когда боги истребили людей, въ наказаніе за ихъ грѣхи, онъ одинъ спасся отъ потопа въ своемъ ковчегѣ, и снова населилъ землю своими потомками, потомъ онъ былъ восхищенъ живымъ, по велѣнію судьбы, и перенесенъ въ таинственные сады, гдѣ пребываютъ блаженные мертвые, по ту сторону устья Евфрата ¹. Гиль-

¹ См. на стр. 90 и слѣд. этой книги, сказанное о Халдейскомъ раѣ.

гамешъ отправляется на розыски, но его обычная удача измѣняетъ ему: онъ сбивается съ пути, и его вѣрный Эбани погибаетъ въ когтяхъ самага страшнаго чудовища, какое онъ до сихъ поръ встрѣчалъ. Душа Эбани уже направлялась къ мѣсту, гдѣ пребываютъ души простыхъ смертныхъ, въ обитель Аллатъ; но Эа, творецъ, сжалился надъ нимъ и повелѣлъ сыну своему Меродаху освободить ее. Она поднимается съ земли какъ облачко пыли и летитъ къ небу. Боги встрѣчаютъ ее и оказываютъ ей гостепріимство: лежа на пышномъ ложѣ, она пьетъ чистую воду и смотритъ сверху на зрѣлище людскихъ дѣяній. „Того, кто падаетъ въ бою, я вижу, какъ ты меня видишь. Его отецъ и мать въ печали поддерживаютъ его голову, жена его обращается со словами къ родному трупу. Его друзья стоятъ въ полѣ, и онъ видитъ ихъ, какъ я тебя вижу, и сироты его просятъ хлѣба, но другіе поѣдаютъ пищу, заготовленную въ его шатрахъ“.

Гильгамешъ продолжаетъ путь, одинъ отнынѣ, и послѣ блужданій приходитъ, наконецъ, къ горамъ Массы, гдѣ солнце восходитъ каждое утро и садится каждый вечеръ подъ охраной людей-скорпіоновъ; послѣдніе направляютъ его къ пловцу Урбелу, который велитъ построить ему лодку и черезъ шесть

недѣль доставляетъ его къ мѣсту пребыва-
нiя Хасисадры. Тамъ онъ принужденъ оста-

Рис. 43. Гильгамешъ, уду-
шающій льва одной рукой.

новиться, ибо смерт-
ные не могутъ пере-
правиться при жизни
черезъ рѣку, окру-
жающую садъ, но,
тронутый его несча-
стiемъ, Хасисадра
рассказываетъ ему
исторiю потопа ¹ и
указываетъ на вѣр-
ное средство для ис-
цѣленiя его недуга:
онъ не только не
умретъ, но еще по
окончанiи испытанiй
боги призовутъ его
къ себѣ и сдѣлаютъ
его бессмертнымъ.
Поэма заканчивает-
ся этимъ утѣшитель-
нымъ обѣщанiемъ, и,

дѣйствительно, теперь Гильгамешъ одинъ изъ
боговъ. Его жизнь и приключенiя сдѣлались не
только предметомъ поэзи, но ваянiя и пласти-

¹ Эпизодъ потопа приведенъ въ большей своей
части у Г. Масперо, *Histoire ancienne*, 4-ое
изд., стр. 147—149.

ческих искусствъ. Это и есть тотъ исполинъ, котораго мы видимъ возлѣ крылатыхъ быковъ у воротъ дворца, что удушаетъ руками льва ¹ (рис. 43). На цилиндрахъ, которые ассирійцы носятъ на шеѣ, и которые служатъ имъ печатью ², часто встрѣчаются, въ качествѣ декоративныхъ мотивовъ, эпизоды изъ его жизни: его борьба съ быкомъ и со львомъ, встрѣча съ людьми-скорпіонами, плаваніе по Евфрату вмѣстѣ съ Урбелемъ, ссора съ Истаръ. Если бы съ теченіемъ времени пропала эта поэма, сдѣлавшая общераспространеннымъ его имя, эти многочисленныя изображенія и картины, позволяютъ интересующимся возстановить отдѣльныя ея части ³.

¹ См. выше, гл. I, изображеніе Гильгамеша около быковъ.

² См. стр. 54, рис. 15, нѣкоторые изъ этихъ цилиндровъ.

³ Имя этого эпического бога читалось временно Издубаръ. Пиншъ открылъ его правильное чтеніе, Г и ш г а м а ш ъ, Г и л ь г а м е ш ъ, что греки довольно точно передали именемъ Г и л ь г а м о с ъ.

ГЛАВА VII.

Наука предсказаній.

Халдейская астрологія.—Вліяніе свѣтилъ на судьбу чело-
вѣка.—Точное наблюденіе свѣтилъ даетъ астроло-
гамъ средство предвидѣть грядущія событія.—Что го-
ворять свѣтила по поводу войны съ Эламомъ.—Книги
предсказаній и таблицы Саргона Старшаго.—Ассурба-
нипальъ взываетъ къ Истаръ изъ Арбель, и богиня
отвѣчаетъ ему.—Ясновидцы и толкованіе сновъ.—
Явленіе Истаръ одному изъ ея ясновидцевъ.—
Эламитскіе боги прорицають подобно богамъ Асси-
рійскимъ.

Та же тревога, что не даетъ спать Ассур-
банипалу, побуждаетъ его вопрошать свѣтила
и оракулы, чтобы вырвать у нихъ тайну грядущаго. Халдеи съ древнѣйшихъ временъ
умѣли свободно читать судьбы челоѣческія
въ небесной книгѣ. Звѣзды, какъ ни удалены
онѣ отъ нашей земли, не остаются чужды ни-
чему, что на ней происходитъ. Все это оду-
шевленные существа, одаренныя свойствами,
полезными или вредными, и своимъ изученіемъ
въ пространствѣ они дѣйствуютъ на разстоя-

ніи на все, съ чѣмъ соприкасаются. Ихъ вліянія измѣняются, согласуются или взаимно уничтожаются, въ зависимости отъ степени ихъ проявленія, отъ положенія ихъ на небѣ по отношенію другъ къ другу, отъ часа ночи и мѣсяца года ихъ восхожденія или захожденія за горизонтъ. Каждый промежутокъ времени, каждый промежутокъ пространства, каждый разрядъ существъ, а въ немъ каждая отдѣльная особь животнаго, растительнаго и минеральнаго царства, находится подъ ихъ властью и претерпѣваетъ ихъ неизбѣжное господство. Ребенокъ приходитъ на свѣтъ ихъ рабомъ и рабомъ ихъ остается до конца своихъ дней; звѣзда, вліяніе которой преобладало въ минуту его рожденія, становится его звѣздой и управляетъ всей его судьбой.

Народы и государства, какъ и отдѣльные люди, подчинены особымъ свѣтиламъ или свѣтиламъ, управляющимъ жизнью ихъ царей. Они возвеличиваются или падаютъ подъ непрерывно возобновляющимся вліяніемъ свыше; исторія ихъ прошлыхъ бѣдствій или процвѣтанія запечатлѣна на небѣ, такъ же, какъ исторія грядущихъ бѣдствій или процвѣтанія ясно написана для тѣхъ, кто умѣетъ прочесть ее. Вотъ надъ чѣмъ уже вѣка трудятся звѣздо-четы, и наблюденія ихъ, накапливаясь изъ года въ годъ, позволяютъ намъ въ настоящее время

знать свойства и въ частности силу каждой изъ блестящихъ точекъ, что свѣтятся по ночамъ, исчислять, не слишкомъ впадая въ погрѣшности, многообразность ихъ взаимнаго положенія, заключать, которыя изъ нихъ оказываютъ преобладающее вліяніе на дѣла человѣческія, въ какое время это вліяніе сильнѣе всего и когда оно ослабѣваетъ или исчезаетъ. Небесныя знаменія, появляющіяся на небѣ помимо обычныхъ явленій, тоже имѣютъ свое значеніе въ этомъ угадываніи по теченію небесныхъ свѣтилъ. Не безъ причины солнце и луна окутываются кровавыми испареніями или скрываются за облака, затмеваются или внезапно загораются нестерпимымъ свѣтомъ, вспыхиваютъ огни на краю небосклона, а въ нѣкоторыя ночи звѣзды какъ будто срываются съ неба и падаютъ на землю. Подобныя чудеса это все предостереженія, которыя боги посылаютъ людямъ наканунѣ крупныхъ переворотовъ: благо тому, кому ясновидящіе глаза даютъ увидать ихъ, проницательный умъ уразумѣть ихъ, осторожность и хладнокровіе сообразовать свои дѣйствія съ ихъ предсказаніями!

Съ высоты башни уступами звѣздочеты каждую ночь наблюдаютъ небо, стараясь уловить признаки, могушіе обнаружить исходъ наступающей борьбы Ассиріи съ Эламомъ; но небо какъ будто хочетъ скрыть свою тайну.

Сходящіяся къ царю со всѣхъ концовъ донесенія гласятъ, что состояніе воздуха до сихъ поръ не позволило произвести никакихъ рѣшающихъ наблюденій. Истарнадиншумъ, начальникъ звѣздочетовъ въ Арбелесѣ, пишетъ: „Миръ и благополучіе царю, моему владыкѣ, да благоденствуетъ онъ долгіе годы. 29-го числа я наблюдалъ узель луны, но облака затмили поле наблюденій, и мы не могли видѣть луны“. Набуа изъ Эль-Ассура и Набушумидинъ изъ Ниневіи пишутъ почти тѣми же словами. Послѣдній, излагая вкратцѣ содержаніе депешъ, полученныхъ имъ отъ его собратій для доклада царю, принужденъ добавить къ тому же, что 27-го луна исчезла, что она оставалась невидимой 29-го; что 28-го, 29-го и 30-го постоянно наблюдался узель солнечнаго затменія, но что самое затменіе не наступило. Упорство, съ какимъ небо отказывается говорить, многихъ приводитъ въ уныніе, и въ народѣ начинаютъ ходить самыя печальныя слухи. Многимъ доставляетъ какое-то горькое удовольствіе собирать и распространять самыя тревожныя предсказанія. Они ходятъ, повторяя наблюденіе звѣздочета Набомусесси, по которому, „когда облако застилаетъ сердце созвѣздія Большого Льва, сердце страны въ печали, и звѣзда царя тускнѣетъ“. И вотъ въ послѣднюю ночь передъ Большимъ

Львомъ прошло облако и частью покрыло его, значитъ свѣтила обрекають страну на печаль, а какая же могла бы быть причина для печали, если бы исходъ войны съ Эламомъ долженъ былъ быть удачнымъ? Другіе рассказываютъ, что въ предпоследнюю ночь луна при восходѣ была заслонена облаками, и только нижній край диска былъ видимъ. Всѣмъ извѣстно, что означаетъ это явленіе—вторженіе непріятеля въ землю Ассирійскую и великую скорбь для царя. Многіе подтверждаютъ свидѣтельства луны и Льва свидѣтельствомъ Венеры. Венера вошла третьяго дня, 5-го Таммуза, въ тотъ самый мигъ, когда сѣло солнце, что означаетъ въ одно и то же время и обильную жатву и присутствіе въ странѣ непріятельскихъ войскъ: первое предзнаменованіе желанно, но на какого же непріятеля можетъ указывать свѣтило, какъ не на эламитовъ?

Такъ съ грустью толкуютъ люди, которыхъ война тревожить и чьи дѣла разстраиваетъ. Другіе питають менѣе мрачныя чувства и запасаются хорошими предзнаменованіями, противопоставляя ихъ зловѣщимъ предсказаніямъ первыхъ. Вотъ ужъ три раза подъ рядъ, съ начала мѣсяца, какъ Синъ, богъ луны, затмевается рано поутру, незадолго до восхода солнца, и вотъ ужъ три раза по вечерамъ,

при закатѣ солнца, онъ окутывается облаками и отказывается освѣщать землю. Это рѣдкое знаменіе, но весьма могущественное, и передъ нимъ теряютъ свою силу обычныя знаменія. Оно возвѣщаетъ паденіе царства Тіумана и гибель его государства. Такъ именно толкуютъ его царскіе звѣздочеты Ниневіи и Дуръ-Шарукина, и самъ Ассурбанипаль всецѣло принимаетъ ихъ толкованіе. Къ тому же ихъ предсказаніе слишкомъ льститъ народной гордости, чтобы въ скоромъ времени не восторжествовать въ умахъ толпы надъ остальными. Въ странѣ идетъ слухъ, что Синъ высказался въ пользу Ассиріи, и отнынѣ всѣ доклады царю о теченіи свѣтилъ сходятся на предсказаніи полной побѣды. 11-ое Таммуза, зеленоватое свѣченіе: страна Элама будетъ опустошена. 14-го луна и солнце къ вечеру были видимы одновременно и, такъ сказать, уравнивали другъ друга на противоположныхъ концахъ горизонта: это доказательство, что боги питаютъ самую благоприятную намѣренія по отношенію къ процвѣтанію Ассура. 16-го Юпитеръ ярко горитъ въ самую полночь: это указаніе на битву, гдѣ погибнетъ множество враговъ, чьи трупы останутся безъ погребенія. Такъ каждый день и каждая ночь приносятъ новыя предзнаменованія, подтверждающая предыдущія и усиливая ихъ.

Глубокія познанія этихъ вещей, распространеныя въ Ассиріи даже среди народа, удивляютъ чужеземцевъ и заставляютъ ихъ думать, что на берегахъ Евфрата столько же звѣздочетовъ или колдуновъ, сколько жителей. Однако же вовсе не нужно особенной учености, чтобы разумѣть языкъ звѣздъ, ибо нѣтъ недостатка въ книгахъ, дающихъ легкое его познаніе. Въ книгохранилищѣ Ассурбанипала ихъ по меньшей мѣрѣ сорокъ, и это лишь важнѣйшія сочиненія, классическія произведенія въ этой области знанія; но ихъ гораздо больше, и если не всѣ заслуживаютъ полного довѣрія, ихъ все же внимательно читаютъ и толкуютъ среди простонародья. Одни судятъ о лунныхъ затменіяхъ и знаменуемыхъ ими событіяхъ въ зависимости отъ мѣсяца и дня мѣсяца ихъ наступленія. Другіе изучаютъ движеніе каждой отдѣльной планеты и ея вліяніе на землю порознь или въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, по двѣ, по три. Потомъ есть еще списокъ предсказаній по молніи. Если гремитъ громъ 27-го Таммуза, урожай будетъ хорошій и доходы превосходные; если гремитъ черезъ шесть дней, 2-го Абу, будутъ наводненія или дожди, царь умретъ, и страна его распадется; если гремитъ 3-го, предстоитъ опустошительная эпидемія, а если 4-го—землетрясеніе разрушитъ города. Календарь, весьма полезный

для народа и воиновъ, даетъ указанія на благопріятныя и неблагопріятныя свойства каждаго мѣсяца по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ. Таммузь, напримѣръ, мѣсяць благопріятный, если дѣло идетъ о выступленіи въ походъ или объ укрѣпленіи города, и зловѣщій для сраженія въ открытомъ полѣ и приступа на укрѣпленіе. Ійяръ представляетъ обратныя свойства: это счастливый мѣсяць для битвъ и приступа, но слѣдуетъ избѣгать въ этомъ мѣсяцѣ начинать войну или приступать къ постройкѣ крѣпости.

Все это волшебныя книги, общераспространенныя, въ которыхъ всякій можетъ легко разобратся черезъ нѣсколько минутъ внимательнаго чтенія. Другія требуютъ долгихъ лѣтъ усидчиваго изученія и доступны однимъ ученымъ этой отрасли знанія. Успѣшное пользованіе ими достигается лишь при условіи самому наблюдать свѣтила и умѣть слѣдить за ихъ теченіемъ по небеснымъ путямъ. Посвященіе медленно и трудно, зато тѣ, кто добились его, становятся какъ бы глашатаями боговъ на землѣ. Судьба обращается къ людямъ ихъ устами и каждую ночь открываетъ имъ долю грядущаго. Иногда это опасная для нихъ честь. Цари ничего не предпринимаютъ, не посовѣтовавшись съ ними, и возлагаютъ на нихъ заботу указать самое благопріятное время для

приведенія ихъ замысла въ исполненіе. Секунда усталости во время наблюденій неба, неточная цифра въ ихъ вычисленіяхъ, ошибка въ чтеніи свѣтилъ или въ истолкованіи знаменія,—и вотъ гибель, быть можетъ, для государя, ввѣрившаго имъ себя. Такой-то объявилъ войну и былъ побѣжденъ или убитъ, тогда какъ могъ бы спокойно оставаться у себя, если бы его звѣздочетъ былъ внимательнѣе или искуснѣе. Свѣтила не одобряли предпріятіе и предсказывали роковой исходъ, но звѣздочетъ не понялъ ихъ языка и уловилъ поощреніе тамъ, гдѣ надлежало услышать угрозу: невѣжество или глупость слуги стала гибелью владыки.

Въ Египтѣ большая часть научныхъ книгъ—священныя книги, составленныя и открытыя самими богами ¹. Ассирійцы не приписываютъ столь высокаго происхожденія трудамъ, которые учатъ ихъ теченію и объясняютъ вліяніе свѣтилъ: они относятъ ихъ составленіе къ людямъ, жившимъ въ разныя времена и пріобрѣтшимъ свои познанія непосредственнымъ наблюденіемъ неба. Древнѣйшіе ихъ звѣздочеты изъ своихъ еженощныхъ наблюденій надъ сонмомъ звѣздъ пришли къ выводу, что

¹ См. вып. I, стр. 182 и сл., сказанное о божественномъ происхожденіи врачебныхъ книгъ въ Египтѣ.

каждому ихъ обороту и каждому сочетанію соотвѣтствуетъ на землѣ определенное стеченіе явленій и событій, всегда однихъ и тѣхъ же. Если, на примѣръ, Юпитеръ при своемъ восходѣ горѣлъ блескомъ, похожимъ на дневной свѣтъ, а дискъ его, благодаря расположенію темныхъ полосъ, бороздящихъ его, являлъ видъ лезвья обоюдоостраго меча, по всей странѣ царило богатство и изобиліе, распри стихали, и справедливость торжествовала надъ насиліемъ. Первый, замѣтившій это совпаденіе и пораженный имъ, внесъ его въ записи; его преемники замѣтили, что наблюденіе его правильно и, въ концѣ-концовъ, вывели общій законъ изъ событій, сосредоточивавшихся у этой точки на протяженіи годовъ. Блескъ и особое расположеніе Юпитера, описанное ими, стали отнынѣ „добрымъ предзнаменованіемъ, благодѣтельнымъ для всѣхъ землевладѣльцевъ и всѣхъ принадлежащихъ имъ земель. Во все время, пока длится такое положеніе, въ Халдеѣ не можетъ настать чужеземное владычество, справедливость торжествуетъ, сильный государь стоитъ во главѣ управленія. Землевладѣльцы и царь твердо стоятъ на своемъ правѣ, и послушаніе и спокойствіе царятъ по всей странѣ“.

Количество этихъ наблюденій умножилось настолько, что пришлось распредѣлить ихъ

по отдѣламъ, чтобы не затеряться въ этомъ множествѣ. Изъ нихъ вскорѣ составили таблицы, куда заносили, на ряду съ указаніями на положеніе небесныхъ свѣтилъ въ такую-то ночь и въ такомъ-то часу, перечень событій, происшедшихъ въ то же время или нѣсколь-ко позднѣе въ Халдеѣ, въ Ассиріи и въ чужеземныхъ странахъ. Такимъ путемъ пришли къ убѣжденію, что „если луна, напримѣръ, одинакова съ виду 1 и 28 дня мѣсяца, это дурное предзнаменованіе для Сиріи, и что если она видима 20-го, это предвѣщаетъ благополучіе для Халдеи, несчастіе для Ассиріи“. Если у нея одинаковый видъ 1-го и 27-го, Эламу слѣдуетъ опасаться всего; но „если солнце на закатѣ кажется вдвое больше своего обычнаго размѣра, съ тремя пучками голубоватыхъ лучей, царь погибъ“. Мало-помалу собрали всѣ эти наблюденія, провѣрили недостоверныя, исключили ложныя, и изъ оставшагося составили какъ бы сводъ знаменій, возвѣщающихъ и управляющихъ человѣческими судьбами. Старый Саргонъ Аганейскій, царствовавшій болѣе двадцати вѣковъ тому назадъ¹, собралъ въ порядкѣ всѣ выводы, сдѣланные до него, въ одно большое сочи-

¹ Не слѣдуетъ забывать, что событія, изложенныя въ этой книгѣ, происходятъ приблизительно въ 650 году до Р.¹Х.

неніе, которое Ассурбанипаль велѣлъ списать для своего книгохранилища; въ немъ не менѣе семидесяти глиняныхъ плитокъ. Эта книга была исправлена при сынѣ его Нарамсинѣ, потому еще нѣсколько разъ передѣлана и пополнена послѣдними данными науки. Въ настоящее время она является классическимъ трудомъ по этимъ вопросамъ, ея положенія непреложны для всѣхъ и ею разрѣшаются всѣ несогласія. Каждый разъ, когда у царскаго звѣздочета требуютъ объясненія одного изъ обычныхъ явленій или небснаго чуда, онъ прежде всего справляется, что гласятъ объ этомъ таблицы Саргона; если это находится въ нихъ, хотя бы какъ девяносто девять изъ ста случаевъ, онъ довольствуется выпиской соотвѣтствующаго запросу мѣста, прибавляетъ къ нему свое имя и передаетъ, не осмѣливаясь большею частью пополнить его, ни единымъ словомъ. Съ трудомъ представляешь себѣ, какія сокровища терпѣнія, стойкости и гибкости ума должны были вложить древніе ученые въ свою великую работу, чтобы собрать данныя и прочно установить ея основы. Нынѣшніе ученые достигаютъ своей учености съ меньшимъ трудомъ. Достаточно имъ обладать хорошимъ зрѣніемъ, навыкомъ находить на небѣ сочетанія звѣздъ, описанныя въ книгѣ Саргона, и хорошую память, чтобы немедлен-

но примѣнить къ своимъ наблюденіямъ тѣ мѣста, гдѣ пространно перечисляются соотвѣтствующія имъ предсказанія.

Весь Таммузъ мѣсяцъ истекъ въ вещественныхъ и мистическихъ приготовленіяхъ къ войнѣ; созвано было много людей, испрошены совѣты у многихъ боговъ. Войско готово къ походу, но еще не выступаетъ, ибо только что начавшійся мѣсяцъ Абу одинъ изъ самыхъ неблагоприятныхъ для передвиженій войскъ. Военныя дѣйствія откроются только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, Улулѣ, который календари отмѣчаютъ, какъ одинъ изъ самыхъ благоприятныхъ въ этомъ отношеніи. Абу, впрочемъ, посвященъ большимъ ежегоднымъ празднествамъ въ честь Истаръ, въ святилищѣ Арбель. Ассурбанипаль торжественно отправляется туда со всѣмъ своимъ дворомъ. Каждый день онъ собственноручно совершаетъ жертвоприношеніе богинѣ; каждую ночь съ высоты башни уступами звѣздочеты устремляютъ испытующіе взоры въ небесныя глубины и открываютъ въ нихъ все новыя знаменія побѣды. Первыя извѣстія, полученныя изъ Элама, подтверждаютъ ихъ предсказанія. Тіумманъ внезапно заболѣлъ: глаза его помрачились, губы посинѣли, въ сердцѣ начались сильнѣйшія судороги. Это послѣднее предостереженіе, которое посылаютъ ему Ас-

суръ и Истаръ, прежде чѣмъ сразить его на смерть, и всѣ въ Ассиріи это понимаютъ, только онъ съ этимъ не считается. Едва оправившись, онъ уѣхалъ изъ Сузы и присоединился къ войску. Черезъ тайныя сношенія, завязанныя съ близкими къ нему лицами его изгнанными племянниками, стали извѣстны богохульныя слова, которыя онъ не побоялся высказать противъ Истаръ, узнавъ о заточеніи посланниковъ, и объ его рѣшеніи не успокоиться до тѣхъ поръ, пока не разобьетъ ассирійцевъ наголову. „Этого жалкаго царя, — сказалъ онъ, — котораго свела съ ума Истаръ, я до тѣхъ поръ не оставлю въ покоѣ, пока не пойду на него и не помѣряюсь съ нимъ!“

Всѣ знаютъ, какую любовь питаетъ Ассурбанипаль къ своей богинѣ: дерзость Тіуммана преисполнила его ужасомъ. Вѣсть о кощунственныхъ рѣчахъ противника и о вступленіи передовыхъ отрядовъ эламитовъ въ предѣлы Ассиріи пришла вечеромъ, когда солнце давно уже сѣло. Онъ не хочетъ ждать утра, чтобы просить прощенія у богини за оскорбленіе, нанесенное ей изъ-за его къ ней любви. Позднею ночью бѣжитъ онъ въ храмъ, проникаетъ въ святилище и направляется прямо къ прорицающей статуѣ. Передъ ней горитъ одинъ только свѣтильникъ, и его тусклый

свѣтъ смутно обрисовываетъ неподвижныя очертанія, оставляя все остальное въ глубокомъ мракѣ. Онъ съ плачемъ падаетъ ницъ, простираетъ къ ней руки: „О, госпожа Арбель, я, Ассурбанипаль, созданіе обѣихъ рукъ твоихъ и созданіе Ассура, отца, что породилъ тебя, и вы создали меня, чтобы я обновилъ святилища въ Ассиріи и завершилъ въ совершенствѣ большіе города страны Аккадъ. Я явился сюда, въ твою обитель, посѣтить тебя и поклониться твоему божеству, когда этотъ Тіумманъ, царь Элама, не имѣющій никакого богопочитанія, пошелъ на меня войной. Ты, госпожа надъ госпожами, царица битвъ, повелительница войнъ, владычица боговъ, та, что всегда предстательствовала за меня передъ Ассуромъ, дабы склонить въ мою пользу сердце Ассура и Меродаха, спутника твоего. Но Тіумманъ, царь Элама, совершилъ тяжкій грѣхъ противъ Ассура, царя боговъ, отца, породившаго тебя, и противъ Меродаха, твоего брата и спутника твоего, и даже противъ меня, Ассурбанипала, который всегда старался радовать сердце Ассура и Меродаха; онъ собралъ своихъ воиновъ, онъ двинулъ свое войско и оказался готовымъ къ войнѣ, онъ поднялъ свое оружіе на Ассирію. Ты, стрѣлокъ боговъ, что даешь перевѣсъ въ битвѣ, срази его и устремись на него, подобно

вихрю губительной грозы!“ Какъ и въ Египтѣ¹, божественныя изваянія въ Ассиріи оживлены духомъ тѣхъ существъ, которыхъ они изображаютъ: они слышатъ, говорятъ, дѣлаютъ движенія. Истаръ была тронута молитвой своего любимца и его рыданіями. „Ничего не бойся“, сказала она, и преисполнила радостью сердце его. „Такъ какъ ты воздѣль ко мнѣ умоляющія руки, такъ какъ глаза твои въ слезахъ, я изолю на тебя милость свою!“ Голосъ смолкъ, нарушенное имъ безмолвіе стало еще торжественнѣе, царь, одинъ, въ тускломъ свѣтѣ лампы, вмѣстѣ съ радостью ощутилъ внезапный священный ужасъ: морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ и волосы встали дыбомъ.

И вотъ въ эту же ночь, въ то время, какъ онъ жаловался передъ лицомъ богини, одному изъ ясновидцевъ въ храмѣ привидѣлся сонъ. Небо—открытая книга, и кто хочетъ, читаетъ въ ней; заглядывать въ нее не есть преимущество немногихъ, это право всякаго. Но у боговъ есть тысячи способовъ открывать грядущее людямъ, которыхъ они удоставаютъ своей любви или ненависти, и чаще всего это бываетъ сонъ. Видѣнія, посѣщающія обыкновенно человѣка во снѣ, подобны толпѣ воздушныхъ существъ, свободно принимающихъ,

¹ См. вып. I, стр. 84 и 100 этой книги сказанное о прорицающихъ статуяхъ въ Египтѣ.

какъ жидкость, всевозможные образы и такъ же быстро измѣняющихся; они движутся, дѣйствуютъ, говорятъ, и малѣйшее ихъ движеніе, дѣйствиѣ, слово находится въ тайномъ соотношеніи съ событіями, готовящимися въ жизни человѣка или народа. Иногда эти вѣсти свѣше выражаются непосредственно и не нуждаются въ истолкованіи: грядущая дѣйствительность выявляется нашимъ взорамъ безъ покрововъ. Чаще всего они облакаются въ символы или аллегоріи, и тогда, чтобы уразумѣть странное и безсвязное ихъ предсказаніе, нуженъ человѣкъ, искусный въ ихъ истолкованіи.

Такъ же, какъ и у звѣздочетовъ, у этихъ угадывателей есть свои официальные руководства, гдѣ ученіе основано на наблюденіяхъ, собранныхъ ихъ предшественниками на протяженіи столѣтій. Одно изъ нихъ, находящееся въ книгохранилищѣ Ассурбанипала, объясняетъ, чего слѣдуетъ ждать, если снятыя чудовищныя животныя, соединяющія тѣло медвѣдя, или собаки, или льва, съ лапами какого-нибудь другого животнога, съ мертвыми рыбами, рыбы съ птицами; все это зловѣщія предзнаменованія, и, проснувшись, слѣдуетъ тотчасъ же прочитатъ молитву къ Солнцу, которая ослабляетъ, а то и совсѣмъ разсѣиваетъ зловредныя вліянія. Какъ ни внезапны сновидѣнія и какъ ни кажутся они независящими отъ всякой

человѣческой воли, увѣряють, что удавалось вызывать ихъ, читая извѣстныя молитвы и производя извѣстныя дѣйствія. Есть амулеты, доставляющіе тому, кто ихъ носитъ, пророческіе сны и способность помнить ихъ послѣ пробужденія. Въ торжественныхъ обстоятельствахъ къ этому готовятся за нѣсколько дней воздержаніемъ, постомъ и молитвой и уединяются на ночь въ отдѣльную комнату или въ храмъ. Засыпая, тогда мысленно говорятъ вопросъ, который желаютъ задать судьбѣ, и если сонъ не является естественнымъ путемъ, его вызываютъ снотворными напитками, составъ которыхъ есть тайна кудесниковъ. Тогда это религіозный ритуаль, инкубація, гдѣ каждый отдѣльный моментъ опредѣленъ строгими правилами, смотря по тому, обращаются ли къ богамъ вообще, или къ одному изъ боговъ въ частности, или же къ душамъ умершихъ. Получаемые отвѣты были бы вполне достовѣрны, если бы толкователи часто не ошибались въ значеніи подробностей, которыми всегда сопровождаются главныя событія. Отсюда цѣлый рядъ разочарованій, на что горько жалуются вѣрующіе, обвиняя злостность боговъ, однакоже всегда несправедливо. Боги никогда не отказываются посылать правдивые сны, если ихъ просятъ объ этомъ искренно и по установленнымъ

правиламъ: виноваты ли они, если у людей слишкомъ грубыя чувства, и они не умѣютъ уразумѣть истиннаго ихъ значенія?

При большинствѣ храмовъ есть свои ясно-видцы и ясновидящія, состоящіе при нихъ постоянно; имъ передается воля боговъ или путемъ прямого откровенія наяву или косвенно во снѣ. Въ Вавилонѣ есть одна женщина, которая живетъ на верху башни уступами и каждую ночь ждетъ посѣщенія бога; въ храмахъ Истаръ какъ въ Арбелахъ, такъ и въ Ниневіи, сновидѣній отъ богини ждутъ мужчины. Она явилась одному изъ нихъ въ ту самую ночь, когда царь такъ горячо зывалъ къ ней, и онъ сообщилъ о своемъ видѣніи слѣдующими словами: „Истаръ, обитающая въ Арбелахъ, явилась передо мной. Справа и слѣва у нея висѣло два колчана; въ одной рукѣ она держала лукъ, въ другой тяжелый боевой мечъ. Она подошла къ тебѣ и, какъ мать, родившая тебя, заговорила съ тобой. Итакъ, Истаръ, верховная изъ боговъ, сказала тебѣ повелительнымъ голосомъ: „Ты спрашиваешь побѣду, туда, гдѣ будешь ты, приду и я!“ Ты сказалъ ей: „Если бъ могъ и я пойти туда, куда ты идешь, владычица владычицы!“ Тогда она отвѣтила тебѣ: „Ты останься въ мѣстѣ, посвященномъ Нэбо, вкушай твои яства, пей вино, повели играть

твоимъ музыкантамъ и славу мое божество. Я же отправлюсь на битву, я сдѣлаю свое дѣло, и не поблѣднѣетъ лицо твое, не будутъ спотыкаться ноги твои, твоя красота не утратится въ пылу битвы!“ Она укрываетъ тебя у себя на груди, какъ добрая мать, и обнимаетъ тебя. Огонь брызнетъ изъ нея, и она исторгнетъ его на погибель враговъ, ибо она обратила ликъ свой противъ Тіуммана, царя Элама, который ненавистенъ передъ лицомъ ея“.

Если бы пророчество свѣтилъ оставило какія нибудь сомнѣнія, пророчество, которое Истаръ удостоила даровать черезъ посредство своего ясновидца, разсѣяло бы ихъ до послѣдняго. Богохульство Тіуммана окончательно разгнѣвало богиню; отнынѣ война съ Эламомъ ея собственная война, и она хочетъ вести ее одна. Ассурбанипалу незачѣмъ отправляться съ войсками; Истаръ повелѣваетъ ему замкнуться въ своемъ дворцѣ и вести тамъ мирную жизнь, она же между тѣмъ займетъ его мѣсто во главѣ воиновъ и поведетъ ихъ къ побѣдѣ. Слова ясновидца, распространившись по городамъ, исполняютъ восторженностью всю Ассирію. Недовольные и робкіе, увлеченные общей вѣрой, забываютъ дурныя предзнаменованія, которымъ они сперва придавали такое значеніе; если они и вспоминаютъ о нихъ, то только съ

тѣмъ, чтобы говорить, что они ихъ не поняли, и при ближайшемъ изслѣдованіи ничего не можетъ быть легче, какъ увидать въ нихъ смыслъ, благопріятный для Ассиріи. Воины не меньше ихъ радуются разсказу о видѣніи. На нихъ дѣйствіе предсказаній отражается особенно сильно. Сомнительное знаменіе заставляетъ ихъ падать духомъ, лишаетъ ихъ смѣлости, отдааетъ ихъ живыми въ руки непріятели: отряды, которые безъ малѣйшаго колебанія боролись бы на-смерть до единого въ обычное время, часто обращались въ бѣгство при первомъ натискѣ, если предзнаменованія были неблагопріятны. У нихъ не хватало духу при мысли, что высшія силы не на ихъ сторонѣ, и увѣренность, что они жертвуютъ свой жизнью ради дѣла, завѣдомо проиграннаго, связывала имъ руки. Но если свѣтила благопріятны, а ясновидцы обѣщаютъ имъ поддержку неба, отъ нихъ можно смѣло требовать всего; успѣхъ зависитъ отъ вѣры ихъ въ пророчества, и то войско, которое знаетъ, что боги сражаются заодно съ нимъ, уже больше чѣмъ на половину одержало верхъ.

Въ то время, какъ ассирійскія божества вооружаются для битвы, эламитскія не менѣе дѣятельно готовятся къ ней. Если бы ихъ не побуждала къ этому народная гордость, ихъ заставила бы простая необходимость: побѣда

ниневійскихъ полководцевъ надъ ихъ собственными установила бы не только главенство Ниневіи и Ассурбанипала надъ Тіумманомъ и Сузами, но и Бэла, Ассура и Истаръ надъ Шушинакомъ, обитающимъ въ чашѣ таинственныхъ лѣсовъ и незамѣтно присутствующимъ повсюду, надъ Шумуду, надъ Лагамаромъ, надъ Партикирой, надъ Амманказибаромъ, надъ Удураномъ, надъ Сапакомъ, надо всѣми божествами, которыхъ чтили ихъ древніе цари. Они повели нѣкогда своихъ вѣрныхъ на завоеваніе Халдеи и возвели династію эламитовъ на вавилонскій престоль; съ тѣхъ поръ они могли терпѣть пораженія и терять завоеванныя области, но они всегда оберегали независимость Элама и сохранили неприкосновенной добычу, захваченную въ чужеземныхъ краяхъ. Статуя богини Нанаи, вывезенная изъ Урука, до сихъ поръ находится въ большомъ храмѣ Сузы, куда водворилъ ее царь Кудурнанхунди, болѣе шестнадцати вѣковъ тому назадъ, по возвращеніи изъ походовъ. Не мало есть, даже среди приближенныхъ царя, людей нерѣшительныхъ или робкихъ, которые боятся войны и не совѣтуютъ ея; одинъ изъ сыновей Тіуммана не перестаетъ твердить своему отцу, какъ велико могущество Ассиріи, и повторяетъ ему при каждомъ удобномъ случаѣ: „Не надѣйся на побѣду!“. Большинство же полководцевъ

и придворныхъ не раздѣляетъ его опасеній, и боги ничѣмъ не пренебрегаютъ, чтобы поднять духъ своихъ защитниковъ. Ихъ звѣздочеты, сочетаніямъ звѣздъ, благопріятнымъ для Ассиріи, противопоставляютъ другія, предвѣщающія наступающую побѣду Элама. Ихъ ясновидцы отвѣчаютъ своими видѣніями на видѣнія ясновидцевъ Истаръ, которыхъ обвиняютъ во лжи, и презрительныя слова, которыя Тіумманъ повторяетъ о богинѣ Арбель, внушены ему довѣріемъ къ пророчествамъ собственныхъ боговъ. Они предвѣщаютъ близкое паденіе Ассиріи, разграбленіе Ниневіи, плѣнъ и казнь Ассурбанипала.

Такъ бываетъ каждый разъ, когда возникаетъ война между двумя народами: борьба людей осложняется борьбой боговъ. Боги незримо присутствуютъ въ станахъ, вступаютъ въ разгарѣ схватки, покрываютъ начальниковъ собственнымъ тѣломъ и, если могутъ, убиваютъ непріятельскихъ предводителей. Побѣдители, они берутъ въ плѣнъ иноземныхъ боговъ, требуютъ съ нихъ дани; побѣжденные, они, въ свою очередь, претерпѣваютъ право сильнѣйшаго. У нихъ отнимаютъ ихъ статуи, ихъ сокровища, ихъ служителей, разрушаютъ ихъ храмы, вырубаютъ священные лѣса: это рабство, быть можетъ, смерть для нихъ, какъ и для ихъ поклонниковъ.

ГЛАВА VIII.

Война.

Быстрый переходъ ассирійскаго войска.—Его прибытіе въ Дурилу отрѣзываетъ Эламъ отъ Халдеи.—Тіумманъ сосредоточиваетъ свои войска около Сузь.—Организація ассирійскаго войска.—Пѣхота.—Боевыя колесницы.—Конница.—Войско Эламитовъ: его положеніе при Туллизѣ.—Битва при Туллизѣ.—Смерть Тіуммана.—Запись добычи.—Сдача Сузь.—Провозглашеніе Умманигаша царемъ Сузь и Таммариту царемъ Хидалу.

Насколько гибеленъ мѣсяцъ Абу, настолько же слѣдующій за нимъ благопріятенъ для походовъ: съ первыхъ же дней Улула, войско снимается съ мѣста. Эламъ, со стороны Ниневіи защищенъ высокими горами, покрытыми почти непроходимыми лѣсами, гдѣ живутъ полудикія племена Кашши; проложить себѣ путь черезъ нихъ можно лишь цѣной величайшихъ жертвъ, и легко потерять половину наличнаго состава войска, не достигнувъ еще поля военныхъ дѣйствій. Вотъ почему ассирійцы нападаютъ обыкновенно на Сузы со стороны

юго-западной границы, тамъ, гдѣ воды Укнѹ и Улая сливаются съ Тигромъ и Евфратомъ. Но и тамъ мѣстность представляетъ значительныя затрудненія для нападающихъ. Она болотистая, вредная для здоровья, перерѣзана озерами, рѣками и каналами, стѣсняющими на каждомъ шагу свободу дѣйствій; но зато, лишь только удастся осилить эти водныя преграды, вы попадаете въ самое средоточіе страны. Войска быстро подвигаются по берегу Тигра; черезъ десять дней послѣ выступленія они уже у стѣнъ Дурилу. За послѣдніе лѣтъ сто, когда начались крупныя войны между Эламомъ и Ассиріей, Дурилу получилъ значеніе, какого нельзя было предполагать за нимъ до того. Саргонъ далъ здѣсь первое сраженіе Умманигашу, то спорное сраженіе, успѣхъ котораго оспаривали другъ у друга обѣ стороны; онъ укрѣпился здѣсь, водворилъ гарнизонъ и поставилъ начальника, которому Сеннахерибъ, а потомъ Ассурбанипаль, ввѣрили управленіе довольно обширною областью. Въ настоящее время это столица довольно значительнаго округа, господствующая надъ нижнимъ теченіемъ Тигра, и если не совсѣмъ отрѣзывающая, то сильно затрудняющая сношенія между Сузами и Вавилономъ.

Быстрота, съ какой совершились подготовительныя дѣйствія, удручаетъ Тиуммана и

разстраиваетъ всѣ его предначертанія. Онъ рассчитывалъ на долгіе промежутки времени, которые позволили бы ему завязать переговоры съ племенами Арамеи и мелкими халдейскими государствами, и поднять ихъ на Ассирію. Его старанія удались въ одномъ, жители Гамбула открыто стали на его сторону; но внезапное появленіе ассирійскихъ передовыхъ отрядовъ сразу пресѣкло всѣ его проiski, и подавило зарождавшіяся попытки къ возстанію. Войско не находится подъ личнымъ предводительствомъ царя. Ассурбанипаль въ точности исполнилъ велѣнія Истаръ: онъ остался въ своемъ дворцѣ въ Арбелахъ и предается праздникамъ и пирушкамъ. Туртану Правый, Бэльнагидъ ¹, ведетъ войска, по вдохновенію богини, а на ряду съ нимъ, эламитскіе царевици предводительствуютъ многочисленными отрядами бѣглецовъ. Повсюду на своемъ пути они заявляютъ, что приходятъ не въ качествѣ враговъ, не для покоренія края иноземному владычеству, а какъ союзники, желающіе возстановить на престолѣ законныхъ наслѣдниковъ, и ихъ заявленіе привлекаетъ

¹ Тексты не даютъ намъ имени лица, стоявшаго во главѣ похода на Эламъ. Такъ какъ Бэльнагидъ состоялъ приблизительно въ то время на службѣ, я выбралъ его имя, чтобы избѣгнуть постоянного повторенія титула Туртану.

къ нимъ тысячи приверженцевъ. Тіумманъ, съ первыхъ шаговъ покинутый союзниками, которыхъ надѣялся увлечь за собой, не можетъ рассчитывать даже на вѣрность собственныхъ подданныхъ: малѣйшая неудача грозитъ возстаніемъ, и тогда онъ пропалъ. Такъ какъ ему предстоитъ дать только одно сраженіе, онъ хочетъ дать его, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ благопріятныхъ для себя условіяхъ. Онъ сзываетъ войска, разсѣянные по границѣ, присоединяетъ къ нимъ свѣжія, и все вмѣстѣ образуетъ весьма значительную армію, которую онъ сосредоточиваетъ у деревни Туллизъ, передъ Сузами. Лучшаго положенія выбрать было нельзя: оно цѣликомъ преграждаетъ доступъ къ столицѣ, господствуетъ надъ самимъ городомъ, гдѣ происходитъ броженіе среди приверженцевъ прежнихъ царей, и прикрываетъ пути, ведущіе въ Мадакту, лежащую въ гористой части страны. Побѣдитель, Тіумманъ сразу вернетъ себѣ все, что принужденъ былъ сдать; побѣжденный, онъ оставляетъ за собой возможность укрыться въ горахъ и продлить сопротивленіе.

Ассирійское войско это самая совершенная боевая машина, какую видѣлъ свѣтъ до сихъ поръ. Сами египтяне, во времена ихъ величайшаго могущества, при Тутмосѣ III и Рамзесѣ II, не располагали силами, такъ прекрасно

обученными и въ особенности прекрасно вооруженными ¹. Кузнечное и оружейное искусство сдѣлали съ тѣхъ поръ такіе успѣхи, что лучшія ихъ войска не устояли бы передъ ассирійскими отрядами. Не превосходство мужества и дисциплины, а превосходство вооруженія доставило всѣмъ ниневійскимъ царямъ, начиная съ Саргона, перевѣсъ надъ фараонами Дэльты, Фивъ и Мероз. Въ то время, какъ египтяне большею частью сражаются единственно со щитомъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, ассирійцы закованы въ желѣзо, такъ сказать, съ головы до ногъ. Ихъ тяжелая пѣхота состоитъ изъ метальщиковъ копій и стрѣлковъ, одѣтыхъ въ коническіе шлемы, съ двумя боковыми частями для защиты ушей, кожаную кольчугу, усьянную металлической чешуей въ видѣ черепицы, покрывающую грудь и плечи, набедренникъ, спускающійся до икръ, обтянутые панталоны и сапоги, зашнурованные спереди. У копыеносцевъ копья въ шесть футовъ длины, съ желѣзнымъ или бронзовымъ наконечникомъ, короткій мечъ за поясомъ, огромный металлическій щитъ, иногда круглый и выпуклый, иногда закругленный сверху и срѣзанный квадратомъ внизу.

¹ О вооруженіи египетскихъ воиновъ см. вып. I, стр. 132 и слѣдующія этой книги.

У стрѣлковъ щита нѣтъ вовсе; копье у нихъ замѣняется лукомъ и колчаномъ, висящимъ по діагонали у нихъ на спинѣ. Въ легкую пѣхоту тоже включены копьеносцы, но шлемъ у нихъ съ выгнутымъ нашлемникомъ, а щиты тростниковые, небольшіе и круглые; стрѣлки не носятъ брони совсѣмъ и присоединены къ прашникамъ или къ воинамъ, вооруженнымъ палицами и обоюдоострыми топорами.

Линейные копьеносцы и стрѣлки чаще всего ассирійскаго происхожденія или же взяты въ областяхъ, подвластныхъ Ассиріи уже давно; остальные набираются среди подчиненныхъ народовъ и сохраняютъ на службѣ свою національную одежду. Они подѣлены на отряды и дѣйствуютъ съ такой правильностью, что сами иноземцы признаютъ ее безукоризненной. Уже со временъ Саргона и Сеннахериба одинъ изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ пророковъ, тотъ Исайя, что былъ совѣтчикомъ царя Іезекии въ его войнахъ съ Ассиріей, изумлялся ихъ выправкѣ. „Изъ нихъ, говоритъ онъ, никто не спотыкается, никто не зѣваетъ, никто не засыпаетъ, ни у кого не развяжется поясъ или не распухнетъ ремень обуви“. Они идутъ впередъ съ быстротой необычайной, не оставляя за собой ни отставшихъ, ни захромавшихъ, и предводители ихъ не задумываются подвергать ихъ утомительнымъ переходамъ, какихъ

бы не выдержали воины другихъ народовъ. Они переправляются черезъ рѣки въ бродъ или на мѣхахъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ каждый отрядъ высылаетъ впередъ извѣстное число землекоповъ, которые срубаютъ деревья и расчищаютъ путь.

Конница дѣлится на два отряда: наѣзниковъ колесницъ и всадниковъ. Ассирійская боевая колесница гораздо тяжелѣе и шире египетской ¹. Колеса высокія, тяжелыя, съ восемью спицами. Кузовъ, лежащій прямо на дышлѣ, спереди квадратный; стѣнки сплошныя, иногда покрыты металлической обшивкой, чаще всего окрашены или покрыты рѣзбой. Ярмо длинное, тяжелое, съ деревяннымъ или металлическимъ украшеніемъ на концѣ, въ видѣ цвѣтка, розетки, львиной морды, конской головы. Въ каждую колесницу впрягаются двѣ лошади, къ которымъ сбоку припрягаютъ третью: въ обычное время она не везетъ, а предназначается для замѣны одной изъ двухъ въ случаѣ несчастія или раны. У нихъ легкая сбруя, иногда ихъ покрываютъ попоной изъ толстой ткани, защищающей имъ спину, грудь, шею и голову: ея отдѣльныя части скрѣпляются шну-

¹ О боевой колесницѣ египтянъ см. вып. I, стр. 129 и слѣд. этой книги.

рами съ металлическими наконечниками. На каждую колесницу полагается по три человека: возница, который правитъ и занимаетъ мѣсто слѣва, воинъ съ лукомъ или копьемъ и оруженосецъ, прикрывающій круглымъ щитомъ своихъ двухъ товарищей, но, главнымъ образомъ, воина; иногда прибавляютъ второго оруженосца. Ихъ вооруженіе то же, что и у пѣхоты: кольчуга изъ чешуи, шлемъ, лукъ, копье. У этого маленькаго отряда есть иногда свое знамя, у котораго онъ собирается во время битвы, съ древкомъ среднихъ размѣровъ прикрѣпленнымъ къ передней части кузова, между воиномъ и возницей; на верхнемъ его концѣ опрокинуты серпъ или кругъ на двухъ бычачьихъ головахъ, съ рисунками двухъ быковъ и стоящаго Ассура, пускающаго стрѣлу (рис. 44).

Какъ и египтяне, ассирійцы нападаютъ стройнымъ рядомъ, и немного найдется въ мѣрѣ войскъ, которые выдержали бы ихъ первый натискъ. Когда непріятельскій отрядъ завидитъ ихъ быстрый и тяжелый бѣгъ, направленные дротики, натянутые луки, онъ бѣжитъ въ разсыпную почти всегда послѣ перваго залпа стрѣлъ, и спасается какъ попало. Тогда рядъ разрывается и колесницы разсѣиваются по равнинѣ, давая бѣглецовъ колесами и копытами коней. Каждая изъ нихъ представляетъ

изъ себя какъ бы подвижную крѣпость, гдѣ гарнизонъ достаточно многочисленный, чтобы не только сражаться съ высоты стѣны, но при случаѣ и совершать вылазки. Воинъ соскакиваетъ, прикалываетъ раненаго, отрубаетъ голову или же становится передъ лошадьми и подъ прикрытіемъ оруженосцевъ свободно прицѣливается въ неприятельскаго вождя, убиваетъ его и, возвращаясь на свое мѣсто, снова пускается вскачь.

Раньше колесницы въ ассирійскихъ войскахъ были весьма многочисленны. Въ настоящее время ихъ гораздо меньше, но, по преданію, имъ отводится почетное мѣсто, и царь или главный военачальникъ всегда сохраняетъ за собой преимущество быть во главѣ ихъ въ схваткѣ. Это оружіе благород-

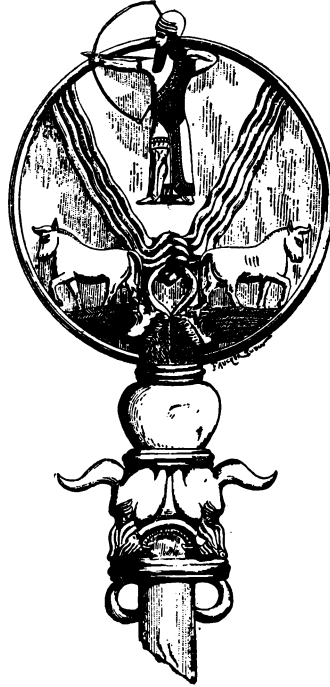

Рис. 44. Ассирійское знамя.

ныхъ, по большей части, куда охотно идутъ князья и знатные вельможи; оно часто и теперь еще имѣетъ рѣшающее значеніе для благопріятнаго исхода битвы.

Однако же конница начинаетъ равняться съ ней, если не численностью, то значеніемъ. Ее рѣшили ввести не такъ давно, и древнимъ ассирійскимъ царямъ она была не болѣе знакома, чѣмъ фараонамъ великой эпохи. У Тиглатфаласара I, Ассурназиргабала, Салманасара III было едва ли нѣсколько челоуѣкъ всадниковъ, и то скорѣе въ качествѣ гонцовъ, чѣмъ воиновъ; Саргонъ и Сеннахерибъ были дѣйствительно первыми, которые ввели соединенное дѣйствіе конницы и дали ей преобладающее значеніе въ военномъ дѣлѣ. Лошади вначалѣ были ничѣмъ не покрыты; теперь на нихъ надѣваютъ попону и цѣльный уборъ, подобный тому, какимъ ихъ покрываютъ въ отрядѣ колесницъ. У всадниковъ шлемы и кольчуги, какъ у линейныхъ пѣхотинцевъ, но нѣтъ щита; свободная юбка замѣняется у нихъ набедренникомъ, плотно облегающимъ ноги. Одна ихъ половина вооружена мечомъ и копьемъ, другая лукомъ и мечомъ. Копье въ восемь-девять футовъ длины; лукъ короче, чѣмъ у пѣхотинцевъ, а стрѣлы едва достигаютъ трехъ футовъ. До сихъ поръ каждаго коннаго стрѣлка сопровождалъ

прислужникъ, тоже верховой, который править его конемъ во время сраженія, чтобы дать ему полную свободу дѣйствій (рис. 45). Верховое искусство за послѣдніе годы сдѣлало такіе успѣхи, что прислужникъ сталъ ненуженъ и исключенъ изъ войскъ. Теперь копьеносцы и стрѣлки обучены управлять конемъ простымъ

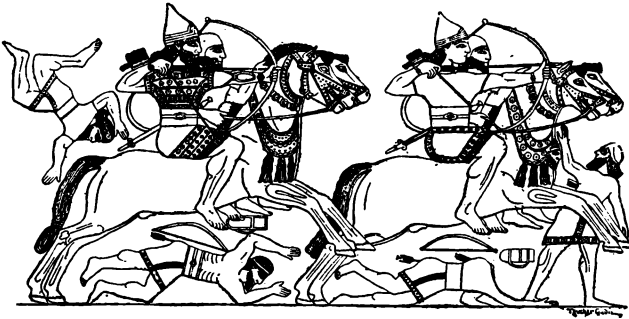

Рис. 45. Ассирійскіе всадники, стрѣляющіе изъ лука: прислужникъ править конемъ стрѣлка.

нажиманіемъ колѣнъ: они мчатся, бросивъ поводья, на всемъ скаку пускаютъ стрѣлу, внезапно останавливаются, спускаютъ лукъ свободной рукой, трогаютъ поводья и скачутъ дальше.

Говорятъ, что въ послѣдней войнѣ киммерійцевъ съ лидянами, отряды конницы врѣзывались другъ въ друга на полномъ скаку, спѣшивались и схватывались съ непріателемъ, какъ пѣхотные полки, пока не обра-

щались въ бѣгство менѣе сильныя или менѣе храбрыя. Ассирійской конницѣ еще не представилось случая произвести такой опытъ, такъ какъ у народовъ, съ которыми она сражается, нѣтъ всадниковъ, а лишь колесницы. Она ударяетъ на пѣхоту, дѣлаетъ чудеса въ разгарѣ схватки и въ преслѣдованіи, расчищаетъ путь войску. Въ этихъ случаяхъ ее пускаютъ впереди всего войска; она рыщетъ по лѣсамъ, открываетъ засады, узнаетъ положеніе непріятеля, указываетъ доступныя пути и переправы черезъ рѣки. Сеннахерибъ, которому часто приходилось воевать въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ, въ Таврѣ, Арменіи, на границахъ Медеса и Элама, обязанъ долею своихъ успѣховъ разумному примѣненію конныхъ копьеносцевъ и стрѣлковъ. Непредвидѣнность ихъ движеній, быстрота ихъ дальнихъ переходовъ поражали варваровъ, передъ которыми они внезапно появлялись съ разныхъ сторонъ, точно изъ-подъ земли, въ то время, какъ тѣ предполагали что они еще очень далеко (рис. 46). Опасныя переходы были сдѣланы, деревни разграблены, жатва сожжена или потоптана конскими копытами почти прежде, чѣмъ можно было подозрѣвать о приближеніи непріятеля, и когда подоспѣвала помощь, онъ былъ уже внѣ всякаго преслѣдованія. Если прибавить къ конницѣ

известное число землекопovъ и строителей, обученныхъ также и обращенію съ орудіями, полный перечень составныхъ частей ассирійскаго войска будетъ завершёнъ. Численное ихъ соотношеніе приблизительно всегда одно и то же. Въ среднемъ приходится сто пѣхотинцевъ на десять всадниковъ и на одну колесницу: пѣхота, на самомъ дѣлѣ, царица ассирійскихъ сраженій.

Рис. 46. Внезапное появленіе ассирійской конницы въ горахъ.

Войско Элама построено такъ же, какъ у его соперника, или почти такъ же. У него есть свои колесницы, всадники, пѣхотинцы, но всадники не такъ многочисленны и не столь хорошо обучены, какъ ассирійскіе, а на колесницахъ меньше людей. Многія изъ ихъ колесницъ совсѣмъ безъ кузова и представляютъ простую площадку, на которой стоятъ или сидятъ воины: это скорѣе телѣжки для перевозки клади, чѣмъ боевыя колесницы (рис. 47). Часть пѣхоты, набранной въ равни-

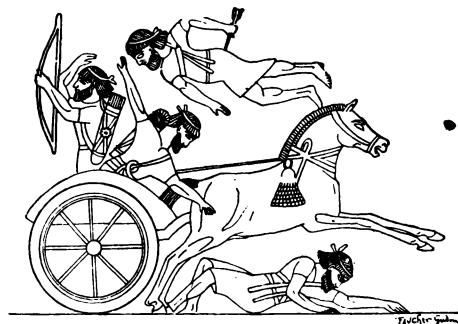

Рис. 47. Эламитская боевая колесница.

нѣ, вооружена на подобіе ассирійскихъ копье-носцевъ и стрѣлковъ (рис. 48). Остальные вооружены слабѣе: у нихъ, вмѣсто кольчуги, короткая, набитая волосомъ туника, а на головѣ лента, оба конца которой спадаютъ на шею.

Несмотря на эти матеріальные недочеты, мужество, сила, ловкость, стойкость эламитовъ дѣлаютъ ихъ грозными противниками: рѣдко удавалось обратить ихъ въ бѣгство, и каждое ихъ поражение такъ сильно истощало силы побѣдителя, что онъ не могъ воспользоваться своимъ превосходствомъ и бывалъ принужденъ удалять-

Рис. 48. Стрѣлки Элама.

ся съ поля битвы почти въ такомъ же плачевномъ состояніи, какъ и побѣжденный.

Туртану, испытавшій на себѣ ихъ воинскія качества, тщательно освѣдомляется объ ихъ положеніи, прежде чѣмъ дать сраженіе. Ихъ оборонительная линія выбрана весьма удачно. Она тянется отъ берега Укнуну къ берегу канала, проходящаго передъ крѣпостью Сузы и

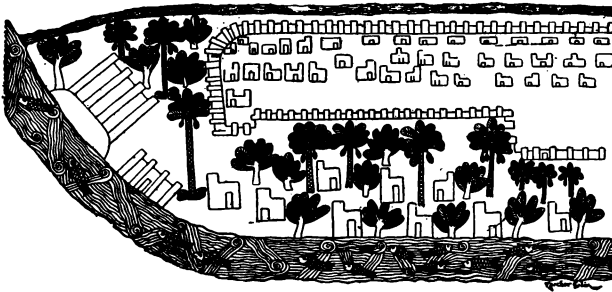

Рис. 49. Городъ Сузы.

образующаго какъ бы ровъ, защищающій отъ врага со стороны Ассиріи. Въ серединѣ деревня Туллизъ является основательнымъ оплотомъ для громады пѣхотинцевъ; раскинутый позади ея пальмовый лѣсъ даетъ убѣжище бѣглецамъ въ случаѣ пораженія и задерживаетъ преслѣдованіе. Изъ-за верхушекъ деревьевъ на горизонтѣ виднѣются ясныя очертанія длинной полосы зубчатой стѣны съ башнями: это укрѣпленія Сузъ (рис. 49). Городъ,

расположенный на искусственном курганѣ, подобно всѣмъ ассирійскимъ и халдейскимъ городамъ, господствуетъ надъ равниной и виднѣется издалека. Съ юга и востока онъ окаймленъ листвою огромныхъ садовъ, орошенныхъ чисто содержимыми каналами. На сѣверѣ тянутся темные, густые лѣса, куда непосвященнымъ входъ возбраненъ. Тамъ обитаютъ боги Элама, въ таинственныхъ часовняхъ, куда имѣютъ доступъ только жрецы и цари; время отъ времени ихъ изображенія поднимаются въ городъ, гдѣ имъ торжественно оказываютъ почести, а потомъ возвращаются въ свои убѣжища, окруженные всѣмъ собравшимся народомъ. Никто изъ простыхъ смертныхъ не знаетъ о томъ, что происходитъ за завѣсой первыхъ деревьевъ, какіе кровавые обряды, какія тайны сладострастія тамъ совершаются. Послѣ каждой удачной войны туда сносятъ часть добычи, которая оттуда уже не возвращается обратно—изваянія вражескихъ божествъ, драгоценныя сосуды, слитки золота и серебра, утварь, ткани: тамъ и теперь еще можно встрѣтить не одну вещь, принесенную вѣковъ двадцать тому назадъ, и останки Урука, Сиппары, Вавилона и самыхъ древнихъ халдейскихъ городовъ сложены въ кучи вмѣстѣ съ недавними трофеями, взятыми у Ассириі. Памятники древнихъ царей разсѣя-

ны поблизости, одни еще сохранились, другіе пострадали съ теченіемъ вѣковъ. Нѣтъ ничего трагичнѣ ихъ исторіи: нигдѣ измѣна и убійство не возводили и не низлагали царей такъ скоропостижно, какъ въ Эламѣ, и почти всѣ цари, погребенные на этомъ участкѣ земли, покоются въ кровавой могилѣ. Не заходя слишкомъ далеко, въ Сузахъ, въ продолженіе половины послѣдняго столѣтія, смѣнилось семь повелителей, и изъ семи царей трое погибли отъ руки убійць.

Тіумманъ окруженъ предателями, и онъ это знаетъ. Одинъ изъ самыхъ его могущественныхъ вассаловъ, Симбару, уже покинулъ его и со всѣми своими людьми перешель въ лагерь ассирійцевъ; Умбакидинни, вождь одного племени горцевъ, захватилъ врасплохъ Иштарнанди, вице-царя Хидалу, по верхнему теченію Улайя, отрубилъ ему голову и поспѣшилъ снести ее Туртану въ залогъ покорности. Однако сузяне не падаютъ духомъ изъ-за этого ряда измѣнъ и встрѣчаютъ натискъ ассирійцевъ со своей обычной рѣшимостью. Битва открывается перестрѣлкой изъ луковъ; потомъ бросаются другъ на друга боевыя колесницы и нѣсколько разъ сталкиваются безъ послѣдствій. Послѣднее нападеніе, доведенное до конца царевичами-изгнанниками, одерживаетъ верхъ надъ сопротивляющимися: уцѣ-

лѣвшія колесницы сузянь разсѣиваются по полю, всадники преслѣдуютъ ихъ въ отступленіи, и пѣхота, увлеченная примѣромъ, начинаетъ разбѣгаться. Одна ея часть бросается въ лѣсъ, другая, имѣвшая у себя въ тылу каналъ, пытается переправиться въ бродъ или вплавь, чтобы укрыться въ укрѣпленіяхъ Сузы (рис. 50). Все поле усѣяно поломанными колесницами, колчанами, луками и пиками, трупами людей и коней. Здѣсь кучка стрѣлковъ пытается еще отразить преслѣдующихъ ее всадниковъ; дальше раненый военачальникъ валится съ лошади, поднимая руку и прося пощады у нацѣлившагося въ него стрѣлка. Пѣхотинецъ взмахомъ палицы добиваетъ стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ сузянина; тамъ еще отрубаютъ головы только что убитыхъ враговъ и уносятъ ихъ, какъ добычу. Тѣ изъ раненыхъ, что могутъ еще держаться на ногахъ, всѣ спасаются бѣгствомъ, а тѣ, кто не въ состояніи двигаться, ищутъ рва или куста, гдѣ бы укрыться до вечера: это для нихъ единственное вѣроятіе избѣгнуть смерти, и одному Богу извѣстно, сколь оно слабо. За каждую отрубленную голову принесшій ее воинъ получаетъ похвальный отзывъ и долю добычи; побѣдители обходятъ поле битвы вдоль и поперекъ, шарятъ въ высокой травѣ, во рвахъ, словно дѣло идетъ о самой обыкновенной

дичи. Между тѣмъ слетаются стаи вороновъ

Рис. 50. Остатки эламитаго войска брошены въ рѣку.

всюду, гдѣ сраженіе прекратилось, и начинаютъ клевать трупы. Каналъ наполняется из-

уродованными тѣлами и колесницами, плывущими по теченію: ассирійскіе стрѣлки, выстроившись на берегу, осыпають стрѣлами всѣхъ, кто барахтается въ водѣ, и лишь нѣсколькимъ бѣглецамъ удается достигъ противоположнаго берега. Ниневійскіе кудесники и ясновидцы были правы, предсказывая побѣду: Истаръ сдержала данное ею слово—повергнуть Эламъ къ ногамъ Ассурбанипала.

Тіумманъ, видя, что сраженіе проиграно, спасается бѣгствомъ черезъ лѣса, съ двумя сыновьями и самыми надежными военачальниками. Онъ отправляетъ одного изъ нихъ, Итуни, гонцомъ къ ассирійскому полководцу, съ просьбой о почетной сдачѣ: не то, что бы онъ думалъ получить ее, но онъ надѣется этимъ задержать погоню и выиграть время. Итуни не удостоился даже быть выслушаннымъ, и въ бѣшенствѣ онъ сломалъ свой лукъ и мечъ въ тотъ же мигъ, когда схватившій его воинъ занесъ мечъ, чтобы обезглавить его. Нѣсколько минутъ спустя, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Тіуммана, по имени Уртаку, былъ пронзенъ стрѣлой и упалъ; когда онъ привсталъ, на него бросился ассиріецъ съ поднятой палицей. Мужество не покинуло его въ это роковое мгновеніе. Онъ не пожелалъ открыть свое имя и просить пощады: „Хорошо,—сказалъ онъ,—руби мнѣ голову, снеси

ее къ ногамъ твоего владыки, и пусть она будетъ ему счастливымъ предзнаменованіемъ“, послѣ чего онъ подставилъ ему шею и получилъ смертельный ударъ. Между тѣмъ колесница Тіуммана разбила о дерево, кони были частью слишкомъ тяжело ранены, чтобы нести его, частью разбѣжались, его вѣрные слуги погибли одинъ за другимъ: вдвоемъ съ сыномъ онъ медленно уходитъ пѣшкомъ. Время отъ времени онъ оборачивается, чтобы пустить стрѣлу, и его гордая осанка, смертоносная мѣткость его прицѣла внушаютъ врагу почтеніе: быть можетъ, ему удалось бы еще ускользнуть и скрыться, если бы его не увидалъ племянникъ его, Таммариту, и не устремился на него съ цѣлымъ отрядомъ сузскихъ изгнанниковъ и ниневійскихъ копьеносцевъ. Первая стрѣла попала ему въ правый бокъ, и онъ упалъ на одно колѣно. Онъ понялъ, что насталъ конецъ, и не хотѣлъ отдать свою жизнь даромъ. Онъ указалъ пальцемъ на Таммариту своему сыну и крикнулъ ему отчаяннымъ голосомъ: „Стрѣлай!“ (рис. 51). Тотъ промахнулся, залпъ стрѣлъ прикончилъ обоихъ; Таммариту собственноручно отрубилъ голову своему дядѣ и съ ликованіемъ понесъ ее въ лагерь.

Когда онъ вернулся въ станъ, битва была совсѣмъ закончена. Нѣсколько отрядовъ об-

хóдили еще поле, подбирая раненыхъ и убитыхъ ассирійцевъ, оружiе и послѣдовательно раздѣвая трупы; все остальное войско уже возвратилось на свои утреннiя позицiи. Здѣсь только и дѣлали, что перевязывали свои и чужiя раны, чистили и чинили оружiе, поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что лишнiй разъ удалось избѣжать смерти или оплакивали утрату друга. Тѣхъ изъ плѣнниковъ, кого считали

Рис. 51. Смерть Тiуммана.

выгоднымъ оставить въ живыхъ, уже выстроили рядами въ сторонѣ, подъ стражей часовыхъ. Казнь остальныхъ шла безостановочно: ихъ ставили на колѣни длинными рядами, спиной къ палачу, съ согну-

той шеей, и однимъ взмахомъ палицы имъ раздробляли голову. Писцы, стоя въ своихъ большихъ палаткахъ, записывали отрубленныя головы: каждый солдатъ приносилъ принадлежашiя ему, бросалъ въ общую кучу, называлъ свое имя, свой полкъ и отходилъ, полный радостныхъ надеждъ на награду соотвѣтственно числу жертвъ (рис. 52). Ассирiйскимъ царямъ ничто не можетъ доставить большаго удовольствiя, какъ зрѣлище этихъ отвратительныхъ трюфе-

евъ. Если они находятся при войскѣ, они лично предсѣдательствуютъ при сдачѣ и раздаютъ назначенныя воинамъ награды; въ случаѣ от-

Рис. 52.—Сдача и запись отрубленныхъ головъ.

сутствіа, если нѣтъ возможности перенести всѣ головы въ ихъ мѣстопробываніе, они требуютъ, по крайней мѣрѣ, головы главныхъ вождей. Голову Тіуммана, поднесенную Бельнагиду, во-

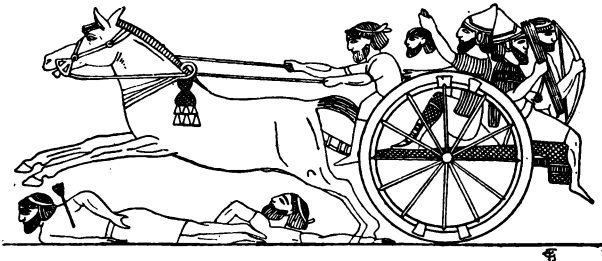

Рис. 53.—Голову Тіуммана возятъ по ассирійскому лагерю.

зили, по его распоряженію, по всему лагерю на одной изъ захваченныхъ въ бою колесницъ (рис. 53), послѣ чего ее набальзамировали и

отправили во дворецъ Арбелъ со спѣшнымъ гонцомъ: что касается тѣла, оно брошено въ лѣсу, и черезъ нѣсколько дней хищныя птицы или звѣри изложуть и расклюють его, и разсѣются кости того, кто былъ царемъ.

Если завтра Сузы откроютъ свои ворота и примутъ новаго государя, поставленнаго Ассиріей, Умманигаша, сына Уртаку, война закончится одной побѣдой при Туллизѣ. Если же, напротивъ того, они признаютъ своимъ владыкой одного изъ сыновей Тіуммана, борьба возобновится во всю, и самимъ богамъ даже едва ли извѣстно, когда и чѣмъ она завершится. У Элама почти неизсякаемый источникъ людей и начальниковъ. Едва уничтожено одно войско, возникаютъ другія, почти столь же многочисленныя и воодушевленныя духомъ борьбы. Одинъ царь убитъ, другой занимаетъ его мѣсто и продолжаетъ его предпріятія, не пугаясь ни участи своихъ предшественниковъ, ни непосредственной опасности. Однако же на этотъ разъ приверженцы мира въ Сузѣ берутъ верхъ, и друзья изгнанныхъ царевичей склоняютъ населеніе къ провозглашенію Умманигаша. На завтра, раннимъ утромъ, ассирійская охрана видитъ длинное шествіе, выходящее изъ воротъ Сузъ и медленно направляющееся къ Туллизу: это представители вой-

ска, сановниковъ и народа идутъ за своимъ владыкой къ побѣдителю. Во главѣ находится нѣсколько членовъ царской семьи, невооруженные, въ праздничныхъ одеждахъ. За ними слѣдуютъ стрѣлки съ лукомъ въ рукахъ, қолчаномъ за плечами, кинжаломъ за поясомъ, а потомъ пустая колесница, которой управляетъ верховой оруженосецъ: это колесница новаго царя. Сзади идутъ жрецы и пѣвцы боговъ

Рис. 54.— Эламитскіе музыканты идутъ навстрѣчу ассирийцамъ.

они отбиваютъ тактъ, высоко поднимая ноги, и оглашаютъ воздухъ звуками арфъ и двойной флейты. За ними слѣдуетъ хоръ дѣтей, поющихъ священные псалмы подъ управленіемъ священныхъ евнуховъ (рис. 54).

Поле было приблизительно очищено наканунѣ и на немъ уже почти не осталось слѣдовъ битвы; но каналъ все еще загроможденъ трупами, колесницами, поломаннымъ оружіемъ, разлагающимися останками. Отврати-

тельное зрѣлище этого рода братской могилы является странную противоположность съ праздничными одѣянiями и пѣнiемъ шествиа, которое тянется по берегу. Бельнагидъ принимаетъ главныхъ представителей впереди выстроеннаго войска и выслушиваетъ ихъ просьбу съ высоты своей колесницы. Онъ посылаетъ за Умманигашемъ и Таммариту; онъ беретъ съ нихъ клятву, именемъ ихъ боговъ и боговъ Ниневiи, быть всегда вѣрными союзниками Ассирiи, никогда не вступать въ заговоры съ царями Вавилона или вождями арамейскихъ племень, уклоняться отъ всякихъ дѣйствiй, вредныхъ для выгоды и славы Ассурбанипала. Получивъ присягу, онъ сходитъ съ колесницы и, беря ихъ за руки, провозглашаетъ Умманигаша царемъ Сузы и Мадакту, а Таммариту—царемъ Хидалу и представляетъ ихъ новымъ подданнымъ. Князья и воины распространяются и привѣтствуютъ ихъ при звукахъ усилившагося пѣнiа и игры (рис. 55). Эламъ, еще наканунѣ довольствовавшiйся однимъ царемъ, имѣетъ теперь двоихъ, но пройдетъ немного времени, и зависть и честолюбiе вооружатъ ихъ другъ на друга. Ассурбанипалъ и его министры на это и разсчитываютъ: внутреннiй раздоръ и ослабленiе сосѣдей упрочиваютъ безопасность Ассирiи.

Въ то время, какъ оба царя со свитой тор-

жественно вступаютъ въ Сузы, при возгласахъ привѣтствующей ихъ толпы, длинный рядъ плѣнниковъ выходитъ изъ лагеря и начинаетъ свой скорбный исходъ на сѣверъ. Многіе почти осуждены на неминуемыя пытки и смерть: это военачальники, управители городовъ, благородные, больше другихъ отличавшіеся своимъ мужествомъ; ихъ ведутъ въ цѣпяхъ къ царю, и на ихъ долю рѣдко выпадаетъ пощада или

Рис. 55. — Ассирійскій военачальникъ представляетъ Умманигаша эламитамя.

помилованіе. Большая же ихъ часть принадлежитъ воинамъ и составляетъ общественное достояніе. Тамъ встрѣчается нѣсколько зрѣлыхъ мужчинъ, въ большинствѣ же это все женщины и дѣти: они будутъ проданы въ рабство, или будутъ служить въ домѣ господина, которому посчастливилось захватить ихъ въ бою. Большую же часть ожидаетъ менѣе суровый удѣлъ, они не столько плѣнники, сколь-

ко колонисты по принужденію. Ассурбанипаль мечтаетъ заселить два или три города въ Сиріи, которые онъ недавно опустошилъ, и повелѣлъ своимъ военачальникамъ привести нѣсколько тысячъ эламитовъ. Они идутъ отрядами, подъ надзоромъ воина; мужчины несутъ небольшіе мѣшки со съѣстными припасами, которые ихъ нисколько не обременяютъ, у женщинъ дѣти на рукахъ или на плечахъ (рис. 56). Стада коровъ, козъ и барановъ слѣ-

Рис. 56.—Шествіе плѣнниковъ въ Ассирію.

дуютъ за ними. Дальше тянутся запряженные мулами или быками повозки съ поклажей и больными. Многіе погибнуть въ пути отъ голода и утомленія, вынужденные совершать привалъ на ночь подъ открытымъ небомъ и спать прямо на землѣ. Тѣ, что доберутся до цѣли путешествія, получаютъ домъ, хлѣбное поле, сады, виноградники: когда уляжется первый порывъ горя, они будутъ, можетъ быть, счастливѣе и богаче, чѣмъ у себя на родинѣ.

ГЛАВА IX.

Флотъ и осада.

Страна Гамбуль и арамейцы Евфрата. — Болота. — Бить-якинъ и выселеніе его населенія во времена Сеннахериба. — Флотъ Сеннахериба и двѣ его составныя части; финикійскія діэры. — Отплытіе и плаваніе по морю. — Война въ болотахъ. — Городъ Шапибэль. — Осада. — Подкопъ. — Боевыя орудія: таранъ и подвижныя башни. — Взятіе и разрушеніе города.

Военныя дѣйствія кончены въ Эламѣ; они продолжаются въ странѣ Гамбуль, гдѣ царь Дунану и князь Набузулли продолжаютъ оказывать сопротивленіе ассирійскимъ войскамъ. Гамбуль одно изъ многочисленныхъ малыхъ государствъ Арамеи, утвердившихся въ устьяхъ Тигра и Евфрата, наполовину на твердой землѣ, наполовину въ болотахъ. Часть населенія, живущая на сушѣ, почти совсѣмъ слилась съ халдеями языкомъ и нравами. Тѣ же боги, тѣ же законы, та же одежда и промышленность; однако чувствуется близость Элама

и въ ихъ характерѣ больше суровости и воинственнаго пыла.

Жители болотъ, напротивъ того, варвары, добывающіе себѣ пропитаніе рыбной ловлей и охотой. Какъ и нильская Дельта, устья Тигра и Евфрата представляютъ огромную равнину, все увеличивающуюся наносными песками сосѣдняго моря. Тамъ, гдѣ почва достаточно возвышается надъ обычнымъ уровнемъ рѣки, ее подвергаютъ обработкѣ и получаютъ двѣ полныя жатвы въ годъ. Города, расположенные на искусственныхъ холмахъ, опоясаны вѣчно зелеными садами; ряды финиковыхъ пальмъ и акацій тянутся вдоль каналовъ; поля раскинуты во всѣхъ направленіяхъ, попережку съ сырыми лугами, гдѣ пасутся безчисленныя стада быковъ. Тамъ, гдѣ почва лежитъ ниже уровня рѣкъ, зрѣлище мѣстности, быть можетъ, еще плачевнѣе, нежели въ топахъ Нила. Стоячая, зловонная вода, едва покрывающая черноватый иль, островки песку въ морѣ грязи, тамъ и сямъ лѣсистые холмы или площадки здоровой, твердой земли, и все это покрыто густыми зарослями водяныхъ растеній, лилій, камыша, хвоща, исполинскаго тростника, до того густыми и цѣпкими, что съ трудомъ можно проложить себѣ путь среди стеблей. На полянахъ полосы земли скудныя, тощія, плохо обработанныя: это

поля. Кучи лачугъ на какой-нибудь возвышенности—это городъ. Ихъ постройка не требуетъ ни времени, ни расходовъ. Связываютъ нѣсколько пучковъ тростника, согнувъ ихъ въ видѣ арокъ; цыновки, натянутыя на этотъ первобытный остовъ и обмазанныя грязью, представляютъ стѣны. Жители деревень общаются между собой на плоскодонныхъ лодкахъ, отталкиваясь шестомъ. На случай войны у нихъ въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ есть настоящія логовища, куда они укрываются съ своими семьями и всѣмъ своимъ скотомъ, предоставляя все остальное на произволъ завоевателя. Чтобы настигнуть ихъ тамъ, нужно пуститься по узкимъ каналамъ, окаймленнымъ зарослями, гдѣ на каждомъ шагу грозитъ засада, переправляться черезъ топи, легко могущія засосать и людей, и коней, подвергать себя опасности смертельныхъ лихорадокъ, исходящихъ отъ этихъ смрадныхъ болотъ, и все это ради того, чтобы захватить какой-нибудь тощій скотъ или увести двѣ дюжины плѣнниковъ. Какой конецъ для старыхъ воиновъ, вышедшихъ живыми и невредимыми изъ опасностей двадцати сраженій въ горахъ Арменіи или Коммагена, на равнинахъ Халдеи или Элама, на берегахъ Нила или Средиземнаго моря—утонуть въ гнилыхъ болотахъ или безславно по-

гибнуть въ чащѣ тростниковъ, подъ ударами дикарей!

Бить - якинъ былъ когда-то преобладающимъ среди этихъ малыхъ государствъ. Оттуда вышелъ Меродахъ-Баладанъ, завоевавшій Вавилонъ и оказывавшій сопротивление тремъ великимъ царямъ Ассиріи; туда вернулся онъ на склонѣ своихъ лѣтъ, подобно старому кабану, который послѣ долгаго бѣга возвращается въ свою берлогу, чтобы дать отпоръ охотникамъ. Безъ передышки преслѣдуемый Сеннахерибомъ, и отчаявшись одолѣть его, онъ предпочелъ удалиться, чѣмъ подчиниться: онъ собралъ вѣрныхъ, захватилъ боговъ, переплылъ море тамъ, гдѣ въ него впадаетъ Евфратъ, и утвердился въ Нагиду, на эламскомъ побережьи. Здѣсь онъ былъ въ безопасности отъ кого угодно, но не отъ Сеннахериба. Дѣйствительно, ассирійскіе цари боятся моря и неохотно пускаются въ плаваніе: они, впрочемъ, долгое время знали о немъ лишь по наслышкѣ, изъ рассказовъ халдеевъ или народовъ Сиріи. Когда ихъ побѣды привели ихъ къ берегамъ Средиземнаго моря, они любовались имъ и доставляли себѣ удовольствіе плавать, но осторожно и никогда не отходя далеко отъ береговъ. Сеннахерибу пришла смѣлая и неслыханая до сихъ поръ мысль, посадить свое войско на суда и от-

правиться въ Нагиду за бѣглецами Бить-якина. Выполненіе замысла представляло затрудненія, которыя привели бы въ уныніе всякаго другого менѣе склоннаго къ приключеніямъ, царя. Единственныя суда, какими онъ могъ располагать въ этихъ краяхъ, принадлежали халдейскимъ государствамъ, вѣрности по меньшей мѣрѣ сомнительной, кому было бы не осторожно ввѣрить судьбу ниневійскаго царя и его войскъ. Къ тому же это были ковчеги стариннаго образца, тяжелые, круглые, неустойчивые на водѣ, почти сходные съ тѣми, какіе строились еще во времена Саргона старшаго и его сына Нарамзина. Сеннахерибъ во время своихъ походовъ въ Іудею видѣлъ моряковъ Сидона Великаго, успѣхи, достигнутые ими въ морскомъ дѣлѣ, безукоризненную ловкость въ управленіи ихъ морскими конями¹. Ему не стоило труда найти, въ числѣ своихъ плѣнниковъ, достаточное количество финикійцевъ для постройки судовъ. Онъ учредилъ двѣ мастерскія, одну въ Туль-Барсипѣ, на Евфратѣ, гдѣ пустили въ ходъ лѣсъ изъ Амануса и Ливана, другую на Тигрѣ, въ самой Ниневіи, для лѣса изъ Курдистана.

Суда строились въ каждой изъ нихъ по

¹ Такъ называли финикіяне свои суда.

особому образцу. Въ Туль-Барсипѣ, гдѣ преобладало финикійское вліяніе, по финикійскому образцу, въ Ниневіи по халдейскому, но измѣненному на финикійскій ладъ. Избранный видъ былъ самый совершенный, какой видали до сихъ поръ, діэра, судно въ два восходящихъ одинъ надъ другимъ ряда весель (рис. 57). Кузовъ ея длинный, глубоко си-

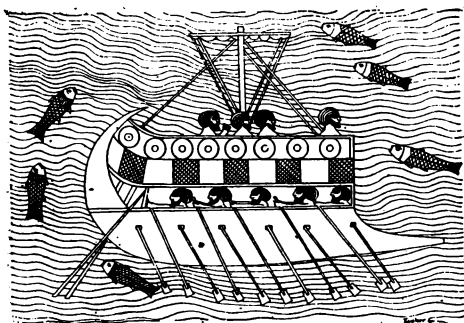

Рис. 57. Діэра финикійскаго образца.

дѣщій въ водѣ, на кругломъ килѣ. Корма поднимается очень высоко и загибается внутрь, какъ у старинныхъ египетскихъ галеръ¹. Носъ плоскій, срѣзанный отвѣсно, съ остроконечнымъ водорѣзомъ, который крѣпко приделанъ къ килю и служитъ для пробиванія не-

¹ Описаніе египетской галеры см. вып. I, стр. 271.

пріятельскихъ судовъ. Два ряда гребцовъ размѣщаются горизонтально, одинъ надъ другимъ. Первый опираетъ весла о бортъ судна, второй продѣваетъ ихъ въ отверстія продѣланныя въ стѣнкахъ. Палуба на вертикальныхъ стойкахъ идетъ съ одного конца до другого и образуетъ надъ гребцами этажъ, отведенный для воиновъ и остального экипажа; круглые щиты въ легкой деревянной рамѣ тянутся вдоль бортовъ въ родѣ укрѣпленій. Стоящая посрединѣ мачта вдѣлана въ киль: ее поддерживаютъ двѣ подпорки, расходящіяся отъ верхушки ея къ носу и кормѣ. Четырехугольный парусъ держится на реѣ, которую, по желанію, можно поднимать и спускать. У судовъ второго образца нѣтъ водорѣза, а носъ и корма поднимаются очень высоко, при чемъ носъ украшенъ конской головой, что оправдываетъ названіе морского коня. Мачты у нихъ нѣтъ вовсе, они крыты палубой и приводятся въ движеніе двумя рядами весель: это старыя суда, превращенныя въ діэры.

Встрѣча обоихъ отрядовъ была назначена въ Бабъ-Салимети на Евфратѣ, еще на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Эскадра Туль-Барсипа спустилась прямо по теченію: рѣка сухоходна вездѣ и во всякое время, и пла-

ваніе не встрѣтило никакихъ затрудненій ¹. Эскадра ниневійская вышла изъ Тигра въ Упи, чтобы избѣжать арамейскихъ союзниковъ Элама, всегда болѣе или менѣе враждебно настроенныхъ, даже не будучи въ открытой войнѣ съ Ассиріей. Она направилась въ большой каналъ Арахту, соединяющій Тигръ и Евфратъ и проходящій черезъ Вавилонъ. Этотъ каналъ давно уже плохо содержался, и если онъ удовлетворялъ еще нуждамъ орошенія и движенія мелкихъ лодокъ, онъ былъ мѣстами слишкомъ засоренъ иломъ и слишкомъ заросъ чужеродными растеніями, чтобы не представлять серьезныхъ препятствій для крупныхъ судовъ. Тѣмъ не менѣе удалось ихъ преодолѣть, а промежутокъ отъ Вавилона до Бабъ-Салимети былъ уже вопросомъ нѣсколькихъ дней. Каждый изъ отрядовъ запасался по дорогѣ войсками — людьми и конями, колесницами, припасами, осадными орудіями, рассчитанными на длительныя военныя дѣйствія. Сеннахерибъ присоединился къ эскадрѣ со своей почетной стражей и разбилъ свой лагерь на берегу канала. Это было неосторожностью, которой онъ бы не сдѣлалъ,

¹ Я напомню здѣсь, что Александръ въ самый годъ своей смерти велѣлъ построить въ Оапсакѣ финикійскій флотъ, спустившійся по Евфрату до самаго устья.

если бы лучше былъ освѣдомленъ о свойствахъ моря. Приливы и отливы, неизвѣстные на Средиземномъ морѣ, довольно значительны въ халдейскомъ заливѣ и распространяются довольно далеко вглубь страны; дѣйствіе ихъ особенно страшно въ равноденствіе, въ пору большихъ разливовъ. Набѣгающія воды встрѣчаются тогда съ теченіемъ рѣкъ; столкновеніе двухъ потоковъ размываетъ берега, сноситъ ихъ и, прорывая дамбы, сооруженныя для защиты страны, заливааетъ значительныя пространства. Это, именно, и произошло въ тотъ годъ, къ ужасу и крупнымъ убыткамъ ассирійцевъ. Ихъ шатры были окружены и опрокинуты волнами; царю съ его свитой пришлось наскоро спастись на суда и оставаться тамъ въ заключеніи цѣлыхъ пять дней, „какъ въ большой клѣткѣ“.

Тогда Сеннахерибъ вспомнилъ, нѣсколько поздно, что забылъ совершить предохранительные обряды, безъ которыхъ пускаться въ океанъ неблагоприятно, и приписалъ свою неудачу гнѣву боговъ. Лишь только вода спала, онъ спустился къ самому мѣсту слиянія рѣчныхъ водъ съ моремъ и, стоя на самомъ носу главной галеры, онъ совершилъ жертвоприношеніе верховному богу Эа. По халдейскимъ преданіямъ, въ тѣ времена, когда

жители Вавилона находились еще въ состояніи дикарей, какъ полевые звѣри, Эа вышелъ изъ волнъ въ образѣ рыбы съ головой и плечами человѣка или, по другимъ рассказамъ, человѣка, покрытаго рыбьей чешуей, и далъ имъ культуру (рис. 58). Онъ научилъ ихъ

Рис. 58. — Эа, богъ-рыба.

строить дома и храмы, показавъ имъ, какъ обрабатывать поля и собирать жатву, ввести законы и открыть начала наукъ, искусствъ и письменности. Послѣ него появились другіе, подобные ему боги, чтобы взглянуть на его дѣло; говорятъ, что и понынѣ море таитъ ихъ въ себѣ, и они появляются черезъ долгіе промежутки времени, но никто изъ живущихъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что видалъ ихъ. Итакъ, Сennaхерибъ принесъ жертву царю океана, совершилъ

возліяніе изъ золотого кубка, передъ лицомъ всего войска, а потомъ бросилъ кубокъ въ воду, вмѣстѣ съ образцомъ судна изъ золота и изображеніемъ рыбы, тоже

изъ золота. Боги успокоились, и суда, при кликахъ радости, развернули паруса. Экипажъ состоялъ не только изъ тирцевъ и сидонцевъ, но и изъ грековъ, живущихъ на Кипрѣ, которые спорятъ съ финикіянами ловкостью и смѣлостью: они быстро свыклись съ моремъ и повели суда къ Нагиду. Берегъ опасный для высадки, жители сбѣжались, вооруженные, и стоятъ наготовѣ; но Сеннахерибъ высадился, взялъ городъ и увезъ съ собой бѣглецовъ. Ни одинъ изъ ассирійскихъ государей не предпринималъ ничего подобнаго; ни одинъ изъ нихъ не повторилъ этого. Многие одержали и болѣе крупныя сухопутныя побѣды, чѣмъ онъ, но онъ единственный побѣдитель на морѣ.

Завоеваніе Гамбула не требуетъ ни судовъ ни иноземныхъ моряковъ; для этого предпріятія нужно лишь извѣстное количество тѣхъ плоскодонныхъ лодокъ, какія употребляютъ туземцы для переправы черезъ свои болота. Большой отрядъ стрѣлковъ и копьеносцевъ, подкрѣпленный нѣсколькими человѣками изъ отборныхъ всадниковъ, бросается на берегъ, захватываетъ нѣсколько судовъ, строитъ другія занимаетъ ихъ у сосѣднихъ племенъ, не осмѣливающихся отказать, и начинается охота на человѣка. Въ то время, какъ одна часть войскъ размѣщается въ лодкахъ и плыветъ

по каналамъ, другая вѣромъ разсыпается по тростниковымъ зарослямъ и медленно загоняеть передъ собой всѣхъ находящихся на ихъ

Рис. 59. — Стычка ассирійцевъ съ обитателями болотъ.

пути враговъ: несчастные жители Гамбула пытаются укрыться за самыми широкими рукавами воды, и часто ихъ пруды являются мѣ-

стомъ настоящихъ флотскихъ сраженій, гдѣ имъ рѣдко доводится одерживать верхъ (рис. 59). Ихъ ладьи, переполненныя женщинами и старцами, неповоротливы и являютъ собою легкую добычу для непріятеля. По мѣрѣ того, какъ ассирійцы захватываютъ все большій участокъ земли, цѣлыя деревни снимаются съ мѣста и ищутъ убѣжища въ самыхъ густыхъ

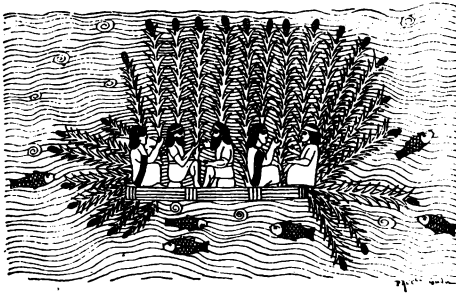

Рис. 60. — Халдейская семья, укрывшаяся въ тростникахъ.

заросляхъ, надѣясь избѣгнуть погони (рис. 60). Но напрасно: ихъ настигаетъ тамъ конница, ихъ гонитъ оттуда голодъ; сопротивленіе длится болѣе или менѣе продолжительное время, но всегда кончается однимъ и тѣмъ же: смертью самыхъ мужественныхъ и плѣномъ остальныхъ.

Здѣсь, какъ и повсюду, ассиріецъ поступаетъ съ разсчитанной жестокостью. Вождей

сохраняють для пытокъ по усмотрѣнію царя. Воины, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ, частью избиваются тутъ же, на мѣстѣ, палицами, частью же бываютъ помилованы и принимаются въ составъ войска. Сеннахерибъ привелъ изъ своего похода въ Нагиду тридцать тысячъ новобранцевъ этого рода, которые такъ же храбро сражались за него въ Арменіи и Киликіи, какъ дѣлали это противъ него въ Халдеѣ. Женщинъ, дѣтей, мирныхъ жителей уводятъ въ рабство или отправляютъ населять какую-нибудь дальнюю область ихъ первоначальной родины. Видя тщательность, съ какой производятся эти военныя дѣйствія, спрашиваешь себя, какимъ образомъ не въ конецъ опустошена область, на которую совершило нашествіе ассирійское войско. Дѣйствительно, иногда все населеніе бываетъ цѣликомъ взято, точно выловлено сѣтями. Города пустуютъ, и поля остаются невоздѣланными въ теченіе многихъ лѣтъ. Однако мало-по-малу бѣглецы, избѣжавшіе погрома, выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, или покидаютъ сосѣдніе города, давшіе имъ пріютъ. Первой ихъ заботой бываетъ заново возвести разрушенныя стѣны и дома; они засѣваютъ поля, сначала робко, потомъ все смѣлѣе, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ ихъ численность. Нѣсколько лѣтъ относительнаго спокойствія и мира, въ теченіе которыхъ они стараются не

напоминать о себѣ Ассиріи, возвращаютъ имъ благоденствіе; семьи увеличиваются съ баснословной быстротой, и новыя поколѣнія вырастаютъ такими же буйными, какъ и предъидущія. Если подсчитать всѣхъ людей, которыхъ потерялъ Битъ - Якинъ или Гамбуль въ битвахъ, всѣхъ убитыхъ и уведенныхъ въ рабство, всѣхъ въ продолженіе вѣковъ уходившихъ погибать въ изгнаніи отъ голода и нужды, можно подумать, что страна давно уже обратилась въ пустыню, однако же каждый разъ, когда разражается война, Ассирія встрѣчаетъ ихъ еще болѣе несокрушимыми: ихъ можно побѣдить, ослабить, но не убить.

Между тѣмъ, какъ одинъ изъ ассирійскихъ отрядовъ рыщетъ по болотамъ, ядро войска дѣйствуетъ противъ правильныхъ войскъ Гамбула. Дунану не рѣшается на битву въ открытомъ полѣ: онъ ждетъ приступа за стѣнами Шапибеля, своей столицы. Это постоянный пріемъ, не только арамейцевъ съ береговъ Тигра, но вообще всѣхъ мелкихъ государей, вступающихъ въ борьбу въ Ассиріей. Въ ихъ распоряженіи рѣдко бываетъ достаточное количество войска, а если бы и было, они хорошо знаютъ неопытность своихъ полководцевъ и воиновъ, чтобы ставить свою жизнь и свободу въ зависимость отъ исхода сраженія. Они предпочитаютъ небольшія стычки, гдѣ

ихъ знаніе мѣстности даетъ имъ преимущества, они отстаиваютъ каждый горный переваль, каждый рѣчной бродъ, и если имъ не везетъ, у нихъ есть еще исходъ—замкнуться въ свои крѣпости. Они надѣются истощить терпѣніе осаждающихъ долгимъ сопротивленіемъ, и, дѣйствительно, часто случалось, что царь Ассиріи, послѣ осады и взятія двухъ-трехъ городовъ, отказывается продолжать войну и возвращается со своей добычей и плѣнниками. Часто вспыхиваетъ мятежъ, или какое нибудь племя варваровъ совершаетъ набѣгъ на противоположную окраину государства. Причины различныя, но слѣдствіе одно и то же: ассирійцы отступаютъ, и осажденный ими государь на время свободенъ отъ нихъ. Этотъ способъ, веденія войны нѣкогда почти безошибочный, пока съ крѣпостью могли справиться лишь путемъ осады и голода, сталъ менѣе достовѣрнымъ съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены орудія, пробивающія самыя прочныя стѣны.

Шапибель построень въ мѣстности довольно благопріятной. Онъ былъ всегда очень неприступенъ, но сила его сопротивленія удвоилась съ тѣхъ поръ, какъ Эсаргадонъ, отнявъ его отъ его князя Бэликиша, укрѣпилъ его стѣны, чтобы превратить въ одну изъ крѣпостей Ассиріи противъ Элама. Глубокій и всегда полноводный

каналъ служить ему ровомъ съ сѣверной и западной стороны, болота прикрываютъ его съ юга, только передній его фасадъ выходитъ на равнину и не защищенъ никакой естественной преградой. Строители, которымъ поручено было укрѣпить его, выработали соответственный планъ. Простая стѣна изъ необожженного кирпича, усѣянная башнями, идетъ вдоль рѣки и болота; со стороны равнины тянется двойная стѣна. Обѣ ея части неодинаковой высоты; у наружной не больше двѣнадцати метровъ до начала зубцовъ, внутренняя достигаетъ шестнадцати метровъ, а башни поднимаются приблизительно на четыре метра надъ уровнемъ верхней площадки стѣны. Кромѣ того, общій видъ напоминаетъ укрѣпленія Дуръ Шарукина, по размѣрамъ и формѣ воротъ. Но въ Шапибелѣ передъ нами нѣтъ замковаго строенія, укрѣпляющаго ихъ своимъ выступомъ: съ каждой стороны выходятъ на поле одни ворота, они подвержены непосредственному нападенію извнѣ. Зато во внутренней стѣнѣ имѣется одно только отверстіе, по срединѣ лицевой части. Каждая изъ этихъ трехъ воротъ какъ бы вдѣланы въ двѣ крѣпкія башни, поставленныя совсѣмъ близко одна отъ другой.

Едва лишь часовые, разставленные на границѣ, оповѣщаютъ о приближеніи ассирійцевъ,

Дунану принимаетъ всѣ мѣры для самаго дли- тельнаго сопротивленія. Онъ заставляетъ оби- тателей сосѣднихъ деревень укрыться въ го- родѣ, вмѣстѣ съ ихъ хлѣбомъ, скотомъ, запа- сами вина и масла; онъ снимаетъ еще незрѣ- лые плоды и жатву, чтобы ничто не доста- лось врагу. Мужчинамъ раздаютъ оружіе и усиливаютъ обычный гарнизонъ; женщины бу- дутъ печь хлѣбы и готовить пищу. Строители

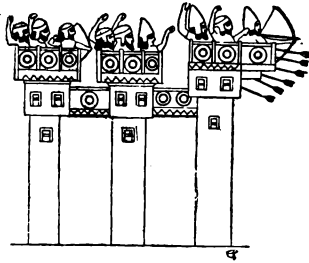

Рис. 61. — Башни съ над- стройками.

надстраиваютъ баш- ни грубыми сооруже- ніями изъ большихъ круглыхъ тростнико- выхъ щитовъ и лег- кихъ деревянныхъ подпорокъ, которыя, располагаются по от- косу передъ зубцами (рис. 61). Воины за- нимаютъ предназна-

ченныя имъ мѣста укрѣпленій, и заготовляютъ средства обороны. Они раскладываютъ по пу- ти слѣдованія дозора голыши для прашниковъ, или кучи камня, чтобы сбрасывать его на не- осторожнаго врага, осмѣлившагося подойти къ подошвѣ стѣны. Дунану, его братъ Самгуну, его союзникъ Паліа, внукъ Меродаха-Баладана, присутствуютъ при послѣднихъ приготовле- ніяхъ, ободряютъ всѣхъ своими рѣчами. „Не-

сомнѣнно врагъ могущественъ, но Шапибель хорошо укрѣпленъ. Онъ не однажды отражалъ уже приступы, отразить и на этотъ разъ, лишь бы его защитники выказали свое обычное мужество. Боги, спасавшіе ихъ понынѣ, не оставятъ ихъ въ этой новой бѣдѣ“.

Ассирійскій передовой отрядъ отправляется на развѣдку къ самымъ стѣнамъ и, найдя ихъ хорошо укрѣпленными, удаляется, пустивъ наудачу нѣсколько стрѣлъ. Начальникъ однихъ воротъ, видя отступленіе, неосторожно пускается въ погоню. Его отрядъ получаетъ отпоръ, разбитъ и возвращается въ безпорядкѣ, оставивъ съ дюжину убитыхъ; самъ онъ опасно раненъ и съ десяткомъ другихъ попадаетъ въ руки непріятеля. Ассирійцы никогда не даютъ пощады въ подобныхъ случаяхъ. Плѣнниковъ приводятъ къ тѣмъ самымъ воротамъ, откуда они часъ тому назадъ вышли, полные боевого пыла; тамъ, на глазахъ у ихъ согражданъ, усѣивающихъ стѣну, ихъ сажаютъ живыми на колъ, а колы вбиваютъ въ землю, достаточно близко, чтобы отъ осажденныхъ не ускользнуло ни одно предсмертное ихъ движеніе, и достаточно далеко, чтобы до страдальцевъ не долетѣла ихъ стрѣла и не освободила отъ мученій. Эта ужасная пытка, одна изъ тѣхъ, какія ассирійцы чаще всего примѣняютъ въ военное время. Отчасти это слѣдствіе ихъ

врожденной жестокости, отчасти обдуманного расчета. Смерть на колу приходитъ медленно: осужденный дожидается иногда по два, по три дня, пока она приметъ его въ свое лоно. Каждый день новые плѣнники претерпѣваютъ подобную же казнь, и какъ бы ни было ко-

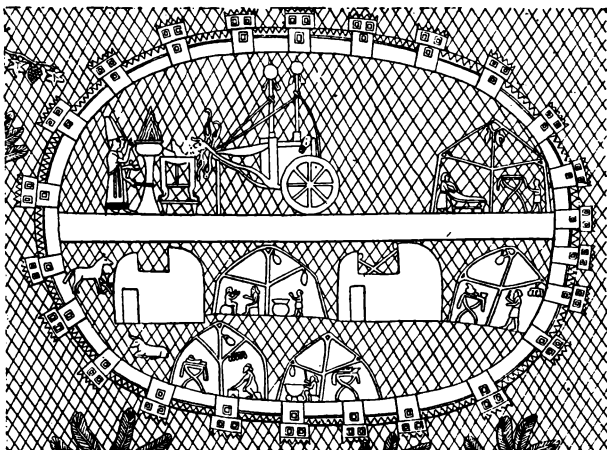

Рис. 62.—Окруженный окопами лагерь ассирійцевъ.

ротко сопротивленіе, колы вырастаютъ въ цѣлый лѣсъ между двумя лагерями. Это плачевное зрѣлище часто подрываетъ мужество и вызываетъ предательство. Однако оно нисколько не ослабляетъ воинственного духа защитниковъ Шапибеля. Ассирійцы, изслѣдовавъ крѣпость съ разныхъ сторонъ, убѣдились, что

взять ее можно только правильнымъ приступомъ, и рѣшились начать осаду.

Первымъ ихъ дѣломъ было разбить въ полѣ, внѣ досягаемости съ укрѣплений, обширный лагерь, окруженный окопами, гдѣ вмѣстилось бы все ихъ войско (рис. 62). У него, по обыкновенію видъ почти правильнаго круга, обнесеннаго кирпичной стѣной съ башнями, какъ настоящій городъ. Каждый воинъ вмѣстѣ съ тѣмъ немного мастеръ своего ремесла: нѣсколько дней, и предпріятіе закончено. Внут-

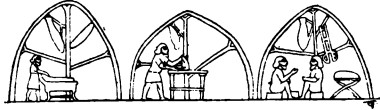

Рис. 63.—Три палатки въ лагерьъ ассирійцевъ.

ренняя площадь подѣлена на участки, гдѣ палатки разставлены правильными рядами, образуя улицы. Одна ихъ часть отведена для богослуженія. На двухъ флагахъ, водруженныхъ на колесницу, изображенъ Ассуръ, всегда присутствующій среди своихъ войскъ; жрецы совершаютъ ежедневно богослуженія съ тѣми же обрядами, какъ и въ святилищахъ Ниневіи. Пока одна часть осаждающихъ отдыхаетъ (рис. 63), остальные ведутъ подготовительныя работы или ходятъ на развѣдки. Отсюда они господствуютъ надъ всѣмъ округомъ и пресѣкаютъ

сообщеніе между городомъ и внѣшнимъ міромъ. Отъ времени до времени какой-нибудь гонецъ пытается пробраться черезъ осадную линію или, плывя на мѣхѣ, проникнуть въ городъ подъ покровомъ ночи. Если онъ схваченъ—его сажаютъ на колъ; если ему это удастся, вѣсти его таковы, что изъ-за нихъ ему не стоило

Рис. 64.—Ассирійскіе пращники.

рисковать жизнью. Царь Вавилона, испугавшись пораженія Тіуммана, отказывается двинуться съ мѣста; мелкія государства Нижней Халдеи слѣдуютъ примѣру вавилонскаго царя, и никто и пальцемъ не шевельнетъ въ пользу Гамбула. Дуна ну одинъ понесетъ все бремя этой войны, которую затѣялъ такъ легкомысленно, по подстрекательству Элама.

Ассирійцы, увѣренные, что никакое вспомогательное войско ихъ не потревожитъ, ведутъ осаду съ правильностью, свойственной всѣмъ ихъ военнымъ дѣйствіямъ. Съ самаго начала они окружили городъ цѣпью пращниковъ (рис. 64) и стрѣлковъ, задача которыхъ поддерживать постоянныя стычки съ защитниками и съ утра до вечера не давать

имъ ни минуты передышки. Къ каждому стрѣлку приставленъ копьеносецъ, который становится его товарищемъ и какъ бы его помощникомъ на все время дѣйствій. Оба они укрываются однимъ большимъ щитомъ изъ тростника, квадратной формы, шести футовъ высоты, который иногда загибается наверху, заостряясь, иногда снабженъ родомъ навѣса подь прямымъ угломъ: ручка, помѣщенная высоко внутри, позволяетъ управлять имъ безъ особеннаго труда. У копьеносца большой щитъ, нѣчто въ родѣ подвижнаго укрѣпленія, защищающій его съ его товарищемъ; подойдя шаговъ на шесть-десять къ стѣнѣ, они останавливаются, ставятъ его на землю, и стрѣлокъ начинаетъ стрѣлять (рис. 65). Стрѣлки Гамбула отвѣчаютъ, прячась за зубцы стѣны или за круглые щиты. Эта борьба хитрости и вниманія съ обѣихъ сторонъ не прекращается ни на минуту: какъ только одинъ изъ противниковъ покажется, въ него вливаются двѣ-три стрѣлы. Навыкъ ассирійцевъ въ этого рода перестрѣлкахъ не всегда спасаетъ ихъ

Рис. 65.—Стрѣлки за щитомъ.

отъ неосторожности, и каждый день они теряютъ нѣсколько человѣкъ.

Между тѣмъ ихъ землекопы подъ этимъ градомъ стрѣлъ проползаютъ къ какимъ-нибудь воротамъ и пытаются прорубить ихъ топорами или поджечь факелами (рис. 66). Тяжелыя створки, окованныя бронзой, выдерживаютъ удары, стража съ сосѣднихъ башенъ осыпаетъ ихъ метательными снарядами, дротиками, копьями, глыбами камня, балками,

Рис. 66. Осада города: посрединѣ ассирійскій воинъ [пытается поджечь факеломъ ворота.

обливаетъ кипяткомъ: несмотря на защиту подбитой войлокомъ одежды, покрывающей ихъ съ головы до ногъ, они вскорѣ вынуждены отступить, и оставляютъ половину своихъ на землѣ. Они возвращаются ночью съ фашинами, просмоленнымъ деревомъ, смолой и сваливаютъ все это у воротъ, чтобы поджечь; потоки льющейся сверху воды гасятъ огонь, и эта вторая попытка оканчивается, какъ и первая, смертью нѣсколькихъ и отступленіемъ

остальныхъ. Получивъ отпоръ съ этой стороны, они идутъ на слѣдующую ночь къ башнѣ на южномъ углу и пытаются сдѣлать подъ нее подкопъ. Они захватываютъ съ собой щиты, подобные щитамъ стрѣлковъ, опираютъ изогнутые концы о стѣну, и подъ этой защитой, какъ черепахи подъ своимъ щитомъ, принимаютъ за нижніе пласты. Осажденные бросаютъ съ высоты укрѣпленій балки или глыбы камня, которыя давятъ ихъ, горящую паклю, которая поджигаетъ ихъ одежду, но ничто не ослабляетъ мужества нападающихъ; наконецъ небольшой отрядъ подъ предводительствомъ самого Дунану дѣлаетъ тайную вылазку черезъ подземный ходъ и, пробравшись у стѣны, захватываетъ ихъ врасплохъ подъ покровомъ темноты, часть ихъ убиваетъ, остальныхъ обращаетъ въ бѣгство, и возвращается живымъ и невредимымъ, со щитами и двумя десятками плѣнниковъ. Взятые тотчасъ же посажены на колъ, и на утро ассирійцы видятъ тѣла своихъ

Рис. 67. Ассирійскій подкопщикъ.

товаришей на городской стѣнѣ. Это безпощадная борьба съ обѣихъ сторонъ, и осажденные, чувствуя себя обреченными, заранѣе мстятъ за ожидающія ихъ пытки.

Все это въ концѣ-концовъ лишь притворныя нападенія, съ цѣлью утомить непріятеля. Пока происходятъ эти стычки на передовыхъ позиціяхъ, строители заканчиваютъ сооруженіе боевыхъ орудій въ лагерѣ. Таранъ давно уже пользуется распространеніемъ во всемъ мірѣ, во всевозможныхъ видахъ: ручной таранъ, представляющій простую, окованную желѣзомъ балку, которую несетъ человѣкъ двадцать, самый первобытный снарядъ для взятія городовъ: таранъ на подставкахъ, гдѣ балка подвѣшена къ деревянному сооруженію, которое ставятъ у подошвы стѣны, и управляютъ имъ посредствомъ веревокъ; наконецъ передвижной таранъ, представляющій изъ себя второй видъ, установленный на четырехъ или шести колесахъ, позволяющихъ подвозить и увозить его по желанію. Его покрываютъ настоящей броней изъ свѣжей бычачьей кожи или грубой шерстяной ткани; онъ закругленъ сверху для предохраненія отъ ударовъ крупныхъ снарядовъ и покрытъ куполомъ или полукуполомъ надъ мѣстомъ, куда привязаны веревки, прикрѣпляющія раскачивающуюся балку. Часто это первобытное прикрытие

обращается въ родъ подвижного укрѣпленія, а куполь въ настоящую башню, куда становятся стрѣлки и воины, чтобы тревожить непріятеля и не давать вражескимъ факеламъ перебросить огонь на орудіе.

Тараны располагаются батареей, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ укрѣпленій, съ расчетомъ попасть одними въ башню, другими въ середину между двумя башнями—самыя слабыя мѣста стѣны. Сравниваютъ участокъ земли, отдѣляющій ихъ отъ стѣны, а тамъ, гдѣ почва недостаточно плотна, настилаютъ плиты, могущія выдержать ихъ тяжесть. Осажденные всѣми силами стараются помѣшать этимъ предварительнымъ работамъ, но остановить ихъ имъ не удастся: орудія, приводимыя въ движеніе сотнями людей каждое, трогаются съ мѣста. Понадобилось два дня, чтобы пройти разстояніе до стѣны. Достигнувъ, наконецъ, должнаго мѣста, они заработали такъ дѣятельно, будто желали наверстать время, потраченное на передвиженіе. По данному знаку служащіе хватаются за концы веревокъ, привязанныхъ къ балкамъ, и всѣ вмѣстѣ тянутъ. Первый размахъ требуетъ всегда большихъ усилій, такъ какъ балка массивна и желѣзо заостреннаго наконечника или четырехугольнаго куска металла на концѣ чрезвычайно тяжело. Однако, она начинаетъ раскачиваться, сперва

медленно, потомъ все съ возрастающими колебаніями, пока не ударяется со всего размаха о препятствіе. Стѣна дрожить, нѣсколько кирпичей вываливаются или крошатся (рис. 68), и послѣдовательные удары пробиваютъ мало-помалу отверстія въ шести мѣстахъ приступа.

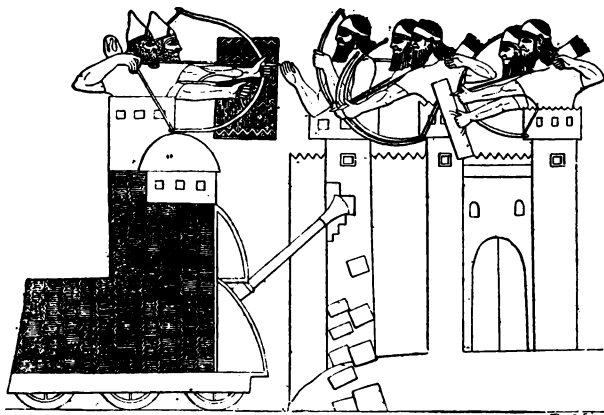

Рис. 68. Башни съ тараномъ пробиваютъ отверстіе въ стѣнѣ.

Гарнизонъ, который не могъ помѣшать работѣ батареи, пытается испортить, по крайней мѣрѣ, орудія или уничтожить ихъ. Спускаютъ цѣпи, мертвыя петли или крюки, коими захватываютъ конецъ балки и останавливаютъ ея движеніе. Осаждающіе сопротивляются, и завязывается состязаніе, которое кончается

иногда въ пользу осажденныхъ (рис. 69). Имъ удается овладѣть балкой или раздавить ее тяжестью огромной глыбы камня. Между тѣмъ на кровли летятъ факелы, горящая пакля, кипящая смола, кипятокъ. Ассирійцы неотступно продолжаютъ приступъ; едва испорченъ одинъ

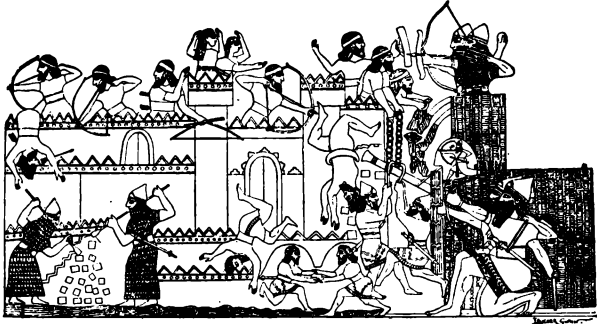

Рис. 69. Картина осады. Направо стрѣлки подъ щитомъ и подвижной таранъ, который осажденные пытаются обезоружить. Посрединѣ два невооруженныхъ землекопа продѣлываютъ отверстіе; налѣво два землекопа въ бронѣ проламываютъ стѣну. На первомъ планѣ течетъ рѣка.

таранъ, они замѣняютъ негодную балку запасной, и черезъ нѣсколько минутъ продолжаютъ свое дѣло.

Смѣняются отряды, приставленные къ орудіямъ, не прекращается градъ стрѣлъ, землекопы разрушаютъ основаніе башенъ, не давая защитникамъ никакой передышкии привлекая

все ихъ вниманіе на эту сторону. Въ то время, какъ идетъ ожесточенный бой у тарановъ, сотня воиновъ, изъ самыхъ отборныхъ, направляется, съ наступленіемъ ночи, въ болото, неся длинныя лѣстницы; нѣкоторые вязнуть, тѣ, кто добрался до стѣны, приставляютъ лѣстницы, которыя оказывается не доходятъ на нѣсколько футовъ до верху; однако они взбираются на плечи товарищей и достигаютъ дозорной площадки. Они убиваютъ часовыхъ, одиноко обходящихъ стѣну, захватываютъ двѣ прилегающія башни и громкими криками даютъ знать о своей удачѣ. Упавшій духомъ гарнизонъ, несмотря на мольбы начальниковъ, сдается: наскоро выломанныя ворота открываютъ путь осаждающимъ, тѣ быстро разсѣиваются по городу и предаются грабежу. Къ восходу солнца нѣсколько отдѣльныхъ кучекъ воиновъ еще оказывали сопротивление; къ полудню битва кончилась, и паденіе Шапибеля увѣнчало, наконецъ, завоеваніе Гамбула.

Все населеніе цѣликомъ было уведено въ Ассирію, а городъ уничтоженъ. Дома сожжены, стѣны послѣдовательно разрушены, пока не осталось отъ нихъ камня на камнѣ; потомъ срубили пальмы и плодовые деревья (рис. 70), прорвали плотины, защищавшія поля, и ихъ обломками запрудили каналы. Ассирія не признаетъ за другими народами права вести съ

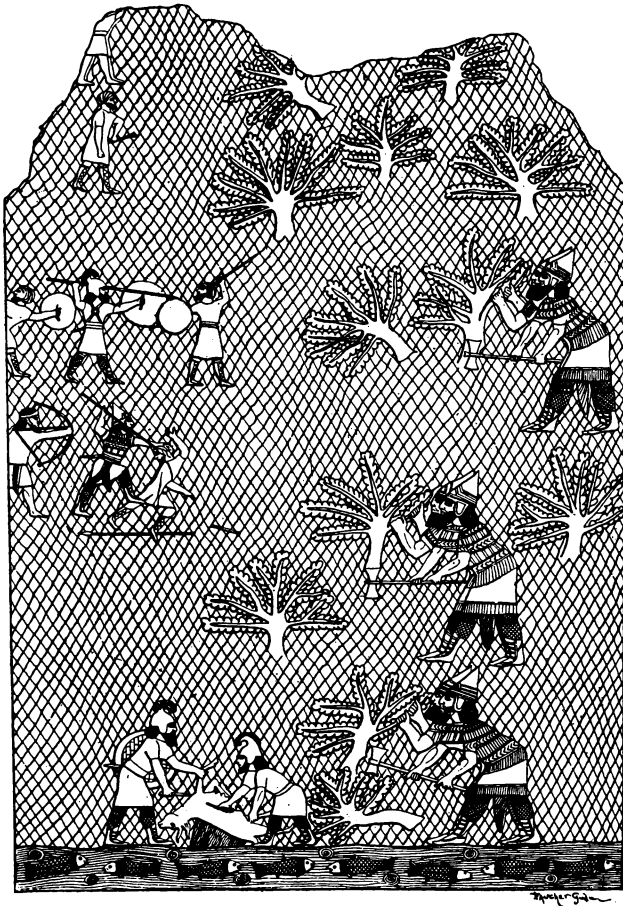

Рис. 70. Ассирійцы рубяць деревья въ непріятельской землѣ.

ней войну: если ей сопротивляются, она считаетъ ихъ мятежниками и богохульниками, для кого нѣтъ слишкомъ жестокой кары. Размѣры наказанія всегда соотвѣтствуютъ оцѣнкѣ ихъ силы, явной или предполагаемой. Она прекращаетъ дѣйствія послѣ битвы при Туллизѣ и довольствуется раздѣломъ Элама на нѣсколько державъ, которыя ей покоряются; дѣло въ томъ, что борьба, доведенная до конца, можетъ обернуться не въ ея пользу, и она не хочетъ злоупотреблять своимъ успѣхомъ или же опасается, что крайность вызоветъ месть. Она стираетъ Шапибель съ лица земли и почти уничтожаетъ народъ Гамбула, такъ увѣрена она въ своей безнаказанности: Гамбуль слишкомъ малолюдень, чтобы одному выставить войско, численностью равное ассирійскому. Гнѣвъ Ассура и Истаръ никогда не бываетъ неосмотрительнымъ: онъ даетъ себѣ волю только по отношенію къ слабымъ, и необузданность, съ какой онъ изливается на нихъ, широко вознаграждаетъ ихъ за временное самообузданіе по отношенію къ сильнымъ.

ГЛАВА X.

П о б ѣ д а.

Ассурбанипаль принимает пословъ Урарти.—Ниневія и ея дворцы.—Побѣда: шествіе съ добычей по улицамъ Ниневіи.—Война есть торговое предпріятіе, обогащающее ассирійцевъ. — Плѣнники.—Казнь побѣжденныхъ вождей.—Пиръ и пьянство ассирійцевъ.— Праздникъ въ гаремѣ и голова Тіуммана.—Побѣдное пѣніе.—Пророчество Нахума Элькошита.

Въ то время, какъ для Ассурбанипала одерживаются побѣды, самъ онъ не бездѣйствуетъ во дворцѣ Арбель. Онъ устраивалъ пирушки, охоты, совершалъ жертвоприношенія Истаръ такъ же часто и даже чаще, чѣмъ его полководцы дѣлали переходы, грабили, давали сраженія. Онъ даже принималъ иностранныхъ пословъ, раскладывалъ передъ ними добычу и хвастался своими побѣдами. Царь Урарти, Руза, послалъ къ нему своихъ вельможъ, чтобы заключить союзъ. Урарти для Ассиріи уже не тотъ сильный врагъ, котораго Тиглатфалассаръ III и Саргонъ съ такимъ трудомъ при-

водили въ повиновеніе: силы ея истощились въ борьбѣ, и пришедшіе съ Запада народы оспариваютъ у нея область Евфрата, гдѣ она владычествуетъ уже два столѣтія. Чтобы противопоставить имъ всѣ свои силы, Руза хочетъ быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ со своимъ ниневійскимъ сосѣдомъ; дружба или по меньшей мѣрѣ безразличіе Ассиріи стоитъ нѣсколькихъ подарковъ и нѣсколькихъ лестныхъ выраженій, даже подчиненія. Ассурбанипаль оказываетъ посламъ публичный пріемъ и показываетъ имъ сузскихъ пословъ, Умбадару и Набудамика, въ цѣпяхъ. Это живой урокъ той опасности, которая грозитъ навлекшему гнѣвъ его, а слѣдовательно, и преимуществъ для иноземныхъ государей располагать его благоволеніемъ. Армяне отбываютъ, принявъ это къ свѣдѣнію, и Ассурбанипаль послѣ ихъ отъѣзда возвращается къ своей изнѣженной и полной наслажденій жизни.

Между тѣмъ съ каждымъ днемъ являются все новые гонцы и приносятъ все новыя извѣстія объ успѣхахъ — прибытіе въ Дурилу, быстрое отступленіе эламитовъ, побѣда при Туллизѣ, смерть Тіуммана, вступленіе на престоль Умманигаша и Таммариту, осада и взятіе Шапибеля, скорое возвращеніе побѣдителей съ ихъ добычей. По обычаю, цари, возвращаясь съ войны, торжественно вступаютъ

въ столицу: во главѣ шествія идутъ плѣнники, за ними племена покоренныхъ странъ, и празднество завершается казнью главныхъ вождей возстанія. Ассурбанипаль велитъ сдѣлать всѣ нужныя для торжества приготовленія; въ назначенный день онъ становится во главѣ побѣдоноснаго войска и направляется въ Ниневію. Столица Ассиріи не была, подобно Дурь-Шарукину, построена сразу, по опредѣленному плану. Она образовалась на протяженіи многихъ лѣтъ, медленнымъ ростомъ населенія и построекъ, и все еще сохраняетъ безпорядочный видъ старыхъ временъ. Она стоитъ на лѣвомъ берегу Тигра, при слияніи этой рѣки съ Хусуромъ, и представляетъ очертанія неправильной трапеціи, больше растянутой въ длину, чѣмъ въ ширину. Часть, которая тянется вдоль берега, защищена одной только стѣной. Одна стѣна прикрываетъ ее и съ сѣверной стороны, гдѣ по глубокому рву протекають воды Хусура. Южные кварталы, обращенные къ равнинѣ и незащищенные никакой естественной преградой, ограждены отъ нападенія враговъ искусственными повышеніями и пониженіями почвы. Сначала идетъ первая стѣна, сходная съ двумя предыдущими и подобно имъ обнесенная рвомъ; потомъ передъ рвомъ сооруженіе въ видѣ полумѣсяца, изъ двухъ толстыхъ стѣнъ и второго рва,

такой же ширины, какъ и первый. Дорога изъ Арбель пересѣкаетъ эти укрѣпленія и приводитъ прямо къ искусственному кургану, гдѣ расположенъ южный дворецъ, старая резиденція древнихъ царей, великолѣпно отстроенная Сеннахерибомъ. Слѣды Сеннахериба остались во всей Ниневіи. Онъ снабдилъ ее водопроводами, приносящими чистую, свѣжую воду съ сосѣднихъ холмовъ, построилъ кирпичныя набережныя на Тигрѣ и, наконецъ, соорудилъ у одного изъ извивовъ Хусура самый, быть можетъ, красивый изъ ассирійскихъ дворцовъ, гдѣ послѣ него возсѣдали его сынъ Эсаргaddonъ и внукъ Ассурбанипаль. Они велѣли изобразить на его стѣнахъ картины изъ ихъ охотъ и побѣдъ, а Ассурбанипаль помѣстилъ здѣсь большое книгохранилище, въ которомъ собраны сочиненія старинныхъ и новѣйшихъ писателей.

Расположеніе ниневійскихъ дворцовъ приблизительно такое же, какъ во дворцѣ Саргона въ Дуръ-Щарукинѣ. Туда входятъ по наклоннымъ плоскостямъ и двойнымъ лѣстницамъ, сдѣланнымъ въ искусственномъ курганѣ.

Наружный ихъ видъ носить тотъ же характеръ крѣпости, съ зубцами и башнями. Ворота украшены большими шестами и окаймлены двумя рядами крылатыхъ быковъ. Отдѣльныя помѣщенія для гарема сообща-

ются немногими узкими дверями съ остальнымъ зданіемъ: къ нему прилегаютъ сады, гдѣ кипарисы и кедры чередуются съ виноградниками и клумбами цвѣтовъ. Наконецъ на одномъ изъ угловъ высится башня уступами, какъ бы простирая благословіе боговъ на весь городъ, лежащей у ея подножья. Ассирійцы неохотно разнообразятъ общій видъ и расположеніе своихъ сооруженій. Они считаютъ хорошимъ то расположеніе, которое унаслѣдовано ими отъ предковъ, и строго придерживаются его, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Однако въ чужихъ странахъ они видали множество образцовъ строительнаго

Рис. 71. Грифонъ въ египетскомъ стилѣ.

искусства, которымъ болѣе свободный отъ преданій народъ былъ бы склоненъ подражать. Они побѣдоносно вступили во дворцы царей Хити и заимствовали у нихъ возведеніе стѣнъ изъ камня до самаго верху; но этимъ они и ограничились, и дворцы въ духѣ Хити, какъ они говорятъ, это тѣ же халдейскія зданія, только изъ камня, вмѣсто кирпича. Они знаютъ храмъ Іеговы въ Іерусалимѣ и Мелькарта въ Тирѣ; они ограбили громадныя

святилища Фта въ Мемфисѣ, Амона въ Оивахъ, и имъ не пришло въ голову срисовать ихъ. Эсаргаддонъ взялъ у Египта только его грифоновъ, увѣнчанныхъ дискомъ Ра (рис. 71), и во дворцѣ Ассурбанипала можно встрѣтить фигуры, гдѣ туловище египетскаго льва довольно неуклюже сочетается съ крыльями и человѣческой головой старинныхъ быковъ. За этими исключеніями и теперь еще продолжаютъ строить по правиламъ, установленнымъ

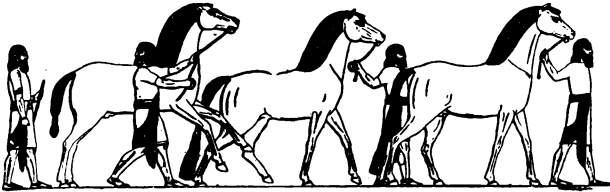

Рис. 72. Шествіе коней.

халдеями, и если бы строители Іудеи вышли изъ могилъ, они могли бы приписать самимъ себѣ новѣйшія произведенія современныхъ зодчихъ.

Войска проходятъ по улицамъ при кликахъ толпы, за ними слѣдуютъ плѣнники и добыча, потомъ царь на колесницѣ, за нимъ снова воины. Начало шествія уже достигаетъ дворца, когда послѣдніе ряды находятся еще за воротами или вступаютъ въ предмѣстья. Богатство

военной добычи вызываетъ всеобщее восхищеніе. Шествіе открываютъ колесницы и всѣ боевые снаряды Элама, лошади сузской конницы и мулы царскаго обоза, которыхъ ведутъ въ поводу, взнузданными и покрытыми попонами, словно готовыми къ выѣзду (рис. 72). Онѣ такой же породы, какъ и ассирійскія ло-

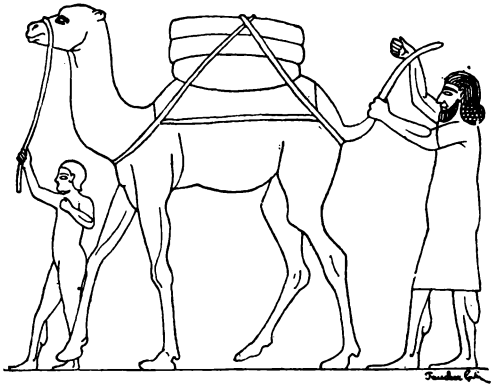

Рис. 73. Верблюды и его вожатые.

шади, но значительно отличаются отъ египетскихъ, какъ это утверждаютъ всѣ тѣ ниневійцы, которые присутствовали при торжествѣ Ассурбанипала, послѣ его побѣдъ надъ фараономъ Тагарху и его зятемъ, Урдamani. Голова небольшая, но прекраснаго строенія, съ широко раздутыми ноздрями, живыми глазами, шея крутая и довольно крѣпкая, туловище тяже-

лое, ноги тонкія и мускулистыя. За конями слѣдуютъ нѣсколько верблюдовъ, захваченныхъ въ Гамбулъ (рис. 73). Эти странныя животныя происходятъ изъ Аравіи, гдѣ ихъ примѣняютъ для переноски тяжестей и переходовъ черезъ пустыню. У нихъ всего одинъ горбъ, въ противоположность верблюдамъ Востока, съ двумя горбами, которыхъ иногда варвары Мидіи приводятъ въ Ниневію, какъ диковину. Число быковъ и мелкаго скота убыло по пути, отъ границъ Элама и Гамбула до воротъ столицы. Многіе изъ нихъ съѣдены войскомъ и плѣнниками, многіе погибли отъ утомленія или отъ зубовъ хищныхъ звѣрей. Тѣхъ, что уцѣлѣли, все еще такъ много, что только часть ихъ пускаютъ въ шествіе: остальные остаются за городомъ, на попеченіи пастиуховъ, въ ожиданіи распредѣленія ихъ между царскимъ имуществомъ и воинами, участвовавшими въ походѣ.

За животными слѣдуютъ невольники, неся утварь и драгоценности, взятая у побѣжденныхъ,—золотыя и серебряныя статуи боговъ, сосуды для жертвоприношеній, треножники и кресла изъ чеканной бронзы, всѣ сокровища Дунану, всѣ богатства обитателей Шапибеля. Тутъ насчитываются тысячами слитки серебра и золота, куски олова, желѣза и бронзы, одежды изъ шерсти или полотна. И все это

результатъ одного только похода, добыча, взятая разграбленіемъ нѣсколькихъ округовъ Элама и маленькой страны Гамбуль. А что же, когда дѣло идетъ о такомъ городѣ, какъ Тиръ, или о такомъ народѣ, какъ египтяне? Вотъ когда можно понять любовь ассирійцевъ къ войнѣ и то, почему ихъ цари сосредоточили всѣ свои силы на завоеваніяхъ. Это вовсе не грубая воинственность или безкорыстная погоня за славой: это нѣчто болѣе положительное. Это жажда извлечь выгоду и разбогатѣть. Одни народы пускаются въ плаваніе, чтобы завязать торговлю съ варварами за моремъ, другіе занимаются земледѣліемъ, третьи ищутъ возможности честнаго заработка въ промышленности и мелкой торговлѣ: ассирійцы же ведутъ войну. Война питаетъ ихъ, война ихъ одѣваетъ, война избавляетъ ихъ отъ необходимости имѣть у себя промышленность, война замѣняетъ имъ торговлю или, точнѣе, война для нихъ лишь торговое предпріятіе, въ которое они вкладываютъ воиновъ и коней, чтобы получить все остальное. Они бились въ Халдеѣ, въ Сиріи, въ Эламѣ, въ Арменіи, въ Египтѣ, въ Мидіи, они будутъ биться гдѣ угодно, лишь бы наполнить свои сундуки и собрать въ сокровищницы своихъ государей богатства всего свѣта.

Плѣнники сплоченными рядами идутъ за носильщиками добычи. Первые ряды состоятъ изъ музыкантовъ и музыкантшъ, которые принадлежали Дунану и пѣли передъ нимъ въ дни его величія, когда онъ торжественно шествовалъ по улицамъ Шапибеля. Съ арфой въ рукѣ и двойной флейтой у рта, они идутъ и теперь, играя и повторяя свои прежнія пѣснопѣнія, но подъ надзоромъ ассирійскихъ воиновъ, при насмѣшливыхъ одобреніяхъ толпы. За ними идутъ эламиты и то, что осталось отъ населенія Гамбула. У ассирійцевъ нѣтъ, какъ у египтянъ, обычая скручивать плѣнниковъ въ неудобныхъ и жестокихъ положеніяхъ, стѣсняющихъ движенія и дѣлающихъ изъ нихъ какія-то уродливыя и смѣшныя куклы. У нѣкоторыхъ изъ нихъ есть кандалы на рукахъ и ногахъ, но большинство не заковано. Они идутъ, безъ различія сословія и пола, благородный рука объ руку съ простолюдиномъ, женщины съ мужчинами, всѣ смѣшанные въ общемъ позорѣ и общемъ рабствѣ. Ихъ одежда, покрытая грязью и пылью, представляетъ изъ себя лохмотья безъ покроя, безъ цвѣта, едва прикрывающіе ихъ. Дѣти, слишкомъ малыя, чтобы понять ужасъ своего положенія, съ испугомъ и любопытствомъ смотрятъ на эту тѣснящуюся вокругъ нихъ толпу. Молодыя дѣвушки и женщины со страхомъ спрашива-

ють себя, что съ ними будетъ при раздѣлѣ добычи и въ чьи руки попадутъ онѣ, грубыхъ ли воиновъ, ставъ ихъ забавой, или высокопоставленныхъ военачальниковъ, гдѣ встрѣтять, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое довольство и роскошь, къ которымъ онѣ привыкли. Бывали случаи, что даже сами цари влюблялись въ плѣнницъ, которыхъ влачили за своей побѣдоносной колесницей, и не одна чужеземка вступила въ ассирійскій гаремъ рабыней, а потомъ царила въ немъ какъ жена. Мужчины, бывшіе раньше вольными, держатся боязливо и мрачно. Сильные и владѣющіе оружіемъ надѣются, что ихъ скоро замѣтятъ и примутъ въ войско: военная служба ихъ не пугаетъ, и они предпочитаютъ биться за побѣдителей, чѣмъ обрабатывать ихъ поля и нести унижительную службу домашней прислуги. Невольники по происхожденію безпечны и почти веселы. Служить такъ служить, не все ли равно, будетъ ли это въ Ниневіи или въ Шапибелѣ; условія ихъ работы не мѣняются, мѣняется только хозяинъ, и многіе не скрываютъ жестокой радости при видѣ униженія и покорности своихъ бывшихъ господъ.

Одна группа привлекаетъ особенное вниманіе ниневійцевъ и вызываетъ восклицанія: это группа главныхъ вождей, захваченныхъ въ битвѣ при Туллизѣ и во время похода въ

Гамбуль—Дунану, его братъ Сангуну, Паліа, Набузалли, ихъ жены и дѣти. У Дунану на шеѣ виситъ голова Тіуммана. Быть можетъ, въ глубинѣ души онъ завидуетъ судьбѣ своего союзника, который, по крайней мѣрѣ, палъ на полѣ битвы и которому уже нечего бояться людей; но его походка и черты лица ничѣмъ не выдають того, что онъ думаетъ. Онъ идетъ, держась прямо, не глядя по сторонамъ, съ безстрастнымъ лицомъ и гордо закинутой головой; кажется, будто онъ ничего не видитъ и не слышитъ, ни толпы, ни оскорбленій, ни своихъ женъ, которыя жалуются и оплакивають его. Сегодня утромъ, когда ему подвѣшивали на шею голову Тіуммана, палачъ прокалывалъ губы или носъ его родственникамъ, продѣвалъ кольцо и веревку, какъ это дѣлають съ быками, и передавалъ каждыаго изъ этихъ несчастныхъ воину. Время отъ времени ихъ вожатый дергаетъ за нее, но съ такимъ вѣрнымъ расчетомъ, чтобы, причиняя ужасную боль, не вырвать ни куска тѣла. Они, какъ и ихъ вождь, не теряють присутствія духа, во всѣ долгіе часы, пока длится шествіе; и развѣ не такъ же поступили бы они съ Ассурбанипаломъ и его близкими, если бы удача была на ихъ сторонѣ и они бы взяли Ниневію? Всѣ народы на свѣтѣ, даже сами египтяне, которые слывуть

мягкими, любятъ пытатъ осужденныхъ прежде, чѣмъ предатъ ихъ казни; простая смерть, отъ меча или палицы, повѣшеніе, утопленіе, казни, убивающія быстро и почти безъ страданія, не считаются истиннымъ наказаніемъ: это настоящая милость, на которую скупаются—отправить на тотъ свѣтъ челоуѣка однимъ ударомъ, не давъ ему прочувствовать смерти. Мятежникъ и обыкновенный преступникъ не имѣютъ права на такое снисхожденіе; нужно, чтобы они чувствовали боль до конца и долго призывали смерть прежде, чѣмъ умереть.

Умбадара и Набудамикъ были, по распоряженію Ассурбанипала, помѣщены на дворцовой площади, и съ отчаяніемъ и бѣшенствомъ въ душѣ смотрѣли на шествіе. При видѣ головы Тіуммана, они не могли сдержать отчаянія. Тіумманъ, жестокій и безсовѣстный по отношенію къ врагамъ, былъ для друзей добрымъ и великодушнымъ властелиномъ. Умбадара вырвалъ у себя бороду и разразился рыданіями; Набудамикъ обнажилъ оставленный ему мечъ и закололся. Голова Тіуммана была выставлена надъ главными воротами Ниневіи, и всѣ входившіе и выходившіе смотрѣли на нее и осыпали проклятіями. Дунану былъ ободранъ заживо (рис. 74) и, весь трепещущій, брошенъ въ печь. Другіе побиты камнями, нѣкоторымъ царь собственно

ручно выкололъ глаза: онъ заставлялъ ихъ становиться передъ собой на колѣни, поднималъ имъ голову, дергая за кольцо, продѣтое черезъ ихъ губы, и прокалывалъ глаза концомъ своего дротика. Ослѣпленный Самгуну былъ закованъ въ цѣпи у однихъ изъ городскихъ воротъ, среди дикихъ кабановъ, выставленъ на поруганіе прохожихъ и питался тѣмъ, что бросали ему изъ жалости, какъ собакѣ. Набузалли, Паліа и многіе другіе, послѣ пытокъ въ Ниневіи, были отправлены

Рис. 74. Сдираніе кожи съ плѣнника.

въ Арбелы, чтобы быть принесенными въ жертву Истаръ и умереть передъ ней. Они были ободраны живыми, ихъ трупы порѣзаны на куски, и куски разсѣяны по областямъ, чтобы показать, какъ царь умѣетъ карать мятежниковъ. Какъ всѣ ассирійскія побѣды, торжество Ассурбанипала завершилось продолжительной бойней.

Послѣ шествія наступило пьянство всего населенія. По обычаю, всѣ жители города, свободные и рабы, пьютъ и ѣдятъ на счетъ царя во все время, пока длятся празднества: это

способъ удѣлять имъ ихъ долю добычи. Семь дней подъ рядъ ворота дворца открыты для каждаго. Цѣнныя ткани, протянутыя на канатахъ отъ одной стѣны до другой, превратили дворы въ огромные пиршественные залы. Съ утра до вечера входитъ и выходитъ толпа народу, располагается на парадныхъ ложахъ или на стульяхъ и требуетъ чего угодно: рабамъ данъ приказъ не отказывать ни въ чемъ и приносить всякому, чего онъ пожелаетъ и сколько пожелаетъ. Женщины и дѣти допускаются къ угощенію, какъ и мужчины. Не забыты и воины, которыхъ ихъ служба удерживаетъ въ казармахъ: царь посылаетъ имъ мяса и вина, за которыми они не могутъ прійти сами, въ такомъ количествѣ, что жалѣтъ имъ не о чемъ. Тысячами исчезаютъ хлѣбы, тысячами поглощаются быки, бараны, козы, всякаго рода птица, и, однако, все, что съѣдается, кажется ничѣмъ въ сравненіи съ тѣмъ, что выпивается. Ассиріецъ, довольно умѣренный въ обыденной жизни, не знаетъ удержа, когда рѣшаетъ пировать. Вина Ассиріи и Халдеи, вина Элама, вина Сиріи и Финикіи, вина Египта, амфоры и мѣха, едва открытые, тотчасъ же опустошаются, и всеобщая жажда словно остается неутоленной. Послѣ одного, двухъ дней не найдется ни одной трезвой головы, которая бы не сдалась, и тогда

Ниневія являетъ необычайное зрѣлище сплошь пьянаго города, въ разныхъ степеняхъ опьяненія; по окончаніи праздника должно пройти еще нѣсколько дней, пока все придетъ въ обычный видъ. Это было бы самымъ благоприятнымъ временемъ для внезапнаго нападенія непріятели, когда безпорядокъ достигаетъ крайнихъ своихъ предѣловъ, и войско,

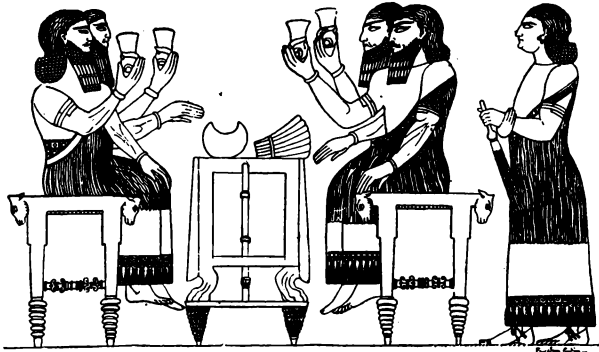

Рис. 75. Гости царя пьютъ за столомъ.

какъ и весь народъ, утрачиваетъ всякое сознание. Преданіе гласитъ, что ни одинъ могущественный городъ погибъ такимъ образомъ, среди пиршества, не имѣя силъ сопротивляться.

Въ то время, какъ народъ упивается, въ дворцовыхъ залахъ Ассурбанипаль чествуетъ главныхъ начальниковъ дворца и государственныхъ правителей. Они сидятъ на двойныхъ

стульяхъ, по два съ каждой стороны небольшого стола, лицомъ къ лицу (рис. 75). Стулья высокіе, безъ спинки и безъ скамейки, чтобы опереться или поставить ноги: честь вкушать вмѣстѣ съ царемъ всегда выкупается нѣкоторой усталостью. Столы накрыты скатертями

Рис. 76. Невольники приносятъ плоды.

съ бахромой, на которыя невольники ставятъ блюда. Какъ и люди изъ простонародья, вельможи ѣдятъ мало; имъ подаютъ немного мяса, но вереницы рабовъ неустанно приносятъ пироги и всевозможные плоды — виноградъ, финики, яблоки, груши, смокву (рис. 76 и 77). Пьютъ они зато много, съ большей

утонченностью, чѣмъ простонародье, но съ не меньшей жадностью. По случаю торжества, царь отпустилъ имъ самые цѣнные сосуды изъ своей сокровищницы, золотыя и серебряныя чаши, большую часть литыя и рѣзныя, въ формѣ львиной головы. Многие изъ нихъ

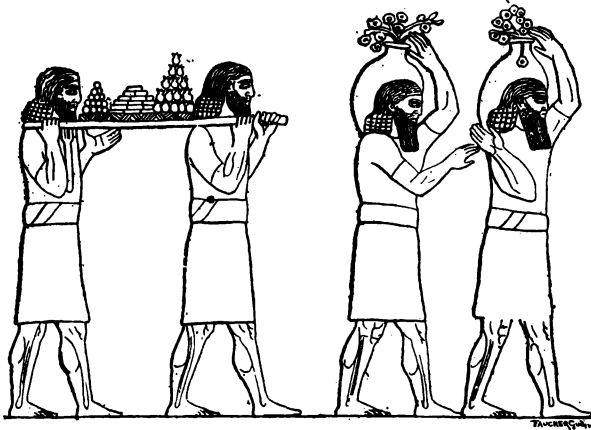

Рис. 77. Невольники приносят вина, пироги и плоды.

были священными ковчегами, которые жрецы покоренныхъ народовъ употребляли для жертвоприношеній: одни происходятъ изъ Вавилона или Каркемиша, другіе взяты въ Тирѣ или Мемфисѣ, третьи принадлежали храму Самаріи или Іерусалима. Такое ихъ примѣненіе есть оскорбленіе обладавшихъ ими боговъ, и

къ наслажденію напиткомъ прибавляется радость униженія передъ Ассуромъ этихъ чужеземцевъ, дерзавшихъ оказывать ему сопротивление.

Вина, даже самыя тонкія, подаются не такими, какими они являются изъ погребовъ. Ихъ смѣшиваютъ съ благовоніями и различными пряностями, которыя сообщаютъ имъ

Рис. 78. Виночерпїи берутъ вино изъ чаши.

превосходный запахъ и дѣлаютъ крѣпче. Эти приготовленія происходятъ въ залѣ, на глазахъ у пьющихъ. Стоя у стола, евнухъ растираетъ въ каменной ступѣ опьяняющія вещества, направляя ихъ иногда какимъ-нибудь зельемъ. Тѣмъ временемъ его товарищи выливаютъ содержимое амфоръ въ большія чаши изъ чеканнаго серебра, доходящія имъ по грудь; когда благовонное тѣсто готово, они раскладываютъ

его по частямъ въ каждую изъ чашъ и старательно распускаютъ его. Виночерпїи подходят съ кубками, зачерпываютъ и подносятъ гостямъ (рис. 78). Даже и часовые получаютъ свою долю и, съ копьемъ или палицей въ рукахъ, пьютъ стоя на часахъ (рис. 79). Только тѣ не пьютъ вовсе или пьютъ мало, кого необходимость заставляетъ сохранять свое

Рис. 79. Часовые съ чашами въ рукахъ.

сознаніе, евнухи, обмахивающіе гостей, служащіе и музыканты. Никакой праздникъ не былъ бы совершеннымъ, если бы онъ не сопровождался пѣніемъ, и царскіе музыканты добросовѣстно исполняютъ свои лучшія вещи. Быть можетъ кто нибудь еще слушалъ ихъ вначалѣ; но послѣ того,

какъ чаши нѣсколько разъ наполнялись и пустѣли, ихъ музыка пропадаетъ даромъ. Они свободно могли бы пѣть невѣрно или совсѣмъ не пѣть, никто не замѣтилъ бы этого и не подумалъ бы обижаться.

Ассурбанипаль предсѣдательствовалъ за первымъ изъ этихъ пировъ; онъ соблаговолилъ самъ испить отъ вина, приготовленнаго для его вельможъ, а потомъ удалился въ га-

ремъ, чтобы тамъ провести праздничные дни. Домъ женщинъ выходитъ въ одинъ изъ тѣхъ садовъ, засаженныхъ сикоморами, кипарисами и тополями, которые для ассирійскихъ царицъ, обреченныхъ по своему сану на строгое затворничество, замѣняютъ природу; фонтаны, поднимающіе воду при помощи машинъ изъ Хусура до верха холма, бьютъ здѣсь среди деревьевъ. Царица хочетъ тоже

Рис. 80. Ассурбанипаль пьетъ вмѣстѣ съ царицей въ садахъ гарема; голова Туумана повѣшена на одной изъ вѣтокъ второго дерева слѣва.

отпраздновать побѣду Ассиріи; она просила своего мужа прійти выпить съ ней, и онъ милостиво принялъ приглашеніе, которое она высказала съ трепетомъ. Пиршественное ложе, съ матрацомъ и шитыми покрывалами, поставлено подъ тѣнью сквозной бесѣдки; у изголовья столикъ съ золотой посудой, по лѣвую сторону ложа, противъ столика, высокое кресло со спинкой и приступкой, на которомъ царицы имѣютъ право сидѣть въ при-

существованіи своего владыки и повелителя (рис. 80). Царь ложится, беретъ кубокъ, полный благоухающаго вина и, поднимая взоры, видитъ подвѣшенный къ вѣткѣ дерева какой-то неопредѣленный предметъ темнаго цвѣта. Это голова Тіуммана, за которой царица послала къ воротамъ Ниневіи: она велѣла повѣсить ее у себя въ саду, чтобы Ассурбанипаль все время видѣлъ ее, и радость его возрастала. Онъ смотритъ, насмѣшливо привѣтствуетъ голову врага кубкомъ, опять смотритъ и не можетъ насытить ею своихъ взоровъ, а за его спиной музыканты дома женщинъ поютъ ему славу подъ аккомпанементъ арфы.

Придворный пѣвецъ вложилъ въ собственныя уста героя повѣсть о его жизни и подвигахъ, со дня его рожденія до часа торжества. „Среди радости и ликованія вступилъ я въ гаремъ, великолѣпный покой, святилище царственности, гдѣ Сеннахерибъ, отецъ отца моего отца, былъ нѣкогда сыномъ царя, потомъ царемъ, гдѣ Эсаргадонъ, отецъ, что породилъ меня, родился, выросъ и царилъ властелиномъ Ассиріи, гдѣ были зачаты всѣ цари и гдѣ возростало семейство ихъ, мальчики и дѣвочки, гдѣ, наконецъ, я, Ассурбанипаль, питался мудростью Нэбо, гдѣ я позналъ науку письменности при помощи всѣхъ уче-

ныхъ, гдѣ научился я стрѣлять изъ лука, ѣздить верхомъ, править колесницей, держать вожжи. По велѣнію великихъ боговъ, коихъ имя я призывалъ всегда, коихъ славу я возносилъ всегда, и что повелѣли мнѣ облечься саномъ царя, я направилъ всѣ свои старанія на обогащеніе храмовъ, и вотъ почему они осыпали меня щедротами и склонили враговъ подъ иго мое. Я мужественный боецъ, любимецъ Ассуръ и Истаръ, дитя царское. Съ тѣхъ поръ, какъ Ассуръ, Синъ, Богъ-Луна, Шамашъ, Богъ-Солнце, Ададъ, Бэлъ, Нэбо, Истаръ изъ Ниневіи, Истаръ изъ Арбель, Адаръ, Нергалъ, Нуски взяли меня подъ свое покровительство, Ададъ всегда изливалъ на меня оплодотворяющіе дожди, Эа всегда открывалъ мнѣ таинственную цѣлебность своихъ водъ, и хлѣба достигали пяти локтей въ вышину, а колосья почти локтя въ длину; въ царствованіе мое изобиліе лилось черезъ край, въ теченіе всѣхъ годовъ моей жизни благодать божья изливалась на меня какъ обильная роса. Боги вознесли меня превыше всѣхъ царей, бывшихъ до меня; пока Ассуръ и Истаръ даютъ мнѣ свою поддержку, что можетъ одолѣть меня? Могущество мое утверждено навѣки ихъ рукой и продолженіе рода моего установлено на долгіе дни и на годы безъ конца!“

* * *

Въ то же время Нахумъ Элкошить, іудейскій пророкъ, былъ осѣненъ видѣніемъ, касавшимся Ниневіи, и слово Предвѣчнаго вошло въ него, говоря ¹: „Горе тебѣ, городъ кровавый, исполненный обмана, преступленій, не прекращающихся грабежей! — Слушайте! Бичь! Слушайте! шумъ колесъ, конскій топоть и грохотъ колесницъ! Всадники мчатся, мечъ сверкаетъ, сѣкира блеститъ. Убитыхъ множество и груды труповъ! Мертвымъ нѣтъ конца; всюду спотыкаются о трупы ихъ. И все это по грѣхамъ этого развратнаго города, этой красивой и искусной въ чародѣяніи обольстительницы, что соблазняла народы своими ласками и племена своими чарами!

Я здѣсь! теперь очередь за тобой! сказалъ Іегова Саваоѣ; я подниму на лице твое края одежды твоей, дабы явить народамъ безчестіе твое, и царствамъ стыдъ твой. Я закидаю тебя отбросами, я заплюю тебя, я сдѣлаю тебя посмѣшищемъ, и кто увидитъ тебя побѣжитъ отъ тебя со словами: „Ниневія разру-

¹ Приведенный здѣсь переводъ пророчества Нахума, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, заимствованъ изъ перевода Рейсса.

шена!“ Кто станетъ жалѣть о ней? Гдѣ искать ей утѣшителя?

„Больше ли ты стоишь, чѣмъ Оивы, градъ Амона, что на Нилѣ, окруженный водой, которому море служило оплотомъ и озеро стѣной? Эѳіопія была силой ихъ, и египтяне безъ числа, Ливія и Нубія приходили на помощь имъ. И все же изгнаны они и въ плѣну; и дѣти ихъ были раздавлены на улицахъ, и знатныхъ ихъ по жребію уводили въ рабство, и всѣ вельможи ихъ были закованы въ цѣпи.

„И ты также выпьешь кубокъ горечи до дна, и будешь лежать безъ чувствъ, и ты станешь искать прибѣжища, куда бы укрыться отъ врага. Всѣ твои крѣпости будутъ какъ скороспѣлая смоковница: потрясти ее, и плоды сами упадутъ въ ротъ. Видишь ли, войско твое простая толпа женщинъ. Ворота земли твоей сами растворяются передъ врагомъ и огонь поглощаетъ засовы, что замыкали ихъ.

„Черпай воду для осады! Укрѣпляй твои стѣны! Топчи и мѣси глину! Исправь печь для обжиганія кирпичей! Тамъ огонь поглотитъ тебя, мечъ опустошитъ тебя; онъ изложетъ тебя, какъ саранча и какъ гусеница! Твои купцы были многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ! Саранча опустошаетъ и улетаетъ.

„Твои воины были какъ саранча, твои военачальники какъ рой мошекъ гнѣзятся въ щеляхъ, пока холодно: взойдетъ солнце, они исчезаютъ и никто не знаетъ больше, гдѣ они. Твои пастухи заснули навсегда, о царь Ассур! Твои воины успокоились навѣки, твой народъ разсѣялся по горамъ, и нѣтъ никого больше, чтобы собрать его.

„Нѣтъ исцѣленія язвѣ твоей, рана твоя смертельна. Всѣ, кто слышитъ о тебѣ, радуются судьбѣ твоей: ибо кто же не испытывалъ непрестанно на себѣ злобы твоей?“

Рисунки въ текстѣ.

	<i>Стр.</i>
Рис. 1. Царское жертвоприношеніе	11
„ 2. Ворота въ Дурь-Шарукинѣ	14
„ 3. Перенесеніе быка	16
„ 4. Крылатый быкъ	17
„ 5. Ассирійскій домъ	18
„ 6. Царскій дворець въ Дурь-Шарукинѣ .	21
„ 7. Триумфальныя ворота при входѣ во дворець	22
„ 8. Ворота въ гаремъ Дурь-Шарукина . . .	26
„ 9. Спальня гарема въ Дурь-Шарукинѣ . .	27
„ 10. Царскій тронъ на колесахъ	30
„ 11. Башня уступами въ Дурь-Шарукинѣ . .	35
„ 12. Рабъ мѣситъ тѣсто	41
„ 13. Юго-западный Вѣтеръ, бронзовая статуэтка	44
„ 14. Писецъ	50
„ 15. Ассирійскіе цилиндры	54
„ 16. Смерть и Адъ	79
„ 17. Халдейскій гробъ изъ обожженной глины	83
„ 18. Халдейская гробница круглой формы .	83
„ 19. Внутренность халдейской могилы . . .	84
„ 20. Охота на дикаго осла	99

	<i>Стр.</i>
Рис. 21. Шествіе Ассурбанипала	100
„ 22. Переправа царя черезъ рѣку	101
„ 23. Пѣхотинцы надувають мѣха	101
„ 24. Переправа на раздутыхъ мѣхахъ	102
„ 25. Царская палатка	103
„ 26. Царская конюшня	103
„ 27. Царь убиваетъ зубра кинжаломъ	107
„ 28. Царь возноситъ благодарственную мо- литву богинѣ Истаръ	108
„ 29. Собака для охоты на льва	113
„ 30. Царь на скаку пускаетъ стрѣлу въ льва	114
„ 31. Смерть львицы	114
„ 32. Раненый левъ	115
„ 33. Царь поражаетъ льва копьемъ	116
„ 34. Нападеніе льва на царскую ладью	117
„ 35. Перенесеніе льва въ лагерь	118
„ 36. Левъ, выходящій изъ клѣтки	120
„ 37. Кусокъ ассирійскаго шитья	127
„ 38. Царское ожерелье	130
„ 39. Ассирійскій мечъ	130
„ 40. Царь въ парадной одеждѣ	131
„ 41. Царь на престолѣ	132
„ 42. Эламитскій вельможа	135
„ 43. Гильгамешъ, удушающій льва одной рукой	172
„ 44. Ассирійское знамя	205
„ 45. Нападеніе ассирійскихъ всадниковъ	207
„ 46. Появленіе ассирійской конницы въ го- рахъ	209
„ 47. Эламитская боевая колесница	210
„ 48. Эламитскіе стрѣлки	210
„ 49. Городъ Сузы	211
„ 50. Остатки эламитскаго войска брошены въ рѣку	215

	<i>Стр.</i>
Рис. 51. Смерть Тіуммана	218
„ 52. Сдача и запись отрубленныхъ головъ	219
„ 53. Голову Тіуммана провозятъ по ассирій- скому лагерю	219
„ 54. Эламитскіе музыканты идутъ навстрѣчу ассирійцамъ	221
„ 55. Ассирійскій полководецъ представляетъ Уманигаша Эламитамъ	223
„ 56. Шествіе плѣнниковъ въ Ассирію	224
„ 57. Діэра финикійскаго образца	230
„ 58. Эа, богъ-рыба	234
„ 59. Стычка ассирійцевъ съ обитателями бо- лотъ	236
„ 60. Халдейская семья, укрывшаяся въ трост- никахъ	237
„ 61. Башни съ надстройками	242
„ 62. Окруженный окопами лагерь ассирій- цевъ	242
„ 63. Три палатки въ лагерѣ ассирійцевъ	245
„ 64. Ассирійскіе прашники	246
„ 65. Стрѣлки за щитомъ	247
„ 66. Осада города	248
„ 67. Ассирійскій подкопщикъ	249
„ 68. Башни съ тараномъ пробиваютъ от- верстіе въ стѣнѣ	252
„ 69. Картина осады	253
„ 70. Ассирійцы рубятъ деревья въ непріа- тельской землѣ	255
„ 71. Грифонъ въ египетскомъ стилѣ	261
„ 72. Шествіе коней	262
„ 73. Верблюды и его вожатые	263
„ 74. Сдираніе кожи съ плѣнника	270
„ 75. Царскіе гости пьютъ за столомъ	272
„ 76. Невольники приносятъ плоды	273

»	77. Невольники приносятъ вина, пироги и плоды	274
»	78. Виночерпѣи берутъ вино изъ чаши . .	275
»	79. Часовые съ чашами въ рукахъ	276
»	80. Ассурбанипаль пьетъ съ царицей въ садахъ гарема	277

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Царская резиденція Дуръ-Шарукинъ . . .	7
„ II. Частная жизнь ассирійца	37
„ III. Смерть и погребеніе	65
„ IV. Царская охота	94
„ V. Приемъ у царя и приготовленія къ войнѣ.	123
„ VI. Книгохранилище Ассурбанипала	148
„ VII. Наука предсказаній	174
„ VIII. Война	197
„ IX. Флотъ и осада	225
„ X. Побѣда	257

СТРАНЫ, ВѢКА и НАРОДЫ.

Книги по географіи, исторіи, культурѣ, искусству.

Г. Бёмеръ. Іезуиты. Съ введеніемъ и примѣчаніями Г. Моно. Пер. Н. Попова. 1 р. 25 к.

Среднему читателю, для котораго слово „іезуитъ“ есть символъ коварства и хитрости, связанной съ пресловутымъ „дѣломъ оправдываетъ средства“, въ книжкѣ Г. Бёмера все будетъ ново и интересно, и многое очень неожиданно, потому что орденъ Іисуса имѣетъ въ своей исторіи немало замѣчательныхъ примѣровъ героизма и самоотреченія и даетъ образцы изумительныхъ организаціонныхъ дарованій, которыя маленькое студенческое общество въ сравнительно короткое время сдѣлало міровой силой.

„Кіевская Мысль“.

Книжку Бёмера можно смѣло рекомендовать русскому читателю. Главное достоинство ея—сжатость и объективность. Это—какъ бы резюме подлиннаго предсѣдателя суда. Авторъ не замалчиваетъ никакихъ грѣховъ іезуитовъ, но не молчитъ и объ ихъ добродѣтеляхъ. Да и невозможно въ XX вѣкѣ не признать громаднаго значенія такихъ поразительныхъ людей, какъ Игнацій Лойола или Францискъ Ксавье.

Переводчикъ приложилъ въ книгѣ обширное и очень обстоятельное введеніе, написанное Г. Моно для французскаго перевода. Какъ и всѣ изданія М. и С. Сабашниковыхъ, книга Бёмера издана добросовѣстно и опрятно.

„Речь“.

Г. Буассье. Археологическія прогулки по Риму. Переводъ М. Безобразовой. 1 р. 25 к.

Имя Г. Буассье служитъ лучшей рекомендаціей новой книги изъ серіи „Страны, вѣка и народы“. Этотъ знаменитый знатокъ классической древности, взявъ за основаніе нѣсколько блестящихъ очерковъ изъ археологіи и топографіи древняго Рима, даетъ рядъ яркихъ, сильныхъ и красочныхъ картинъ изъ жизни вѣчнаго города. Всесторонняя эрудиція ученаго воскрешаетъ прошлое и заставляетъ говорить нѣмыми развалины. Остовъ колоннады, надпись на могилѣ христіанскаго мученика, кусокъ фрески, чудомъ сохранившаяся карикатура—и прошлое восстанавливается, одѣвается въ плоть и кровь. Оживаетъ Форумъ, катакомбы наполняются толпами христіанъ,

встаютъ императоры—мрачный Калигула и доблестный ученый эллинистъ Адрианъ. Эпоха II и III вѣковъ римской имперіи, съ ея пышнымъ и сложнымъ расплѣтомъ духовной, политической и экономической жизни, сосредоточившейся въ столицѣ міра съ непревзойденной силой, встаетъ передъ нами съ необычайной выпуклостью, такъ какъ ничто до такой степени не заставляетъ насъ ощущать реальность историческаго прошлаго, какъ талантливые очерки по археологіи, оживленные рядомъ талантливыхъ историческихъ экскурсовъ.

Переведена и издана эта талантливая, вполне заслуживающая свою извѣстность книга очень хорошо.

„Утро Россіи“.

Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Перев. О. Анненковой. 1 р. 25 к.

Извѣстный византинистъ... Ш. Диль показалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ также недюжинное искусство живого наблюденія. Искусно сплетая свой первенствующій археологическій интересъ съ современностью, онъ далъ книжку, интересную и для широкаго круга читателей. Значеніе современности, въ виду войны съ Австро-Венгріей и Турціей, имѣютъ страницы и главы, посвященныя Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ (интересная характеристика политики въ нихъ Австро-Венгріи) и Константинополю.

„Вѣстникъ Европы“.

Ш. Диль. Византійскіе портреты. Переводъ М. Безобразовой, подъ ред. и съ предисловіемъ П. Безобразова. Вып. I—1 р. 25 к., вып. II—1 р. 25 к.

При всемъ интересѣ, обнаруженномъ у насъ въ послѣднее время къ исторіи Византіи, наша популярная историческая литература по византизму настолько бѣдна, что незнакому съ иностранными языками человѣку почти нечего читать.

Появленіе перевода трудовъ выдающагося французскаго византиниста Шарля Диль идетъ навстрѣчу требованіямъ читателей. Авторъ „Византійскихъ портретовъ“ рисуетъ жизнь византійскихъ императрицъ на фонѣ придворнаго быта. Съ яркостью, изяществомъ и легкостью изложенія, присущими только французскимъ ученымъ, Шарль Диль даетъ увлекательный разсказъ о томъ, какое вліяніе на императорскомъ тронѣ Византіи имѣла красота женщинъ, въ общественной жизни обычно не пользовавшихся уваженіемъ. Диль въ своихъ увлекательныхъ очеркахъ, написанныхъ, кстати сказать, на основаніи

первоисточниковъ, а потому являющихся и крупнымъ вкладомъ въ историческую науку, пытается показать, что эти женщины на тронѣ бывали сильны не только обаяніемъ своей красоты, но и своимъ умомъ, хитростью и умѣніемъ справляться со всякими сложными моментами жизни, этой, какъ выражается авторъ, „живописной и мутной эпохи“.

Диль не ограничиваетъ задачу своего изложенія портретными набросками однѣхъ только вѣнценосныхъ красавицъ Византіи. Стремясь возможно ярче и правдивѣе нарисовать бытъ общества этой имперіи, онъ отъ характеристикъ Θεодоры, Θεοφано, Порфирородной Зои и другихъ царственныхъ особъ переходитъ къ византійской женщинѣ и семьѣ средняго круга, описаніе которыхъ еще больше способствуетъ изученію „страстей вѣка“, изученію той самой среды, въ которой мелькаютъ самыя характерныя черты византизма.

„Речь“.

Въ русской литературѣ, въ которой очень мало популярныхъ работъ, посвященныхъ Византіи, „Портреты“ Дилиа заполнить, — и заполнить блистательно, — вѣнчающій пробѣлъ. Эта маленькая книжка можетъ сдѣлать то, чего не сдѣлаютъ ученые сочиненія: приблизить Византію, ея людей, строй ея жизни, мысли, чувствованія къ пониманію такого читателя, который не любитъ ученыхъ книгъ.

А. Дживелеговъ. „Русскія Вѣдомости“.

Ш. Диль. По Греціи. Археологическія прогулки. Пер. М. Безобразовой. 8 таблицъ плановъ. 1 р. 25 к.

Московское книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ взяло на себя выполненіе весьма симпатичной задачи—дать русской публикѣ рядъ очерковъ по гуманитарнымъ и общественнымъ наукамъ, представляющихъ собою все лучшее и свѣжее, что появляется въ нашей и иностранной литературѣ. Изычно изданныя и недорогія книжки знакомятъ читателя съ вопросами по разнымъ научнымъ дисциплинамъ, изъ которыхъ многія считаются слишкомъ сухими для широкой публики въ специальномъ изложеніи; благодаря же популярному и живому языку книжекъ, онѣ становятся вполне доступными и для рядового читателя. Такова, напримѣръ, книжка, приведенная въ заголовкѣ. Она даетъ знакомство съ результатами чрезвычайно важныхъ для исторіи археологическихъ раскопокъ въ Греціи, произведенныхъ Шлиманомъ, Карапаносомъ и др. въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія и пролившихъ свѣтъ на искусство и бытъ различныхъ эпохъ жизни древней Эллады.

Не ограничиваясь простымъ описаніемъ добытыхъ памятниковъ, авторъ оживляетъ ихъ, возстановляя укладъ жизни,

обычаи, художественныя исканія и политическій характеръ эпохи, создавшей тотъ или иной памятникъ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ близкимъ и понятнымъ для насъ тотъ далекій и блестящій періодъ, который оставилъ человѣчеству такое богатѣйшее культурное наслѣдіе.

„*Правительство. Вѣстникъ*“.

К. Корниль. Пророки. Пер. Д. Желоховцева подъ ред. и съ предисл. Н. М. Никольскаго. 75 к.

Только что вышедшая въ прекрасномъ переводѣ подъ редакціей Н. М. Никольскаго книга представляетъ собою пять публичныхъ лекцій о 16 еврейскихъ пророкахъ, въ связи съ исторической картиной современныхъ имъ событій и съ характеристикой общаго развитія еврейской религіи, подъ вліяніемъ пророческой проповѣди.

Разсматривая дѣятельность пророковъ не въ томъ порядкѣ, какъ это указано въ приписываемыхъ имъ книгахъ Библии, а на основаніи объективныхъ историческихъ данныхъ, подтверждаемыхъ и сохранившимися донныя надписями, авторъ въ общемъ итогѣ приходитъ къ выводу, что пророки превратили еврейскую народную религію въ религію міровую. Пророкъ Амосъ выяснилъ, что Богъ есть право и справедливость, Осія и Іеремія, что Онъ—любовь и милосердіе, Исаія, что Онъ—руководитель всемірной исторіи. Михей и Іеремія впервые учатъ, что Богу угодное всего смиреніе и чистота сердца, Іезекиль выдвигаетъ на первый планъ любовь къ ближнему и т. д. Въ итогѣ читатель вполне соглашается съ утвержденіемъ автора, что „если Израиль сдѣлался народомъ религіи для всего міра, то этимъ онъ обязанъ дѣятельности пророковъ, которые впервые выяснили себѣ понятіе міровой религіи и установили его во всѣхъ основныхъ чертахъ“.

Вѣдншій планъ книги таковъ: выяснивъ сущность и значеніе израильскаго пророчества, авторъ характеризуетъ ученіе пророковъ до смерти Езекии, отъ Манасси до разрушенія Іерусалима и во время плѣна вавилонскаго и, въ заключеніе, говоритъ объ эпиграхахъ израильскихъ пророковъ. Языкъ книги очень живой, изложеніе сложныхъ вопросовъ очень простое и занимательное.

И. Книжникъ. „*Речь*“.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимофеевой. 1 р. 25 к.

Новое изданіе Лависса появляется какъ нельзя болѣе кстати. Война вызываетъ сейчасъ особенный интересъ къ Германіи, къ ея настоящему и къ ея прошлому. Что такое Пруссія, какъ она возникла, почему именно она сумѣла выполнить задачу объединенія Германіи, всѣ эти вопросы получили для рус-

скаго читателя значеніе почти злободневныхъ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ здоровый интересъ ко всему нѣмецкому, въ томъ числѣ и къ нѣмецкой исторіи, удовлетворяется совершенно нездоровой умственной пищей. Въ связи съ войной появились дѣльныя горы шовинистической макулатуры. На этомъ фонѣ книга Лависса, и сама по себѣ прекрасная, выдѣляется особенно ярко.

Работа Лависса написана вполне популярно; переводъ прекрасенъ. Слѣдуетъ пожелать книгѣ самаго широкаго распространенія.

В. Волгинъ. „Русскія Ведомости“.

Вернонь Ли. Италія. Избранныя страницы. V. I. *Genius loci*. Переводъ Е. Уреніусъ подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Муратова. 1 р. 25 к.

За послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ наблюдается несомнѣнно увеличеніе интереса къ Италіи, ея великому прошлому и изумительнымъ созданіямъ ея художественнаго гения. Отвѣчая потребности, на книжномъ рынкѣ увеличился притокъ изданій, посвященныхъ Италіи, ея культурѣ и искусству.

Книга Вернонь Ли, хорошо переведенная подъ редакціей П. Муратова, составлена изъ нѣсколькихъ главъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собой замкнутое и законченное цѣлое.

П. Муратовъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что Вернонь Ли обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ видѣть формы и краски, а если къ этому прибавить, что она обладаетъ еще и способностью передавать свои впечатлѣнія выразительнымъ и изысканнымъ языкомъ, то переводъ избранныхъ страницъ изъ различныхъ ея книгъ можно только приветствовать, какъ радостное событіе для всѣхъ, у кого есть интересъ и любовь къ Италіи.

„Речь“.

У этой книги есть безцѣпныя свойства духовнаго единенія съ читателемъ автора, который пишетъ о томъ, что онъ и чувствуетъ, и знаетъ. Можно разсказать о тосканскихъ Апеннинахъ, — разсказать подробно, обстоятельно и занятно; это — одно. Но можно какимъ-то особымъ подборомъ словъ и мыслей открыть читателю за ровными нитями строкъ живые пейзажи каштановыхъ лѣсовъ, виноградниковъ, горныхъ вершинъ, лучистыхъ далей; можно незамѣтно, не утомивъ, завести его на вершину горы и показать ему одну изъ тѣхъ картинъ, которыми расточительна только Италія: сразу, въ одномъ полѣ зрѣнія, — и голыя скалы, и кудри винограда, и море, и гнѣзда человѣческихъ жилищъ, и далекая, больше мыслимая, чѣмъ видная глазу, кампаннла собора стариннаго города. Этимъ искусствомъ владѣетъ изящное перо Виолетты Паджеттъ, принявшей псевдонимъ Вернонь Ли, автора „Очерковъ Италіи XVIII вѣка“ и ряда другихъ книгъ объ Италіи.

Книга Вернонъ Ли никакъ не можетъ быть прочтена со скукой, но тотъ, кто уже бывалъ въ Италіи и поддавался ея странному, такъ трудно объяснимому очарованію, прочтеть эту книгу съ особымъ ощущеніемъ.

М. Осоргинъ. „Русскія Вѣдомости“.

А. Лихтенбергъ. Современная Германія. Пер. Н. Попова. 1 р. 40 к.

Книга сорбонскаго профессора вполне заслуживаетъ исключительнаго вниманія нашего общества. Авторъ извѣстныхъ монографій о Гейне, Ницше и Рихардѣ Вагнерѣ далъ здѣсь удивительно ясную и безпристрастную характеристику народа и государства, сдѣлавшаго общепризнаннымъ публичнымъ культомъ— культъ силы. Передъ нами живая картина политики и настроеній современной Германіи, которая своей влюбленностью во внѣшнее могущество, своимъ пренебреженіемъ ко всякой общечеловѣческой гуманитарной идеологіи является страннымъ анахронизмомъ въ нашей мирной части свѣта. Великіе культурные успѣхи нашей сосѣдки омрачены ужъ слишкомъ „личной“ политикой вождя народа, его фантастически-честолюбивыми замыслами и тѣми шумными выступленіями, которыя въ концѣ концовъ „вызвали всюду безпокойство и недовѣріе“ и повели къ полной изолированности Германіи въ Европѣ. Книга г. Лихтенбергъ написана блестяще; читатель поражается тонкимъ анализомъ самыхъ сложныхъ и глубоконаціональныхъ явленій и громадной освѣдомленностью автора во всѣхъ областяхъ нѣмецкой жизни. „Одесскія Новости“.

А. Морэ. Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Серія „Страны, вѣка и народы“ обогатилась книгой по исторіи Египта.

Эта книга не представляетъ собою ученаго археологическаго труда. Въ популярной и легкой формѣ знакомитъ она читателя съ послѣдними данными, добытыми кропотливой работой ученыхъ-египтологовъ.

Она даетъ живую картину жизни во времена фараоновъ. Она говоритъ о „дипломатіи фараоновъ“, рисуетъ „Египетъ до пирамидъ“, всю жизнь послѣдующихъ поколѣній, группирующихся „вокругъ пирамидъ“, выясняетъ религіозное и общественное значеніе памятниковъ-гробницъ, рассказываетъ о „книгѣ мертвыхъ“, которая сопровождала усопшаго въ гробницу и доставляла ему достиженіе будущей жизни. Цѣлая глава посвящена магіи древняго Египта и самому способу произведенія раскопокъ и реставраціи древнихъ памятниковъ. Книга читается съ большимъ интересомъ. „Голосъ Москвы“.

А. Морэ. Цар и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.

Весьма интересныя описанія культа Озириса и Изиды сопровождаются замѣчаніями общаго характера, имѣющими тѣмъ большую цѣнность, что они знакомятъ публику съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ культъ этихъ египетскихъ боговъ для развитія религіозной и мистической мысли дохристіанской эры. Неменьшій интересъ представляетъ собой статья, въ которой авторъ пытается установить связь между египетскимъ искусствомъ и древне-греческимъ, въ частности гомеровскимъ. Въ заключеніе авторъ знакомитъ читателя съ исторіей чтенія іероглифовъ. Увлекательное изложеніе всѣхъ этихъ темъ соединено у автора съ удивительной легкостью языка, почему книга читается съ большимъ интересомъ. Въ книгѣ имѣется много рисунковъ, дающихъ представленіе о характерѣ египетскаго искусства, въ концѣ же приложена карта древняго Египта. Можно только привѣтствовать изданіе такой книги и пожелать, чтобы и другія изданія той же серіи „Страны, вѣка и народы“ не уступали по своему достоинству книгѣ Морэ.

„Утро“, Харьковъ.

П. де Сень-Викторъ. Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.

Кажется, это въ первый разъ, что Сень-Викторъ появляется на русскомъ языкѣ. Вотъ уже поистинѣ: лучше поздно... Сень-Викторъ—одинъ изъ самыхъ большихъ виртуозовъ слова во французской нехудожественной литературѣ; пробѣгать его сверкающія страницы—то же, что слушать музыку. Сочетанія его словъ будятъ мысль и поднимаютъ настроеніе. Его образы пьянятъ. Его картины ослѣпляютъ. Викторъ Гюго писалъ ему послѣ того, какъ онъ далъ отзывъ о „Труженикахъ моря“: „Стоитъ написать цѣлую книгу, чтобы вы написали о ней одну страницу“. Въ его статьяхъ нѣтъ ни глубины Тэна, ни оригинальности и безошибочнаго вкуса Сентъ-Бева, ему часто не хватаетъ непосредственной критической интуиціи, которая предчувствуетъ большія художественныя цѣнности. Его при жизни звали Донъ-Жуаномъ фразы. И все-таки отъ его вещей трудно оторваться,—такъ онъ умѣетъ заворочить читателя своимъ словомъ.

А. Дживелеговъ. „Русскія Вѣдомости“.

СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЕЙ:

Москва, Тверской бульваръ, 6.

СТРАНЫ, ВѢКА И НАРОДЫ.

КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРѢ, ИСКУС

ВЫШЛИ:

- Бёмеръ, Г. Иезуиты. Пер. Н. Попова. 1 р. 25 к.
Буассье, Г. Археологическія прогулки по Риму. Пер. П. зова. 1 р. 25 к.
Вернонъ Ли. Италия. В. I. Genius loci. Пер. Е. Уреніусъ. По съ пред. П. Муратова. 1 р. 25 к.
Вернонъ Ли. Италия. В. II. Театръ и музыка. Пер. Е. Урені ред. П. Муратова. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. По Греціи. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. Византійскіе портреты. В. I. Пер. М. Безобразовой.
Диль, Ш. Византійскіе портреты. В. II. Пер. М. Безобразовой.
Диль, Ш. По берегамъ Средиземнаго моря. Пер. О. Анненковой.
Корниль, К. Пророки. Пер. подъ ред. Н. Никольскаго. 75 к.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой.
Лихтенберже, А. Современная Германія. Пер. Н. Попова. 1 р.
Масперо, Г. Въ времена Рамзеса и Ассурбанипала. Египет Григоровичъ. 1 р. 25 к.
Морэ, А. Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
Морэ, А. Цари и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
П. де Сень-Викторъ. Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.

ГОТОВЯТСЯ:

- Алleshъ, Г. Ренессансъ въ Италиі.—Волошинъ, М. Духъ довскій, К. Люди Ренессанса и люди Барокко.
Очерки городовъ, амбчательныхъ въ художественномъ Аены, Ассизы, Константинополь, Лондонъ, Парижъ, Разенъ и др.

1 р. 25 к.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульва